

КЭСС МОРГАН

СОТНЯ

СОТНЯ
ДЕНЬ 21

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ
ВОССТАНИЕ

ВПЕРВЫЕ: ВСЕ ЧЕТЫРЕ ЧАСТИ КУЛЬТОВОЙ АНТИУТОПИИ,
ПО КОТОРОЙ СНЯТ ЗНАМЕНИТЫЙ ТЕЛЕСЕРИАЛ

«THE 100»,
В ОДНОЙ КНИГЕ!

Сотня

Кэсс Морган

**Сотня: Сотня. День 21.
Возвращение домой**

«Издательство АСТ»

2013, 2014, 2016

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

Морган К.

Сотня: Сотня. День 21. Возвращение домой / К. Морган —
«Издательство АСТ», 2013, 2014, 2016 — (Сотня)

ISBN 978-5-17-122133-1

Уцелевшие после атомной войны люди переселились на космические корабли, но вечно так продолжаться не может, и человечество, веря, что ядерная зима закончилась, мечтает вернуться на родную планету. Для начала решено поставить эксперимент: сотню трудных подростков отправляют на Землю с целью заново колонизировать ее. Бывшие малолетние преступники становятся вожаками, отстаивая свои права. Казалось бы, опасность миновала и жизнь начинает налаживаться, но тут возникает новая угроза: секта фанатиков пытается спасти разоренную войнами планету... уничтожив все ее население.

УДК 821.111

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-122133-1

© Морган К., 2013, 2014, 2016
© Издательство АСТ, 2013, 2014, 2016

Содержание

Сотня	6
Глава 1. Кларк	7
Глава 2. Уэллс	11
Глава 3. Беллами	16
Глава 4. Гласс	20
Глава 5. Кларк	25
Глава 6. Уэллс	31
Глава 7. Беллами	37
Глава 8. Гласс	41
Глава 9. Кларк	47
Глава 10. Беллами	52
Глава 11. Гласс	56
Глава 12. Кларк	62
Глава 13. Уэллс	65
Глава 14. Беллами	69
Глава 15. Кларк	73
Глава 16. Гласс	76
Глава 17. Уэллс	80
Глава 18. Кларк	85
Глава 19. Беллами	89
Глава 20. Гласс	93
Глава 21. Кларк	97
Глава 22. Уэллс	100
Глава 23. Беллами	101
Глава 24. Гласс	105
Глава 25. Беллами	109
Глава 26. Кларк	113
Глава 27. Уэллс	115
Глава 28. Гласс	119
Глава 29. Беллами	122
Глава 30. Кларк	124
Глава 31. Гласс	127
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Кэсс Морган

Сотня: Сотня. День 21. Возвращение домой

Kass Moragan

The 100. Day 21. Homecoming. Rebellion

© 2013, 2014, 2016 by Alloy Entertainment

© Юлия Межова, обложка, 2020

© Ольга Кидвати, Ирина Нечаева, перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Сотня

Эта книга – плод воображения автора. Все имена, персонажи, места и ситуации вымышлены. Любые совпадения с реальными событиями, географическими объектами и людьми, как умершими, так и ныне здравствующими, являются случайностью.

Моим родителям, дедушкам и бабушкам с любовью и благодарностью посвящается.

Глава 1. Кларк

Дверь отъехала в сторону, и Кларк поняла: пришло время умирать. Взгляд остановился на ботинках охранника, и девушка ощутила приступ страха, вернее – отчаянной, неконтролируемой паники. Но когда она приподнялась на локте (рубашка нехотя отклеилась от пропотевшей койки), единственным ее чувством стало облегчение.

Кларк перевели в изолятор после нападения на охранника, но для нее не существовало понятия одиночного заключения: голоса она слышала везде. Голоса зывали из темных углов ее узилища, заполняли паузы между двумя ударами сердца, вопили в самых глубоких тайниках сознания. Не то чтобы Кларк жаждала погибнуть, но если смерть была единственным способом заставить их замолчать – что ж, тогда она готова умереть.

Кларк посадили в Тюрьму за особо тяжкое преступление, но правда была много ужаснее, чем можно вообразить. Даже если каким-то чудом после пересмотра дела ее помилуют, легче не станет. Ее воспоминания тяжелее самого сурового заключения.

Охранник кашлянул, прочищая горло, и переступил с ноги на ногу.

– Заключенная номер 319, пожалуйста, встаньте.

Он был моложе, чем она ожидала. Долговязая фигура терялась под свободной униформой, выдавая в ее обладателе новобранца. Несколько месяцев на усиленном военном пайке оказалось недостаточно, чтобы изгнать призрак недоедания, вечно преследовавший Уолден и Аркадию, нищие корабли Колонии.

Кларк глубоко вздохнула и поднялась на ноги.

– Вытяните руки вперед, – сказал охранник, извлекая из кармана своего синего мундира металлические наручники. Девушка вздрогнула, когда он коснулся ее кожи: с тех пор как ее бросили в изолятор, она не видела ни одной живой души, и тем более не ощущала ничьих прикосновений. – Слишком туго? – резко спросил охранник, но в его тоне сквозила нотка сострадания, кольнувшая сердце Кларк. Слишком много времени прошло с тех пор, как Талия – ее бывшая сокамерница и единственный во всем белом свете друг – ей сочувствовала.

Кларк покачала головой.

– А теперь присядьте на кровать. Доктор вот-вот будет.

– Они сделают это прямо тут? – хрипло спросила Кларк: слова словно скребли ей горло. Визит доктора мог означать только одно: отказ в пересмотре дела. Что ж, удивляться тут нечему.

По закону Колонии, взрослых казнили сразу после вынесения приговора, а подростков содержали в Тюрьме, пока им не исполнится восемнадцать, после чего давали еще один шанс на правосудие. Но в последнее время приговор приводили в исполнение через несколько часов после повторного рассмотрения дела. На казнь шли даже те, кто еще несколько лет назад мог смело рассчитывать на помилование.

Однако поверить в то, что они сделают это прямо в ее камере, было трудно. Как ни странно, Кларк предвкушала последний поход в больницу, где так много времени провела, будучи студенткой-медичкой. Это был ее последний шанс почувствовать нечто привычное, знакомое – пусть даже это всего лишь запах дезинфекции и гул системы кондиционирования – прежде чем она навсегда утратит способность что-либо ощущать.

Избегая встречаться с ней глазами, охранник произнес:

– Просто сядьте.

Кларк сделала несколько маленьких шажков и напряженно опустилась на самый краешек своей узкой койки. Хотя она знала, что одиночество искажает восприятие времени, ей все равно трудно было поверить, что она отсидела в этой камере – совсем одна – почти шесть месяцев. Год, проведенный с Талией и их третьей сокамерницей, Лизой (девушкой с суровым

выражением лица, за все время улыбнувшейся один-единственный раз: это произошло, когда уводили Кларк), казался вечностью. Но иного объяснения происходящему просто не было. Сегодня ее восемнадцатый день рождения, и ей уготован единственный подарок: шприц, который вызовет паралич всех мышц. И ее сердце перестанет биться. А потом, как это принято в Колонии, безжизненное тело отправят в космос, и оно будет всю оставшуюся вечность дрейфовать по Галактике.

В дверях выросла человеческая фигура, и в камеру шагнул высокий, стройный мужчина. Его длинные седые волосы падали на плечи, частично закрывая значок на воротнике белого халата, но Кларк не нуждалась в знаках различия, чтобы узнать в пришедшем главного медицинского координатора Совета. Перед тем как ее арестовали, она почти год училась у доктора Лахири и бесчисленное количество часов провела рядом с ним во время хирургических операций. Остальные стажеры завидовали ей и жаловались на кумовство, ведь доктор Лахири – один из ближайших друзей отца Кларк. Ну, или был им до тех пор, пока ее родителей не казнили.

– Привет, Кларк, – любезно приветствовал он девушку, словно они встретились в больничной столовой, а не в тюремной камере-одиночке. – Ну как ты себя чувствуешь?

– Думаю, гораздо лучше, чем буду минут через десять.

Раньше доктор Лахири всегда улыбался мрачным шуткам Кларк, но сегодня он вздрогнул и повернулся к охраннику:

– Не могли бы вы снять с нее наручники и дать нам пару минут? Пожалуйста.

Охранник пожегся:

– Я не имею права оставлять ее без присмотра.

– Вы можете подождать прямо за дверью, – подчеркнуто терпеливо произнес доктор Лахири. – Это всего лишь безоружная семнадцатилетка. Я думаю, что смогу контролировать ситуацию.

Избегая взгляда Кларк, охранник снял с нее наручники, кивнул доктору Лахири и вышел.

– Вы, наверно, хотели назвать меня безоружной восемнадцатилеткой, – выдавливая подлое улыбки, сказала Кларк. – Или вы превратились в одного из безумных ученых не от мира сего и не знаете, какой год стоит на дворе?

Именно таким был ее отец. Он забыл запрограммировать суточный цикл освещения их квартиры и, в конце концов, стал ходить на работу к четырем часам утра, слишком погруженный в свои исследования, для того чтобы заметить полное отсутствие людей в коридорах корабля.

– Тебе все еще семнадцать, Кларк, – в голосе доктора Лахири звучали те спокойные, медлительные нотки, которые он обычно приберегал для очнувшихся от наркоза пациентов. – Ты провела в камере-одиночке три месяца.

– Тогда что вы тут делаете? – спросила Кларк, не в силах скрыть вновь охватившую ее панику. – Закон гласит, что вы должны дожидаться моего восемнадцатилетия.

– Наши планы несколько изменились. Это все, что я уполномочен сказать.

– Значит, вы уполномочены казнить меня, но разговаривать со мной вам нельзя?

Она вспомнила, как наблюдала за доктором Лахири во время суда над ее родителями. Тогда она думала, что его мрачное лицо выражает неодобрение происходящего, но теперь не была в этом уверена. Он ничего не сказал в их защиту, ни единого слова. Просто сидел и молчал, когда Совет признал ее родителей – двух самых блестящих ученых Феникса – виновными в нарушении Доктрины Геи. Так назывался свод правил, установленных после Катаклизма для выживания человеческой расы.

– А как насчет моих родителей? Их тоже убили вы?

Доктор Лахири закрыл глаза, как будто слова, произнесенные Кларк, перестали быть звуком и преобразились во что-то видимое. Видимое и уродливое.

– Я здесь не для того, чтобы убить тебя, – тихо сказал он, потом открыл глаза и указал на стул в изножье кровати. – Я могу присесть?

Когда Кларк не ответила, доктор Лахири прошел немного вперед и уселся так, чтобы видеть ее лицо.

– Пожалуйста, позволь мне взглянуть на твою руку.

Кларк почувствовала, как сдавило ее грудную клетку, и сделала над собой усилие, чтобы вдохнуть. Он лгал ей. Все происходящее казалось ночным кошмаром, но должно было вот-вот закончиться раз и навсегда.

Она протянула ему руку. Доктор Лахири достал из кармана сверток, резко пахнувший антисептиком. Кларк вздрогнула, когда он коснулся внутренней стороны ее запястья.

– Не беспокойся, больно не будет.

Кларк закрыла глаза, вспоминая полный муки взгляд Уэллса, устремленный ей вслед, когда ее под конвоем уводили из зала Совета. Гнев, сжигавший девушку изнутри во время судебного разбирательства, давно угас, но от мыслей об Уэллсе в ее теле по-прежнему поднималась горячая пульсирующая волна. Так умирающая звезда, прежде чем кануть в небытие, вспыхивает последний раз.

Ее родители мертвы, и это его вина.

Доктор Лахири взял ее за руку, его пальцы искали ее вену.

До скорой встречи, мама и папа.

Его пальцы сжались сильнее.

Во внутреннюю сторону запястья вонзилась игла, и Кларк глубоко вздохнула.

– Ну вот, все готово.

Глаза Кларк распахнулись сами собой. Она посмотрела вниз и увидела металлический браслет, плотно охвативший ее руку. Девушка провела по нему пальцем и вздрогнула, когда в ее кожу вонзилась дюжина крохотных игл.

– Что это? – спросила она, отстраняясь от доктора. В ее голосе послышалось безумие.

– Просто расслабься, – отстраненно произнес доктор. – Это витальный ретранслятор. Чтобы отслеживать твоё дыхание, состав твоей крови и собирать всю полезную информацию.

– Полезную для кого? – спросила Кларк, уже предчувствуя ответ, ее внутренности словно сжались от ужаса и дрожали.

– Впереди грандиозные события, – сказал доктор Лахири. Это прозвучало, как неудачная подделка речи отца Уэллса, Канцлера Яха, в День Памяти павших. – Ты должна гордиться. Этим ты сможешь помочь своим родителям.

– Моих родителей казнили за измену.

Доктор Лахири бросил на нее неодобрительный взгляд. Год назад такой взгляд заставил бы ее сгореть со стыда, но сейчас она выдержала его и глазом не моргнув.

– Не надо все портить, Кларк. Тебе дали шанс загладить своими поступками ужасные преступления твоих родителей.

Кулак Кларк врезался в лицо доктора Лахири, послышался негромкий треск, сменившийся глухим стуком, когда его голова ударилась о стену. Буквально через секунду в камере возник охранник, и руки Кларк оказались скручены за спиной.

– Сэр, с вами все в порядке? – спросил охранник.

Доктор Лахири медленно сел, потирая челюсть. Он смотрел на Кларк одновременно с гневом и любопытством.

– Теперь мы по крайней мере знаем, что ты сможешь постоять за себя, когда окажешься там в обществе других преступников.

– Там – это где? – буркнула Кларк, пытаясь освободиться от хватки охранника.

– Сегодня мы полностью разгрузим все камеры предварительного заключения, и сотня везучих преступников получит шанс своими руками изменить ход истории. – Его лицо исказила кривая ухмылка. – Вы отправляетесь на Землю.

Глава 2. Уэллс

Канцлер сдал. Хотя Уэллс не виделся с отцом всего шесть недель, но тот за столь краткое время будто состарился на несколько лет. Прибавилось седины на висках, и морщины вокруг глаз залегли глубже.

– В конце концов, ты собираешься рассказать мне, зачем это сделал? – устало спросил Канцлер.

Уэллс поерзал на стуле. Он чувствовал, как истина, словно когтями, разрывает его изнутри. Он отдал бы почти что угодно, лишь бы стереть с отцовского лица выражение разочарования, но не мог рисковать – по крайней мере не раньше чем убедится, что его безрассудный, отчаянный план действительно сработает.

Пряча глаза, Уэллс снова и снова окидывал взглядом комнату, стараясь получше запомнить реликвии, которые он, возможно, видел в последний раз: скелет орла в стеклянной витрине, несколько картин, переживших пожар в Лувре, и фотографии прекрасных мертвых городов, от звука чьих имен по спине Уэллса каждый раз бежали мурашки.

– Как ты посмел? Ты что, выпендривался перед своими дружками?

Консул говорил тем ровным, спокойным тоном, который обычно приберегал для слушаний в Совете, а потом приподнял бровь, чтобы Уэллс понял: настал его черед говорить.

– Нет, сэр.

– Может, у тебя случился приступ временного помешательства? Или дело в наркотиках?

Теперь в голосе Канцлера зазвучали нотки надежды, и в другой ситуации это позабавило бы Уэллса. Но во взгляде отца вновь проступила та смесь усталости и растерянности, которой Уэллс не видел с похорон матери, и это было совсем несмешно.

– Нет, сэр.

Уэллс ощутил мимолетное желание коснуться руки отца, но отнюдь не наручники на запястьях удержали его от того, чтобы потянуться через письменный стол. Даже когда они стояли вокруг внешнего шлюза, чтобы сказать последнее тихое «прости» матери Уэллса, он не смог бы преодолеть эти несчастные шесть дюймов, что их разделяли. Они с отцом были словно два магнита – взаимные обвинения отталкивали их друг от друга, как полюса с одинаковым зарядом.

– Возможно, это была какая-то политическая декларация? – От этой мысли отец поморщился, словно пропустив удар. – Тебя подбил на это кто-нибудь с Уолдена или Аркадии?

– Нет, сэр, – повторил Уэллс, сдерживая возмущение.

Похоже, последние шесть недель отец пытался представить себе его в образе какого-то бунтаря, перекраивая свои воспоминания, чтобы понять, как сын, в недавнем прошлом блестящий студент, а ныне – кадет высшего ранга, совершил самое громкое в истории правонарушение. Однако даже знание истины вряд ли помогло бы отцу справиться с шоком. Ничто не могло оправдать в глазах Канцлера поджог Райского Древа, саженец которого принесли на Феникс прямо перед Исходом. Но Уэллс посчитал, что у него не было другого выхода. Он должен был что-то сделать, чтобы присоединиться к отправляющейся на Землю сотне, потому что узнал, что в ее состав вошла Кларк. А поскольку он был сыном Канцлера, в Тюрьму его могло привести лишь громкое, резонансное правонарушение.

Уэллс помнил, как шел через толпу, собравшуюся на Церемонию Поминовения, ощущая на себе взгляды тысячи глаз, как дрожала его рука, когда он вытащил из кармана зажигалку, и тьму озарила яркая вспышка. Несколько мгновений все молча смотрели, как Древо охватывает пламя. Поэтому, когда во внезапно воцарившемся хаосе охранники рванулись вперед, невозможно было не понять, кого именно они схватили.

– Что ты, черт возьми, себе думал? – спросил Канцлер, недоверчиво глядя на сына. – Зал мог выгореть целиком, и все люди погибли бы.

Наверное, лучше было бы соврать. Отцу легче будет думать, что Уэллса взяли на «слабо». Или, может быть, лучше прикинуться, что он был под кайфом? Любой из этих сценариев устроит Канцлера куда больше, чем истина, которая заключается в том, что его сын поставил все на карту ради девушки.

Дверь госпиталя уже закрылась за ним, но улыбка Уэллса оставалась на месте, она словно вмерзла в лицо, как будто усилие, с которым он поднял уголки губ, повредило какие-то мышцы. Но, наверное, маме, чье зрение было затуманено наркотиком, этот оскал казался настоящей улыбкой, а теперь имело значение только это. Мама держала Уэллса за руку, а из него изливалась ложь, горькая, но безвредная. *Да, у нас с папой все в порядке.* Маме незачем знать, что они с отцом за неделю едва ли перекинулись несколькими фразами. *Когда тебе станет лучше, мы дочитаем «Упадок и гибель Римской Империи».* Они оба знали, что ей никогда не добраться до последней страницы.

Выскользнув из госпиталя, Уэллс начал прохаживаться туда-сюда по палубе В, которая, к счастью, пустовала: в этот час большинство людей находилось на учебе, на работе или в Обменнике. Сам он тоже должен сидеть на лекции по истории: еще недавно это был его любимый предмет. Ему всегда нравились рассказы о древних городах вроде Рима или Нью-Йорка, блистательное величие которых могло сравниться разве что с их падением. Но сейчас он не смог бы провести два часа среди однокашников, забрасывающих его мессенджерами, полными неловких, путаных слов сочувствия. Единственным человеком, с которым он мог говорить о матери, была Гласс, но в последнее время она как-то странно отдалилась.

Уэллс толком не понял, сколько времени он уже стоит у двери, но было ясно, что ноги принесли его в библиотеку. Он позволил сканеру идентифицировать сетчатку его глаза, дождался запроса и прижал подушечку большого пальца к панели. Дверь отъехала в сторону ровно настолько, чтоб Уэллс мог проскользнуть в образовавшуюся щель, а потом с сердитым стуком вернулась на место. Она словно бы сделала Уэллсу большое одолжение, допустив его в святая святых.

Юноша глубоко вздохнул, когда над ним сомкнулась кишачая тенью тишина. Книги, перед Катаклизмом эвакуированные на Феникс, хранились в высоких бескислородных контейнерах, которые значительно замедляли процессы изнашивания. Читать их разрешалось только в библиотеке и не более нескольких часов подряд. В этом огромном помещении не был настроен суточный цикл освещения: тут царили вечные сумерки.

Именно в библиотеке, сколько себя помнил Уэллс, они с матерью проводили воскресные вечера. Пока он был совсем малышом, мама читала ему вслух, а когда он подрос, они сидели тут бок о бок каждый со своей книгой. Когда мамина болезнь перешла в наступление и ее стали терзать головные боли, Уэллс начал читать ей книги вслух. Накануне того дня, когда маму госпитализировали, они как раз приступили ко второму тому «Упадка и гибели Римской Империи».

По петляющим узким проходам он пробрался вначале в секцию английского языка, а потом оказался в историческом отделе, который находился в дальнем темном углу. Собрание исторических книг было меньше, чем следовало бы. Первое колониальное правительство снабдило Феникс прекрасной электронной библиотекой, но меньше чем через сто лет ее почти целиком уничтожил вирус. Книги остались только в частных собраниях и стали фамильными реликвиями, которые переходили от первых колонистов к их потомкам. А в последнее столетие большинство этих книг было передано в дар библиотеке.

Уэльс присел, чтобы его глаза оказались на одном уровне со сканером, прижал палец к замку, и стекло скользнуло в сторону, сопровождаемое шипением: это воздух устремился в контейнер, заполняя вакуум. Он потянулся было внутрь за «Упадком и гибелью», но вдруг

остановился. Он хотел бы почитать про Рим, а потом рассказать об этом маме, но поступить так было равносильно тому, чтобы заявиться в ее палату с мемориальным надгробием и предложить вместе подумать над эпитафией.

– Нельзя держать контейнер открытым, – вдруг прозвучало за его спиной.

– Да, спасибо, – Уэллс произнес эти слова резче, чем ему хотелось бы.

Выпрямившись, он повернулся и увидел девушку, студентку-медику из больницы. Она глядела прямо на него, и Уэллс почувствовал вспышку гнева: от этой встречи произошло смешение двух его миров. Ведь библиотека была местом, куда он приходил, чтобы забыть о тошнотворном запахе антисептиков и пiske монитора сердечного ритма, чтобы не видеть признаков той жизни, в которой, кажется, уже пошел обратный отсчет и которая неумолимо двигалась к смерти.

Девушка отступила на шаг и вскинула голову, отчего ее длинные волосы упали на одну сторону.

– Ах, это ты.

Уэллс думал, что, узнав его, она придет в дикий восторг и немедленно начнет передавать сообщения друзьям через транслятор на сетчатке глаза. Ее выдало бы движение глазных яблок, но глаза девушки смотрели прямо на него, она словно заглядывала в его мозг, вычлняя потаенные мысли, которые Уэллс старательно скрывал ото всех.

– Почему ты не хочешь взять эту книгу? – кивнула она в сторону полки, хранившей «Упадок и гибель».

Уэллс тряхнул головой.

– Я почитаю ее в другой раз.

Мгновение девушка молчала.

– Я думаю, тебе нужно взять ее сейчас.

Уэллс лишь сжал челюсти и ничего не сказал. Она продолжила:

– Я видела тебя здесь вместе с твоей матерью. Ты должен отнести ей эту книгу.

– То, что мой отец член Совета, еще не означает, что я стану нарушать правила, которым уже триста лет, – сказал он, подпустив в свой тон лишь каплю снисходительности.

– За несколько часов с книгой ровным счетом ничего не случится. Вред воздуха сильно преувеличен.

Уэллс приподнял бровь:

– А возможности сканера, который стоит на выходе, тоже сильно преувеличены?

Большинство дверей в Фениксе были оборудованы сканерами, каждый из которых был особым образом запрограммирован для выполнения определенных задач. Библиотечные сканеры исследовали каждого выходящего на молекулярном уровне, чтобы убедиться, что он не держит книгу в руках или не прячет ее под одеждой.

На ее лице мелькнула улыбка.

– Я давным-давно это поняла, – она глянула через плечо на темный проход между книжными контейнерами, сунула руку в карман и извлекла оттуда кусок серой ткани. – Это помогает сканеру распознать содержащуюся в книге целлюлозу. – Она протянула ткань Уэллсу. – Ну же, бери.

Уэллс сделал шаг назад. Вероятность того, что девушка пудрит ему мозги, была очень высока. Куда выше вероятности, что она таскает в кармане кусок ткани, из которой шьют шапки-неведимки.

– Зачем она тебе?

Она пожала плечами:

– Мне нравится читать в других местах.

Когда он ничего не ответил, она улыбнулась и протянула к нему вторую, свободную, руку:

– Давай сюда книжку. Я стащу ее для тебя и принесу в больницу.

Удивив самого себя, Уэллс передал ей книгу.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Чтоб ты знал, перед кем отныне будешь в вечном долгу?

– Чтоб я знал, кому сказать спасибо, когда меня арестуют.

Девушка сунула книгу под мышку и протянула ему руку для пожатия:

– Кларк.

– Уэллс, – сказал он и, шагнув вперед, сжал ее руку.

Он улыбнулся. На этот раз в его улыбке не было боли.

– Дерево едва удалось спасти.

Канцлер уставился на Уэллса, словно ища признаки раскаяния или, наоборот, ликования – хоть чего-нибудь, что помогло бы понять, почему его сын сделал попытку сжечь единственное живое дерево, вывезенное с разоренной планеты.

– Ты знаешь, что некоторые члены нашего Совета хотели казнить тебя на месте, и плевать им было, совершеннолетний ты там или нет? Мне удалось спасти твою жизнь, только заручившись их согласием на то, чтобы отправить тебя на Землю.

Уэллс облегченно вздохнул. В Тюрьме содержалось менее ста пятидесяти подростков, и он предполагал, что на Землю отправят самых старших, но до настоящего момента ни в чем не был уверен.

Отец посмотрел на Уэллса, и его глаза расширились, в них появилось удивление и понимание:

– Так ты этого добивался?

Уэллс кивнул.

Лицо Канцлера исказила гримаса.

– Если бы я знал, что тебе так приспичило увидеть Землю, то легко бы все устроил. Ты мог бы принять участие во второй экспедиции, как только мы убедились бы, что это безопасно.

– Я не хотел ждать. Я хочу отправиться туда в первой сотне.

Канцлер слегка прищурился, критически глядя в бесстрастное лицо сына.

– Почему? Ты же лучше большинства знаешь, как это рискованно.

– При всем уважении, именно ты – тот человек, который убедил Совет, что ядерная зима закончилась. Именно ты сказал, что экспедиции уже ничего не грозит.

– Да, не грозит. Земля достаточно безопасна для сотни осужденных преступников, которые так или иначе приговорены к смерти. – Тон Канцлера был одновременно покровительственным и недоверчивым. – Я не имел в виду, что она безопасна для моего сына.

Уэллс задохнулся от вспыхнувшего гнева, который испепелил возникшее было чувство вины. Он тряхнул руками, и наручники громыхнули, задев спинку стула:

– Вроде бы теперь я один из преступников, разве нет?

– Твоя мать не одобрила бы этого, Уэллс. То, что она грезила о Земле, вовсе не означает, что ей хотелось бы подвергнуть тебя такому риску.

Уэллс подался вперед, не обращая внимания на впившийся в плоть металл.

– Я делаю это не ради нее. – Впервые за весь разговор он поглядел отцу прямо в глаза. – Хотя я думаю, что мама гордилась бы мной.

Отчасти это было правдой. Его мать была не чужда романтике, и она наверняка высоко оценила бы стремление сына оберегать любимую девушку. Однако его желудок сжался при мысли о том, что было бы, если бы мама узнала, какой именно поступок он совершил для спасения Кларк.

Отец вытаращился на него:

– Ты хочешь сказать, что затеял все из-за той девушки?

Уэллс медленно кивнул.

– Это я виноват в том, что ее отправляют туда, будто лабораторную крысу. Я хочу, чтобы у нее были все шансы выжить.

Несколько секунд Канцлер хранил молчание. Но, когда он снова заговорил, его голос был спокоен:

– В этом не будет никакой необходимости. – Канцлер вытащил из ящика стола какую-то вещь и положил ее перед сыном. Это был металлический браслет с чипом, размером с большой палец Уэллса. – Каждый участник экспедиции уже получил по такому браслету, – объяснил отец. – Браслеты будут передавать на корабль данные о здоровье своего хозяина и о том, где он находится. Так мы сможем отслеживать состояние каждого из вас. Как только у нас появятся доказательства того, что окружающая среда планеты благоприятна, мы начнем колонизацию. Повторное заселение. – Он выдавил из себя мрачную улыбку. – Если все пойдет по плану, уже совсем скоро мы к вам присоединимся, и все это, – он указал на скованные руки Уэллса, – будет забыто.

Дверь отворилась, и через порог переступил охранник.

– Сэр, время истекло.

Канцлер кивнул, охранник пересек комнату и поднял Уэллса на ноги.

– Удачи тебе, сынок, – сказал отец со своей фирменной грубоватостью. – Если кто-то и способен добиться успеха в этой миссии, так это ты.

Он машинально протянул Уэллсу руку для пожатия, но тут же опустил ее, осознав свою ошибку. Руки его единственного ребенка были скованы за спиной наручниками.

Глава 3. Беллами

Конечно, этот самодовольный ублюдок опоздал. Беллами в нетерпении притопывал ногой, не заботясь о том, что эхо от звука гуляет по всему складу. Сюда никто никогда не приходил, потому что все мало-мальски ценное сперли много лет назад. На всех горизонтальных поверхностях громоздился всякий хлам – запчасти для механизмов, назначение которых давным-давно позабыто, бумажные деньги, клубки проводов и кабелей, треснувшие мониторы и другие бесполезные предметы.

Беллами почувствовал у себя на плече чью-то руку и резко развернулся, вскинув кулак, чтобы заблокировать удар, одновременно уводя корпус в сторону.

– Расслабься, мужик, – прозвучал голос Колтона. Яркий свет фонарика ударил Беллами прямо в глаза. С довольным выражением на длинной, узкой физиономии Колтон окинул Беллами взглядом. – С чего это тебе захотелось встретиться именно тут? – Он ухмыльнулся. – Ищешь тропическое жесткое порно на допотопных сломанных компьютерах? Не осуждаю. Если бы я завис на чем-то таком с уолденской девчонкой, наверно, обзавелся бы парочкой новых дурных привычек.

Беллами проигнорировал выпад. Хоть его бывший друг и выступал теперь в роли охранника, шансов с девушками у него не было. Хоть на Уолдене, хоть на любом другом корабле.

– Просто скажи мне, что происходит, о'кей? – сказал Беллами, изо всех сил стараясь, чтобы его слова звучали доброжелательно.

Колтон прислонился к стене и улыбнулся.

– Не позволяй униформе тебя одурачить, братишка. Я еще не забыл первое правило бизнеса. – Он протянул руку: – Давай сюда.

– Ты меня с кем-то путаешь, Колт. Ты должен бы знать, что я всегда довожу дело до конца. – Беллами похлопал по карману, где лежал чип, загруженный краденными рациональными баллами. – А теперь скажи мне, где она.

Охранник ухмыльнулся, и Беллами почувствовал, как что-то сжалось в его груди. Он дал Колтону взятку в обмен на информацию об Октавии, о том, что с ней случилось после ареста, а этот придурок, кажется, на седьмом небе от того, что принес дурные вести.

– Их отправляют сегодня. – Эти слова молотом ударили в грудь Беллами. – На одном из старых челноков, которые стоят на палубе G, – и он снова протянул руку. – А теперь давай сюда. Это сверхсекретная информация, и я рисковал для тебя своей задницей. Я не прикалываюсь.

Перед глазами Беллами пронеслись картины, от которых внутри у него все сжалось. Он представил себе свою маленькую сестренку связанной, в старинной металлической клетке, мчащейся сквозь космос со скоростью многих тысяч километров в час. Представил, как багровеет ее личико, когда она пытается вдохнуть токсичный воздух. Представил ее неподвижное искореженное тело...

Беллами шагнул вперед.

– Я сожалею, мужик.

Колтон прищурился:

– О чем?

– Вот о чем! – Беллами коротко замахнулся и ударил охранника в челюсть.

Что-то громко треснуло, но, глядя, как оседает на пол тело Колтона, он ничего не почувствовал, только сердце бешено заколотилось в его груди.

Спустя полчаса Беллами пытался понять развернувшуюся перед ним сцену. Прижавшись спиной к стене, он стоял в широком коридоре, от которого начинался наклонный трап. По нему, сопровождаемый горсткой охранников, шел поток заключенных в серых куртках. Внизу

их ждал челнок – странная цилиндрическая штукавина, оснащенная рядами сидений, – который должен был доставить бедных растерянных детей на Землю.

Все это казалось полным безумием, но Беллами подумал, что альтернатива еще хуже. Повторные суды с пересмотром дела, которые проводились в день восемнадцатилетия, в большинстве случаев признавали подсудимых виновными. Во всяком случае, так было весь последний год. Если бы не экспедиция, эти ребята могли бы уже начинать обратный отсчет времени, оставшегося до казни.

Беллами внутренне сжался, когда его глаза переметнулись на второй трап: он на миг испугался, что пропустил Октавию. Впрочем, это не имело значения, ведь они с сестренкой увидятся на борту. Теперь уже скоро они снова будут вместе.

Беллами обдернул рукава снятой с Колтона гимнастерки. Она едва на него налезла, однако никто из охранников не обращал внимания на то, что униформа Беллами явно с чужого плеча. Все взгляды были направлены к основанию трапа: там Канцлер Яха обращался к пассажирам с речью.

– Вам дана беспрецедентная возможность навсегда расстаться со своим преступным прошлым, – говорил Канцлер. – Миссия, с которой вы отправляетесь, опасна, но ваша отвага будет вознаграждена. Если вы добьетесь успеха, ваши правонарушения будут преданы забвению и вы сможете начать новую жизнь на Земле.

Беллами едва удержался от презрительного смеха. Канцлеру явно нужна была изрядная доля нахальства, чтобы стоять тут и нести эту ахинею, которая, наверно, помогает ему спокойно спать по ночам.

– Чтобы обеспечить вашу безопасность, мы будем очень пристально следить за вами, – продолжил Канцлер, когда следующая десятка заключенных сошла по трапу в сопровождении охранника; тот четко отсалютовал Канцлеру, проследил за посадкой заключенных в челнок и отступил назад в коридор.

Беллами поискал глазами в толпе Люка, единственного известного ему человека с Уолдена, который не превратился в полное дерьмо, надев униформу охранника. Однако на стартовой площадке присутствовала едва ли дюжина охранников: Совет явно решил, что секретность важнее безопасности.

Он изо всех сил старался не переступать в нетерпении с ноги на ногу, наблюдая, как движется по трапу поток заключенных. Если кто-то заметит, что он лишь выдает себя за охранника, его арестуют, и список, который ему инкриминируют, будет бесконечным: подкуп, шантаж, присвоение чужих личных данных... и вдобавок любые прегрешения, которые Совет пожелает добавить к этому коктейлю. А ведь ему уже двадцать, поэтому для него не будет никакой Тюрьмы. Он станет трупом раньше, чем закончатся сутки.

Вдруг сердце Беллами сжалось: в дальнем конце коридора появилась знакомая красная ленточка, выглядывающая из массы блестящих черных волос. Октавия.

Все эти десять месяцев его терзали мучительные мысли о том, что с ней происходит в Тюрьме. Получает ли она достаточно пищи? Удастся ли ей чем-то занять себя? В здравом ли она уме? Тюрьма безжалостна к каждому, но Беллами знал, что Октавии придется там гораздо хуже, чем любому другому.

Беллами тратил много усилий на воспитание младшей сестренки. Во всяком случае, он старался. После несчастного случая с их матерью Октавия оказалась на попечении Совета. Как поступать в таких случаях с братьями и сестрами, было непонятно: прецедента не существовало, ведь по закону в семье должно было быть не более одного ребенка. Некоторым вообще не позволялось заводить детей – поэтому никто в Колонии не мог понять, что значит иметь брата или сестру. Несколько лет Беллами и Октавия жили то в одном, то в другом детском центре, но Беллами всегда приглядывал за сестричкой, тайком подкармливал ее, когда удавалось пробраться в какой-нибудь закрытый распределитель, и защищал от жестоких старших девчонок,

для которых было забавой дразнить пухлощекую сиротку с большими голубыми глазами. Беллами постоянно беспокоился о сестре. Она была особенным ребенком, и Беллами должен был приложить все усилия, чтобы дать ей шанс на другую, лучшую, жизнь. Чтобы компенсировать то, что ей пришлось пережить.

Когда охранник провел Октавию по трапу, Беллами подавил улыбку. Остальные подростки безучастно плелись сзади, подстраиваясь под походку сопровождающих, но Октавия – это было ясно – сама задавала темп. Она двигалась не спеша, прогулочным шагом, вынуждая охранника ступать не так широко. Сестренка действительно выглядела *лучше*, чем во время их последней встречи. Беллами решил, что это неудивительно: она была приговорена к четырем годам в Тюре, а потом новый суд, скорее всего, отправил бы ее на казнь. Теперь же ей давался новый шанс на жизнь. И Беллами намеревался, черт возьми, сделать все, чтобы она им воспользовалась наилучшим образом.

Его не волновало, прав он или нет. Он отправляется вместе с ней на Землю.

Голос Канцлера рокотал над шумом шагов и нервным шепотом. Канцлер до сих пор держался как солдат, хотя за годы в Совете и приобрел лоск политического деятеля.

– Никто в Колонии не знает, что вам придется делать, но, если вы добьетесь успеха, все мы будем обязаны вам жизнью. Я знаю, что вы сделаете все от вас зависящее – ради самих себя, своих семей, ради каждого на борту этого корабля, а значит, ради всей человеческой расы.

Когда взгляд Октавии остановился на Беллами, она удивленно приоткрыла рот. Он видел, как ее ум напряженно пытается разобраться в ситуации. Они оба знали, что его никогда не отобрали бы в охранники, а это означало, что сейчас он выдает себя за другого.

Но, как только она начала одними губами шептать предупреждения, Канцлер повернулся, чтобы обратиться к заключенным, которые все еще спускались по трапу. Октавия нехотя отвернулась, но Беллами видел, как напряжены ее плечи.

Его сердце забилося быстрее, когда Канцлер закончил свою речь и жестом велел охранникам заканчивать посадку. Ему нужно было угадать подходящий момент. Если он слишком поспешит, охрана успеет вытащить его из челнока, а промедление приведет к тому, что Октавия полетит через космическое пространство к отравленной планете, а он останется, столкнувшись лицом к лицу с последствиями своего безумного поступка.

Наконец пришла очередь Октавии. Обернувшись через плечо, она поймала его взгляд и слегка покачала головой, призывая его не делать глупостей.

Но Беллами делал глупости всю свою жизнь и намерен был оставаться верным себе.

Канцлер кивнул женщине в черной униформе. Та повернулась к расположенной рядом с челноком панели управления и начала набирать какую-то комбинацию клавиш. На экране быстро замелькало множество цифр.

Пошел обратный отсчет.

У него было три минуты на то, чтобы пройти в дверь и сбежать по трапу в челнок. Иначе он навсегда потеряет сестру.

Когда последний пассажир оказался в челноке, настроение в помещении изменилось. Охранники, стоявшие рядом с Беллами, расслабились и стали тихо переговариваться между собой. С другой стороны палубы, там, где находился второй трап, кто-то мерзко гоготнул.

2:48... 2:47... 2:46...

Беллами ощутил прилив гнева, который на миг взял верх над его хладнокровием. Как могут эти засранцы ржать, когда его сестру и девяносто девять других детей отправляют на смертельно опасное задание?

2:32... 2:31... 2:30...

Женщина у панели управления улыбнулась и что-то зашептала Канцлеру, но он нахмурился и отвернулся.

Охранники начали гуськом пятиться по коридору. То ли они считали, что у них есть дела поважнее, чем быть свидетелями первой попытки человечества вернуться на Землю, то ли боялись, что древний челнок взорвется при старте, и хотели поскорее оказаться в безопасном месте.

2:14... 2:13... 2:12...

Беллами сделал глубокий вдох. Пора.

Он протолкался через толпу и скользнул за спину коренастого охранника, кобура которого была небрежно прицеплена к ремню, оставляя на виду рукоять пистолета. Выхватив оружие, Беллами устремился вниз по трапу.

Прежде чем кто-то успел понять, что происходит, Беллами ударил Канцлера локтем в солнечное сплетение и обвил тому шею рукой, зажав ее в захвате. Взлетная палуба взорвалась топотом ног и воплями, но, прежде чем кто-то успел добраться до Беллами, он прижал дуло пистолета к виску Канцлера. На самом деле он ни в коем случае не собирался пристрелить эту сволочь, но охранники не должны были об этом догадаться.

1:12... 1:11... 1:10...

– Все назад! – выкрикнул Беллами, усиливая захват. Канцлер застонал. Раздался громкий сигнал зуммера, и мелькающие зеленые цифры на мониторе сменились красными – до запуска оставалось меньше минуты. Все, что ему нужно было сделать, – это дождаться, когда автоматическая дверь челнока начнет закрываться, оттолкнуть Канцлера с дороги и нырнуть внутрь. Тогда времени, чтобы остановить его, уже не останется.

– Дайте мне зайти в челнок, или я стреляю.

В помещении стояла тишина, которую нарушил лишь звук дюжины взведенных курков.

Ближайшие тридцать секунд должны были решить, полетит он с Октавией на Землю или останется на Уолдене в пластиковом мешке.

Глава 4. Гласс

Гласс только-только защелкнула ремень безопасности, когда снаружи вдруг поднялся шквал криков. Охранники все ближе подбирались к двум фигурам у входа в челнок. За шевелящимися фигурами в униформе было трудно хоть что-то рассмотреть, но девушка увидела, как мелькнул рукав костюма и чья-то седая голова, а потом блеснул металл. После этого половина охранников, припав на колени, вскинула к плечу свои стволы, и Гласс удалось разглядеть, что Канцлера взяли в заложники.

– Все назад, – крикнул парень, который держал пистолет у виска Канцлера. Его голос дрогнул.

На парне была униформа, но он явно не был охранником – волосы были длиннее, чем полагалось по уставу, гимнастерка не подходила по размеру. Он так неловко держал пистолет, что становилось ясно: его никогда не учили обращаться с оружием.

Никто не двинулся с места.

– Я сказал *назад*!

Онемение, возникшее после долгого перехода от камеры до взлетной палубы, растаяло, словно ледяная комета, пролетевшая мимо Солнца, оставив после себя лишь слабый след надежды. Она, Гласс, не имела к этому никакого отношения. Она не могла притворяться, будто они принимают участие в некоем историческом начинании. В тот миг, когда челнок оторвется от взлетной палубы, сердце Гласс разобьется. «Это мой шанс», – внезапно подумала она, разом ощутив восторг и ужас.

Гласс отстегнула ремень безопасности и легко вскочила на ноги. Еще несколько заключенных заметили происходящее, но большинство из них предпочло безучастно наблюдать за драмой, разыгравшейся у трапа. Гласс бросилась в хвостовую часть челнока, туда, где второй трап подкатили обратно к погрузочной палубе.

– Я лечу с ними! – крикнул лжеохранник, отступая на шаг к дверям и волоча за собой Канцлера. – Я лечу со своей сестрой.

Над взлетной палубой воцарилась ошеломленная тишина. *Сестра*. Это слово эхом прозвучало в голове Гласс, но, прежде чем она смогла понять его смысл, знакомый голос вырвал девушку из ее мыслей.

– *Отпусти его*.

Гласс бросила взгляд в заднюю часть челнока и застыла, потрясенная: она увидела лицо своего лучшего друга. Конечно, до нее доходили нелепые слухи о том, что Уэллс оказался в Тюрьме, но она даже не дала себе труда подумать на эту тему дважды. Что он здесь делает? Она заглянула в серые глаза Уэллса – и к ней незамедлительно пришел ответ: он должен попытаться последовать за Кларк. Уэллс сделает все, чтобы защитить людей, о которых он привык заботиться, и в первую очередь это касается Кларк.

А потом вдруг раздался оглушительный треск – выстрел? – и что-то словно лопнуло у нее внутри. Не остановившись, чтобы подумать и отдышаться, она выскочила за дверь и устремилась вверх по трапу, подавив желание оглянуться через плечо. Гласс опустила голову пониже и бежала так быстро, как никогда не бегала за всю свою жизнь.

Она выбрала правильный момент. Несколько мгновений охранники стояли, не шевелясь, словно отголосок выстрела лишил подвижности их суставы.

И только потом они обратили на нее внимание.

– Побег! Заключенный убегает! – крикнул один из них, и все остальные резко повернулись в ее сторону.

Вид бегущего человека пробудил в них инстинкт, заложенный во время тренировок. Не имело никакого значения, что бежала всего лишь семнадцатилетняя девушка. Они были запро-

граммированы так, чтобы не видеть ни струящихся светлых волос, ни огромных синих глаз, при взгляде на которые людям обычно хотелось защитить Гласс. Они видели беглого каторжника, и ничего более.

Гласс бросилась в двери, игнорируя несущиеся ей вслед злобные крики. Она мчалась по коридору, что вел обратно на Феникс, ее грудь вздымалась, а дыхание стало неровным и судорожным. «Эй, ты, замри!» – крикнул охранник. Топот его бегущих ног эхом звучал прямо за ее спиной, но она, конечно, даже не притормозила. Если она будет бежать достаточно быстро, и если удача, которая всегда ускользала от нее, не отвернется в эти последние минуты ее жизни, может быть, она сможет еще раз увидеть Люка. И может быть – только может быть! – она сможет получить его прощение.

Задышавшись, Гласс ввалилась в проход, ведущий к неприметной двери. Ее правое колено подогнулось, и, чтобы не упасть, ей пришлось ухватиться за стену. Коридор поплыл у нее перед глазами. Повернув голову, она с трудом смогла различить контур вентиляционного люка. Гласс подсунула скрюченные пальцы под один из прутьев закрывающей люк решетки и потянула. Ничего не произошло. Застонав, она снова дернула прут и почувствовала, что решетка поддавалась. Она дернула сильнее, и вход в темный узкий туннель, полный каких-то древних труб, наконец открылся.

Гласс подтянулась, встала на небольшой козырек под люком, втиснулась в туннель и ползла на животе, пока наконец не появилась возможность подтянуть колени к груди. Металл охлаждал разгоряченную кожу. Из последних сил Гласс протиснулась еще глубже и вернула решетку на место. Напряженно прислушиваясь, она пыталась уловить шум погони, но не было слышно ни криков, ни топота бегущих ног: тишину нарушал лишь отчаянный стук ее сердца.

Гласс на миг зажмурилась в окружающей тьме и стала подводить итоги. В обе стороны тянулся тесный, очень пыльный туннель. Наверное, она находилась в одной из старых вентиляционных шахт, существовавших еще до того, как Колония построила новые системы, обеспечивающие фильтрацию и циркуляцию воздуха. Гласс понятия не имела, куда ее выведет этот туннель, но выбора не было, и девушка поползла вперед.

Когда она добралась до развилки туннеля, ее колени онемели, а ладони пылали от боли. Если она правильно сориентировалась, левый рукав тянется на Феникс, а правый проложен параллельно крытому мосту и ведет на Уолден. И к Люку.

К Люку. К парню, которого она любила и от которого вынуждена была отказаться несколько долгих месяцев тому назад, к парню, в мыслях о котором проходила каждая ее ночь, проведенная в Тюре, в прикосновениях которого она нуждалась так отчаянно, что порой почти ощущала тяжесть его рук на своих плечах. Она глубоко вздохнула и свернула направо, не зная, куда теперь движется: к свободе или к верной гибели.

Спустя десять минут Гласс тихонько выскользнула из вентиляционного люка на пол. Шагнув вперед, она закашлялась, и вокруг ее лица поднялся столб серой пыли, мигом налипшей на потную кожу. Девушка оказалась в какой-то кладовой. Ее глаза уже привыкли к темноте, поэтому она смогла различить на стене странные письмена. Гласс сделала несколько шагов вперед, и ее глаза расширились. На стене были высечены *эпитафии*.

*Покойся в мире
In memoriam
От звезд к Небесам*

Она находилась на карантинной палубе, в старейшей секции Уолдена. Когда ядерная и бактериологическая войны грозили уничтожить Землю, единственным местом для тех, кому посчастливилось выжить после первых стадий Катаклизма, стал космос. Но некоторые из тех, кто выжил, были инфицированы. Они пробирались в транспортные модули – и обнаружи-

вали, что отрезаны от Феникса. Им оставалось только умереть на Уолдене. Теперь, стоило возникнуть хоть малейшей угрозе инфекционного заболевания, всех заразившихся помещали на карантин и держали в изоляции от остального населения Колонии – в изоляции от последних представителей рода человеческого, беззащитных перед лицом древних хворей.

Вздрагивая, Гласс устремилась к входной двери, молясь, чтоб замки не заржавели. К ее облегчению, они, тихонько щелкнув, открылись, и девушка зашпешила по коридору. Стянув взмокшую от пота куртку и оставшись в белой футболке и тюремных штанах, она стала похожа на одного из сантехников. Во всяком случае, она на это надеялась. Гласс бросила нервный взгляд на запястье – там красовался браслет. Она не была уверена, станет ли он работать на корабле или предназначен лишь для передачи данных с Земли. В любом случае, от него следует как можно скорее избавиться. Даже если она будет избегать проходов, где установлены сканеры сетчатки глаза, браслет все равно выдаст ее охранникам, каждый из которых сейчас занят тем, что ищет ее.

Гласс оставалось только надеяться, что никому и в голову не придет искать ее на Фениксе. Что никто никогда не догадается, куда она пойдет. А сейчас девушка поднималась по главной лестнице Уолдена, пока не оказалась у входа в жилой блок Люка. Войдя в холл, она остановилась, вытирая о штаны внезапно вспотевшие ладони. Неожиданно оказалось, что она нервничает сильнее, чем на челноке. Гласс даже представить не могла, что скажет, как посмотрит на нее Люк, когда она возникнет на его пороге, после того как больше чем девять месяцев тому назад без следа исчезла из его жизни.

Но, может быть, ему не понадобятся слова. Возможно, он не станет дожидаться, когда она начнет говорить. Возможно, едва лишь увидев ее, он просто закроет ей рот поцелуем, и она поймет, что все хорошо. Что она прощена.

Оглянувшись через плечо, Гласс выскользнула за дверь. Вряд ли кто-то мог ее увидеть, однако следовало соблюдать осторожность. Уходить с Церемонии Партнерства, не дождавшись финального благословения, очень невежливо, но Гласс сомневалась, что смогла бы еще хоть минуту высиживать возле Кассиуса с его грязными мыслями и зловонным дыханием. Его беспокойные руки напомнили Гласс Картера, лицемерного соседа Люка, гнилое нутро которого проявлялось, лишь когда сам Люк уходил на ночное дежурство.

Гласс поднималась по лестнице, ведущей на смотровую площадку, не забывая при каждом шаге приподнимать подол платья. Глупо было потратить столько с трудом накопленных рациональных баллов на ткань для этого наряда – он казался бесполезным и ненужным, когда ее не видел Люк.

Гласс была ненавистна сама мысль о том, чтобы провести вечер с каким-то другим парнем, но мать запрещала ей появляться на общественных мероприятиях без пары, а в этот раз, как ей стало известно, дочь была одна. Мать не могла понять, почему Гласс не заарканила Уэллса. Гласс миллион раз объясняла, что любит Уэллса лишь как друга, – но мама только вздыхала и бормотала что-то о дурно одетой заучке, которая увела у доченьки такого прекрасного парня. Сама-то Гласс была просто счастлива, что Уэллс влюбился в симпатичную (хотя, может быть, чересчур серьезную) Кларк Гриффин. И ей очень хотелось рассказать маме всю правду: что она влюблена в красивого, замечательного юношу, который никогда не сможет сопровождать ее на концерт или на Церемонию Партнерства.

– Я могу пригласить вас на танец?

Гласс ахнула и развернулась. Когда ее глаза встретились с другими, хорошо знакомыми карими глазами, девушка расцвела в улыбке.

– Что ты тут делаешь? – прошептала она, озираясь, чтобы убедиться, что они одни.

– Я же не мог уступить тебя сразу всем парням Феникса, – сказал Люк, отступая на шаг, чтобы полюбоваться ее платьем. – Только не сейчас, когда ты так прекрасно выглядишь.

- Ты понимаешь, какие неприятности у тебя будут, если тебя тут застукают?
- Постараемся этого не допустить.

Он обвил руками талию Гласс. Музыка внизу усилилась, и Люк крутанул девушку в такт звукам.

– Оставь меня! – полупрошептала-полухихикнула Гласс, игриво шлепнув парня по плечу.

– Ах, вот как юная леди должна обращаться со своими поклонниками? – Он произнес этот вопрос с жутким, утрированным акцентом: в действительности на Фениксе никто так не говорил.

– Пойдем, – снова тихо хихикнув, она взяла его за руку. – Тебе на самом деле нельзя здесь находиться.

Люк остановился и притянул ее к себе:

– Где бы ты ни была, я везде должен быть с тобой.

– Это слишком рискованно, – мягко проговорила Гласс. Их лица сблизились.

Он усмехнулся:

– Тогда нам лучше бы убедиться, что я не зря рискнул.

Положив руку ей на затылок, он притянул ее губы к своим.

Гласс уже занесла руку, чтобы постучать во второй раз, но тут дверь отворилась. Ее сердце замерло.

Это был он, действительно он, с теми самыми рыжеватыми волосами и темно-карими глазами, что ей помнились. Именно таким он каждую ночь являлся ей в ее тюремных сновидениях. Его глаза распахнулись от удивления.

– Люк, – выдохнула она, с трудом сдерживая чувства, скопившиеся в ней за последние девять месяцев и грозящие вот-вот вырваться наружу.

Ей отчаянно хотелось донести до него, что произошло, почему она порвала с ним и исчезла. Что последние, похожие на ночной кошмар полгода она думала о нем каждую минуту. И что она никогда не переставала любить его.

– Люк, – сказала она снова, и по ее щекам потекли слезы.

После того как она, сломленная, бесчисленное количество раз шептала это имя в своей камере, было так странно произносить его сейчас, глядя на любимого.

Но, прежде чем она смогла выговорить еще хоть слово, в дверном проеме появилась еще одна фигура. Фигура рыжеволосой девушки.

– Гласс?

Гласс попыталась улыбнуться Камилле, подруге детства Люка, девушке, которая была ему так же близка, как Гласс – Уэллсу. И вот она здесь... в квартире Люка. Конечно же, горько подумалось Гласс, она всегда подозревала, что их отношения – нечто большее, чем дружба, хоть Люк это и отрицал.

– Ты хотела бы зайти? – спросила Камилла преувеличенно вежливо.

Ее рука сплелась с рукой Люка, но Гласс показалось, что пальцы Камиллы впились ей прямо в сердце. Пока Гласс тосковала по Люку долгие месяцы в заключении, ощущая его отсутствие, как физическую боль, он продолжал жить.

– Нет-нет, спасибо, – сказала Гласс внезапно охрипшим голосом. Теперь, даже если бы она смогла подобрать слова, невозможно было сказать Люку правду. Зрелище, которое перед ней предстало, делало ее поступок смехотворным и нелепым. Она так далеко шла и так сильно рисковала ради встречи с парнем, который уже успел закрутить новый роман. – Я просто заскочила поздороваться.

– Ты заскочила поздороваться? – повторил Люк. – Ты почти год игнорировала мои послания, а теперь решила взять и забежать ко мне? – Он даже не пытался скрыть гнев, и Камилла отпустила его руку. Ее улыбка превратилась в гримасу.

– Я знаю... я... извините. Я оставлю вас одних.

– Может, все-таки объяснишь, что происходит? – спросил Люк, обменявшись с Камиллой взглядом, от которого Гласс почувствовала себя ужасно неловко и одиноко.

– Ничего, – быстро ответила она, безуспешно стараясь сдержать дрожь в голосе. – Мы потом поговорим... Увидимся... – Она оборвала себя, слабо улыбнулась и глубоко вздохнула, игнорируя отчаянный позыв собственного тела остаться с Люком... как можно ближе к Люку. Гласс заставила себя сделать шаг из комнаты, но краем глаза увидела униформу охранника, резко втянула в себя воздух и отвернулась. Охранник прошел мимо.

Люк сжал губы и посмотрел на что-то, находящееся прямо над головой Гласс. Девушка поняла, что он читает сообщение транслятора на сетчатке глаза, и по тому, как заходили желваки на его лице, догадалась, что это сообщение о ней. Глаза Люка потемнели, а потом в них промелькнул ужас.

– Гласс, – сказал он хрипло, – ты была в Тюреме.

Гласс кивнула.

Люк на миг перевел на нее взгляд, потом вздохнул, потянулся и положил ладонь на спину Гласс. Через ткань своей футболки она чувствовала давление его пальцев, и кожа ее млела от восторга, пусть даже Гласс была в смертельной опасности.

– Входи, – сказал он, подталкивая ее в квартиру.

Камилла с недовольным видом посторонилась, и Гласс вошла. Люк быстро закрыл за ними дверь.

Маленькая жилая часть квартирки была темна – Люк и Камилла не включили свет. Гласс изо всех сил постаралась не думать об этом, а Камилла тем временем уселась в кресло, которое прабабушка Люка когда-то нашла в Обменнике. Гласс почувствовала себя неловко – она не знала, где ей сесть. Ей казалось диким, что она теперь бывшая девушка Люка. Даже то, что она – беглая арестантка, не было для нее настолько чудовищным. Чтобы примириться со своей криминальной биографией, у нее было целых шесть месяцев в Тюреме, но Гласс даже вообразить себе не могла, что когда-нибудь будет стоять в этой квартире и чувствовать себя совершенно посторонней.

– Как ты сбежала? – спросил Люк.

Гласс помолчала. В Тюреме она постоянно думала о том, что скажет Люку, если ей когда-нибудь выпадет шанс вновь с ним увидеться. И вот они наконец-то снова рядом, но теперь все выдуманные речи показались поверхностными и эгоистичными. Она своими глазами видела, что у него все прекрасно; с какой стати тогда ей вываливать на него всю правду? Разве что для того, чтобы снова завоевать его и почувствовать себя не так одиноко. Поэтому Гласс всего лишь поведала ему дрожащим голосом о сотне, о ее тайной миссии, о захвате заложника и о погоне.

– Я только не понимаю, – тут Люк покосился через плечо на Камиллу, которая бросила притворяться, что ей совсем неинтересно, – почему тебя вообще арестовали?

Гласс смотрела в сторону, не находя в себе сил встретиться с ним взглядом и судорожно пытаясь придумать какой-нибудь ответ. Она не могла сказать ему правды – только не теперь, когда он нашел себе другую, когда стало очевидным: он не чувствует к ней того, что она чувствует к нему.

– Не могу сказать, – тихонько проговорила она, – ты не поймешь...

– Ладно, не важно, – на полуслове оборвал ее Люк, – я много чего не могу понять, ясно же, что ты так считаешь.

На краткий миг Гласс захотелось оказаться на челноке вместе с Кларк и Уэллсом. Стоя рядом с любимым, она все равно чувствовала себя ужасно одинокой. Она не могла вообразить большего одиночества даже на всеми покинутой Земле.

Глава 5. Кларк

В первые десять минут полета заключенные были слишком взволнованы стрельбой, чтобы заметить, что они оказались в космосе и стали первыми людьми, покинувшими Колонию за последние почти 300 лет. Лжеохранник добился своего: когда дверь челнока почти закрылась, он оттолкнул обмякшее тело Канцлера и ввалился внутрь, рухнув на сиденье. Кларк поняла по потрясенному выражению его побледневшего лица, что стрельба совершенно не входила в его планы.

Но саму Кларк зрелище подстреленного Канцлера встревожило гораздо меньше, чем то, что она увидела чуть раньше.

На челноке был Уэллс.

В первый момент, когда он возник в дверях, девушка решила, что у нее галлюцинации. Вероятность того, что она повредила рассудком от пребывания в одиночной камере, была несравненно выше вероятности появления сына Канцлера среди заключенных. Она и без того была слишком потрясена, когда через месяц после вынесения ее собственного приговора в одной из соседних камер вдруг объявилась Гласс, лучшая подруга Уэллса. А теперь, значит, еще и сам Уэллс? Это казалось невозможным, но какой смысл отрицать очевидное? Она видела, как он вскочил на ноги, когда его отец оказался в заложниках, и как рухнул обратно на свое место, когда настоящий охранник выстрелил по поддельному, и тот ввалился в двери, весь в крови. На миг в Кларк взыграли старые инстинкты, побуждая ее бежать на помощь Уэллсу. Однако нечто более жесткое, чем ремень безопасности, вынудило ее остаться на месте. Ноги Кларк будто приросли к полу. Это он виноват в том, что ей пришлось увидеть, как ее родителей ведут на казнь. Как бы больно сейчас ему ни было, боль все равно слабее, чем он того заслуживает.

– Кларк.

Она посмотрела по сторонам и увидела Талию, которая улыбалась ей, сидя в одном из передних рядов. Ее бывшая сокамерница развернулась в кресле и была единственным человеком во всем челноке, который не пялился на лжеохранника. Несмотря на мрачные обстоятельства, Кларк не смогла удержаться от ответной улыбки – такое уж свойство было у Талии. Даже в те дни, когда казнили родителей Кларк и арестовали ее саму, когда ей трудно было даже дышать от свалившегося на нее тяжкого горя, Талия умудрилась рассмешить ее, передразнивая самодовольного охранника, шаркающая походка которого моментально сменялась чеканным шагом, если ему казалось, что девушки на него смотрят.

– Это он? – одними губами проартикулировала Талия, качнув головой в сторону Уэллса.

Талия была единственным человеком, которая знала всю правду – не только о родителях Кларк, но и о том невыразимо ужасном поступке, который совершила Кларк.

Кларк тряхнула головой, давая понять, что сейчас не время для подобного разговора. Талия снова принялась жестикулировать. Кларк собралась было сказать подруге, чтобы та заткнулась, но тут взревели, оживая, двигатели, и ее губы затряслись вместе с произнесенными словами.

Итак, это на самом деле произошло. Впервые за несколько веков люди покинули Колонию. Она бросила взгляд на своих спутников и увидела, что те тоже невольно притихли, в молчании прощаясь с оставленным позади родным миром.

Однако торжественная атмосфера царила недолго. В последующие двадцать минут челнок наполнился нервной, возбужденной болтовней сотни человек, которые еще несколько часов назад и не помышляли ни о каком полете на Землю. Талия попыталась докричаться до Кларк, но ее слова потонули в общем шуме.

Кларк могла беседовать только с двумя девушками, что сидели впереди нее. Они спорили о том, пригоден ли земной воздух для дыхания.

– Лучше уж сразу окочуриться, чем мучиться, постепенно подыхая от отравы, – мрачно изрекла одна из них.

Кларк, пожалуй, была с ней согласна, но держала рот на замке. Нет смысла строить предположения: путь до Земли недолог, и буквально через несколько минут они узнают, какая судьба им уготована.

Кларк обернулась к иллюминатору. В нем были видны лишь мутно-серые облака. Вдруг челнок тряхнуло, все разговоры сразу стихли, и раздался общий судорожный вздох.

– Все в порядке, – крикнул Уэллс. Это были его первые слова с тех пор, как дверь челнока закрылась. – При вхождении в атмосферу Земли должна возникать турбулентность.

Но его слова потонули в громких воплях. Тряска усилилась, и к ней добавился странный гул.

Кларк чувствовала, как ремень безопасности впивается в живот, а тело мотается из стороны в сторону, потом вверх-вниз, а потом опять из стороны в сторону. Когда в ноздри ударил противный запах, она почувствовала рвотный позыв и поняла, что девушку впереди нее стошнило. Кларк зажмурилась и изо всех сил постаралась сохранять спокойствие. Все будет хорошо. Эта болтанка через несколько минут прекратится.

Гул перерос в пронзительный вой, сопровождаемый ужасным треском. Кларк открыла глаза и увидела, что иллюминаторы полопались, и за ними больше не было серого тумана.

Теперь там бесновалось пламя.

На головы пассажиров дождем сыпались искры и куски раскаленной обшивки. Кларк вскинула руки, чтобы защитить голову, но по-прежнему чувствовала, как горячие обломки обжигают ей шею.

Челнок еще сильнее тряхнуло, раздался рев, и часть потолка сорвало. Оглушительный треск сопровождался глухим стуком и вибрацией, болью отзывавшейся в каждой косточке тела Кларк.

Все закончилось так же внезапно, как началось.

В салоне челнока было темно и тихо. Из отверстия, где раньше располагалась панель управления, валил дым, воздух наполнял густой запах расплавленного металла, пота и крови.

Пошевелив пальцами рук и ног, Кларк поморщилась. Больно, конечно, но вроде бы ничего не сломано. Она отстегнула ремень безопасности и неуверенно поднялась на ноги, придерживаясь для устойчивости за обгоревшее пассажирское кресло.

Большинство ребят было еще пристегнуто, но некоторые завалились куда-то на сторону или распластались в проходах. Прищурившись, Кларк высматривала среди рядов Талию; ее сердце начинало частить каждый раз, когда взгляд натывался на очередное пустое кресло. Путаницу мыслей вдруг озарило страшное понимание: во время крушения некоторых пассажиров выбросило за борт.

Кларк похромала вперед, стиснув зубы от дергающей боли в левой ноге. Она добралась до двери и потянула ее так сильно, как только могла. А потом глубоко вздохнула и проскользнула в образовавшееся отверстие.

В первый миг ее сознание восприняло только цвета, а не формы. Полосы синего, зеленого и коричневого были столь яркими, что ее мозг отказывался воспринимать информацию. Легкий порыв ветра ожег кожу и наполнил ноздри запахами, которые Кларк не смогла распознать. Сначала она увидела одни лишь деревья. Сотни деревьев словно бы собрались сюда со всей планеты, чтобы встретить вернувшихся на Землю людей. Их огромные ветви приветственно вздымались к радостно-синим небесам. Земля простиралась во всех направлениях далеко-далеко, в десятки раз дальше, чем самая длинная палуба корабля. Вокруг был такой

немыслимый, невообразимый простор, что у Кларк внезапно закружилась голова, словно в момент взлета их челнока.

Она вдруг смутно осознала, что у нее за спиной раздаются голоса, и повернулась к столпившейся возле челнока кучке ребят.

– Как красиво! – прошептала темнокожая девушка и дрожащей рукой потянулась к блестящей зеленой травинке.

Низенький коренастый парнишка сделал несколько неуверенных шагов вперед. Подразумевалось, что гравитационное притяжение Колонии равно земному, но первое же столкновение с реальностью показало, что это не совсем так.

– Тут все в порядке, – сказал парень со смесью облегчения и растерянности, – мы могли вернуться столетия назад.

– Ты не можешь этого знать, – ответила девушка. – То, что мы можем тут дышать, еще не означает, что воздух неядовит, – Она повернулась к нему лицом и вскинула на уровень глаз запястье с браслетом. – Совет дал нам эти штуки не для украшения. Они хотят знать, что с нами произойдет.

Девушка помладше, нерешительно топтавшаяся возле челнока, хмыкнув, натянула куртку на рот и нос.

– Можешь дышать нормально, – сказала ей Кларк, озираясь по сторонам на случай, если вдруг Талия тоже вышла. Ей хотелось бы сказать что-нибудь более утешительное, но никакого способа узнать, сколько радиации еще содержится в земной атмосфере, не было. Они могли только ждать и надеяться.

– Мы скоро вернемся, – сказал отец, засовывая длинные руки в карман пиджака, которого Кларк никогда раньше не видела. Подойдя к диванчику, на котором она свернулась калачиком со своим планшетом, отец взъерошил ей волосы. – Не болтайся снаружи слишком долго. Последнее время они что-то лютуют с комендантским часом. Я думаю, это из-за каких-то неприятностей на Уолдене.

– А я никуда и не собираюсь. – Кларк махнула рукой на собственные голые ступни, торчащие из хирургических штанов, которые она использовала в качестве пижамных.

Хотя отец и был лучшим ученым Колонии, его дедуктивные навыки оставляли желать лучшего. Ведь, даже с головой уйдя в свои любимые исследования, он не мог не знать, что медицинская одежда не является последним пиком высокой моды для шестнадцатилетних девушек.

– В любом случае, тебе лучше бы держаться подальше от лаборатории, – сказал он так непринужденно, словно эта мысль только что пришла ему в голову, хотя на самом деле твердил об этом пять раз на дню с тех пор, как они переехали на новую квартиру. Совет утвердил заявку родителей на специализированную частную лабораторию, потому что эксперименты их нового проекта нуждались в круглосуточном контроле.

– Обещаю, – подчеркнуто терпеливо сказала Кларк.

– Просто приближаться к радиоактивным материалам опасно, – крикнула мама. Стоя перед зеркалом, она поправляла прическу. – Особенно без надлежащих средств защиты.

Кларк снова и снова повторяла свое обещание, пока родители в конце концов не ушли, и она смогла вернуться к своему планшету, не переставая лениво думать краем сознания, что сказали бы друзья Гласс или она сама, узнав, что Кларк пятничным вечером корпит над эссе. До этого Кларк была совершенно равнодушна к курсу земной литературы, но последнее задание неожиданно ее зацепило. Вместо предполагаемого исследования об изменении взгляда на природу в поэзии предшествующего Катаклизму периода им вдруг задали сравнить литературные вампиромании XIX и XXI веков.

Несмотря на то что читать было очень интересно, Кларк, похоже, в какой-то момент задремала. Когда она вытянулась на диване, настроенное на суточный цикл освещение потускнело, а комнату заполнили непривычные тени. Она встала и собралась было перебраться в свою спальню, но тут тишину нарушил какой-то странный звук. Кларк обмерла: этот звук был очень похож на крик. Девушка заставила себя сделать глубокий вдох. Ей следовало бы знать, что бывает, если начитаться перед сном вампирских историй.

Кларк развернулась и двинулась по коридору в сторону спальни, но тут раздался другой звук. Это был вопль, от которого у Кларк по спине побежали мурашки.

Прекрати, одернула себя Кларк. Ты никогда не сможешь состояться как врач, если позволишь своему сознанию выкидывать такие фортели. Тебе просто беспокоитно в темноте новой квартиры. Утром все опять придет в норму. Кларк провела ладонью по сенсору двери спальни и уже собралась войти, но тут снова услышала звук – это был полный муки стон.

С забившимся сердцем Кларк повернула назад и пошла по длинному коридору, который привел ее к лаборатории. Вместо сканера сетчатки глаза тут была кнопочная панель. Кларк провела по ней рукой, подумав между делом, сможет ли вычислить пароль, потом присела и прижалась к двери ухом.

Дверь слегка завибрировала, до Кларк снова донесся звук, и дыхание в горле перехватило. Этого не может быть. Но звук снова повторился, теперь более отчетливо.

Это был уже не просто крик боли. Это было слово. «Пожалуйста».

Пальцы Кларк немедленно скользнули на панель, и она набрала первое, что пришло ей в голову: «Пангея». Это был пароль, которым защищала свои файлы ее мама. Экранчик пискнул, и на нем появилось сообщение об ошибке. Она попробовала слово «Элизиум», название мифического подземного города, где, если верить сказкам, которые родители рассказывают перед сном своим детям, укрылись после Катаклизма люди. Снова ошибка. Кларк напрягла память, пытаясь отыскать в ней нужное слово. Ее пальцы зависли над клавиатурой. «Люси». Так называли ископаемую женщину, самого древнего человека из когда-либо найденных земными археологами. На этот раз прозвучала целая серия длинных гудков, и дверь, отворяясь, скользнула в сторону.

Лаборатория была куда больше, чем думала Кларк, больше всей их квартиры. Ее заполняли ряды узких коек, как в больнице. Взгляд Кларк перебегал с одной постели на другую.

На каждой койке был ребенок. Это в основном были дети, подключенные к всевозможным мониторам показателей жизнедеятельности и капельницам. Большинство детей спали, но некоторые, опершись на подушки, играли с планшетами. Одна маленькая девочка, едва ли старше трех лет, сидела на полу возле кровати и играла с потрепанным плюшевым мишкой, в то время как в ее ручку по гибкой трубочке текла из капельницы прозрачная жидкость.

Ум Кларк судорожно искал объяснение увиденному. Должно быть, это больные дети, которым требуется круглосуточный уход. Может быть, они страдают какой-нибудь экзотической хворью, и только мама знает, как именно их следует лечить. Или, возможно, отец вплотную подошел к изобретению нового лекарства, и ему нужен двадцатичетырехчасовой доступ к пациентам. Родители, наверное, знали, что Кларк тоже заинтересовалась бы этой проблемой, но болезнь наверняка заразна, и они лгали дочери ради ее же безопасности.

Снова раздался крик, который привел сюда Кларк, только теперь он прозвучал гораздо громче. Девушка двинулась к койке в дальнем углу лаборатории, откуда доносился крик.

Девушка примерно ее лет (одна из самых старших в этой комнате, решила Кларк) лежала на спине, ее русые волосы веером рассыпались по подушке вокруг личика в форме сердца. Какое-то мгновение она молча смотрела на Кларк.

– Пожалуйста, – сказала она дрожащим голосом, – помоги мне.

Кларк взглянула на ярлычок монитора показателей жизнедеятельности. Там значилось: «ОБЪЕКТ 121». Тогда она спросила:

– Как тебя зовут?

– Лилли.

Кларк неловко было стоять, и, когда Лилли откинулась обратно на подушку, Кларк пристроилась возле нее на постели. Кларк только начала учиться на врача и никогда еще не общалась с пациентами, но уже знала, как важен врачебный такт.

– Я уверена, тебя скоро выпишут домой, – сказала она. – Сразу, как только ты почувствуешь себя лучше.

Девушка подтянула колени к груди, уткнулась в них головой и что-то пробормотала так неразборчиво, что Кларк ничего не смогла понять и переспросила:

– Что ты говоришь?

Мельком оглядев помещение через плечо, она удивилась, что здесь нет ни медсестры, ни студента-медика, которые подменяли бы ее родителей. Если с одним из детей что-то случится, помочь ему будет некому.

Подняв голову, девушка посмотрела куда-то мимо Кларк. Она закусила губу и подождала, пока отступят набежавшие на глаза слезы. Ее взгляд был пустым. Когда она наконец заговорила, это был еле слышный шепот:

– Еще никому тут не становилось лучше.

Кларк с трудом подавила дрожь. Заболевания в Колонии были редкостью. С тех пор как на Уолдене был блокирован последний мор, эпидемий больше не случалось. Кларк осмотрела лабораторию, чтобы понять, какую именно болезнь лечат тут родители, и ее взгляд уперся в большое табло у дальней стены. На нем мелькали данные, образуя большую таблицу: *«Объект 32. Возраст – 7 лет. День 189. 3,4 гр. Эритроциты. Лейкоциты. Дыхание. Объект 33. Возраст – 11 лет. День 298. 6 гр. Эритроциты. Лейкоциты. Дыхание»*.

Вначале Кларк ничего не заподозрила. С помощью такого табло родителям наверняка очень удобно отслеживать состояние здоровья маленьких пациентов. Если не считать того, что «Гр» не имеет никакого отношения к жизненно важным показателям. Грей – это единица облучения. Кларк четко усвоила этот факт, поскольку ее отец и мать много лет изучали воздействие радиации. Их нынешняя задача состояла в том, чтобы определить, какой уровень излучения является безопасным для человека – это требовалось знать для возвращения на Землю.

Кларк смотрела на бледное личико Лилли, и из темных глубин подсознания выползала леденящая кровь догадка. Девушка попыталась загнать ее обратно, но догадка заполнила все ее существо, задушив на корню все возражения так, что осталась лишь истина, такая ужасная, что Кларк задохнулась.

Исследования ее родителей уже не проводились исключительно на клеточных культурах. Теперь ученые перешли к опытам над людьми.

Ее мама и папа не лечили этих детей. Они их убивали.

Они приземлились на какой-то окруженной деревьями поляне, напоминавшей по форме букву «Г».

Серьезных травм у спутников Кларк было не слишком много, но поработать ей пришлось. Около часа она занималась тем, что пускала на жгуты штанины и рукава; ей также пришлось приказать нескольким ребятам лежать, не шевелясь, пока она не найдет, из чего сделать шины для их сломанных костей. Все пожитки прибывших были разбросаны на траве вокруг челнока, и, хоть Кларк и отправила несколько человек поискать медикаменты, найти аптечку пока не удалось.

Разбитый челнок валялся в короткой части буквы «Г». В первые пятнадцать минут его пассажиры топтались вокруг тлеющих обломков, слишком испуганные и ошеломленные, чтобы отойти от них дальше, чем на несколько неуверенных шажков, но потом начали разбредаться в разные стороны. Кларк не заметила ни Талии, ни Уэллса и совершенно не понимала, что она

чувствует по этому поводу – тревогу или облегчение. Может быть, Уэллс где-то вместе с Гласс? Она должна была быть где-то в челноке, хоть Кларк ее и не видела.

– Как ты теперь себя чувствуешь? – спросила Кларк, снова сосредотачиваясь на перевязке распухшей лодыжки хорошенькой большеглазой девчушки с красной лентой в темных волосах.

– Лучше, – ответила та, вытирая рукой нос и нечаянно размазывая по всему лицу кровь из пореза на щеке.

Кларк нужно было найти настоящие бинты и антисептики – ведь сейчас все они подвергались воздействию микробов, с которыми их организмы никогда прежде не сталкивались, и поэтому риск заражения был очень высок.

– Я скоро вернусь. – Кларк коротко улыбнулась и поднялась на ноги.

Если аптечки не было на поляне, значит, она, возможно, до сих пор оставалась в челноке. Кларк поспешила к дымящимся обломкам. Обходя их по периметру, она прикидывала, как безопаснее всего попасть внутрь. Так девушка добралась до хвостовой части корабля, находившейся всего в нескольких метрах от линии деревьев, и тут ее бросило в дрожь. В этой части поляны деревья так теснились друг к другу, что их кроны почти не пропускали свет, отбрасывая на траву причудливые тени, которые колыхались от порывов ветра.

Кларк прищурилась и заметила какой-то силуэт, который не шевелился. Он не был тенью.

На земле, у самых корней деревьев, лежала девушка. Наверное, во время приземления ее выбросило через задний люк. Кларк подалась вперед, из ее груди вырвался судорожный всхлип, когда она узнала короткие курчавые волосы и небольшую россыпь веснушек на переносице. *Талия.*

Подбежав, Кларк опустилась перед подругой на колени. Кровь хлестала из раны между ребер Талии, окрашивая траву в темно-красный цвет, словно кровоточила сама планета. Она еще дышала, но дыхание было поверхностным и судорожным.

– Все будет хорошо, – прошептала Кларк, сжимая обмякшую руку подруги. Ветер шелестел над ними кронами деревьев. – Я клянусь тебе, Талия, все будет хорошо. – Ее слова не были похожи на утверждение, они звучали скорее как молитва, хотя Кларк не знала, кому она молится.

Час, когда люди покинули Землю, был самым темным для человечества. Не имело значения, скольким суждено погибнуть при попытке вернуться назад.

Глава 6. Уэллс

Уэллс дрожал от предвечерней прохлады. С тех пор как они приземлились, прошло несколько часов, и стало холодать. Он придвинулся поближе к костру, не обращая внимания на презрительные взгляды парней с Аркадии, расположившихся по обе стороны от него. Каждую ночь, проведенную в Тюрьме, он засыпал, мечтая о том, как он окажется на Земле вместе с Кларк. Но, вместо того чтобы теперь держать ее за руку, любуясь тем, как прекрасна планета, он провел день, разгребая обгоревшее оборудование и припасы и изо всех сил стараясь забыть, как перекосило лицо Кларк, когда она его заметила. Он, конечно, не ожидал, что Кларк, едва завидя его, бросится ему на шею, но увидеть незамутненную ненависть в ее глазах тоже оказался совершенно неготов.

– Как думаешь, твой папашка уже отбросил копыта? – спросил мальчишка с Уолдена, несколькими годами моложе Уэллса, и ребята вокруг загоготали.

Грудь Уэллса сдавило, но он постарался сохранить спокойствие. С парой-тройкой маленьких поганцев он мог бы разобраться, даже не вспотев, – не зря же он был абсолютным чемпионом по спортивным единоборствам на кадетских курсах. Но здесь он был один, а их – девяносто пять. Девяносто шесть, если считать Кларк, которая, возможно, сейчас благоволит к Уэллсу меньше, чем кто-либо еще на этой планете.

Когда они загрузились в челнок, Уэллс встревожился, что не видит Гласс. Ко всеобщему потрясению населения Феникса, ее арестовали вскоре после ареста Кларк. Сколько Уэллс ни наседа на отца, но так и не смог выяснить, что же она совершила. Юноша пожалел, что не знает, почему подруга не отобрана для экспедиции. Он старался убедить себя в том, что ее, возможно, помиловали, но более вероятным было, что она все еще находится в Тюрьме, ведя обратный отсчет дней до быстро приближающегося восемнадцатилетия. От этой мысли руки Уэллса холодели.

– Не удивлюсь, если Канцлер-младший надеется, что его накормят в первую очередь, – сказал парень с Аркадии. Его карманы топорщились от пищевых брикетов, собранных во время безумной суеты первых часов после катастрофы. Насколько Уэллс мог судить, их отправили на Землю с довольно скудным запасом провианта, которого могло хватить от силы на месяц и который исчезнет еще быстрее, если люди будут пихать в карманы все, что найдут. Но такое вряд ли возможно, и почти наверняка где-то есть контейнер с провизией. Они должны наткнуться на него, когда закончат разбирать обломки челнока.

– Или что мы сейчас организуем ему уютную постельку, – усмехнулась хорошенькая девушка с глубокой царапиной на лбу.

Уэллс не обращал на них внимания, глядя вверх, в бескрайнее темно-синее небо. Оно действительно поражало. Он, конечно, видел фотографии земного неба, но все равно даже представить себе не мог столь насыщенного оттенка. Было странно думать, что вся эта синева – атмосфера, состоящая из кристаллов азота и преломленного света, – отделяет его от мириад звезд и от единственного мира, который он когда-либо знал. Он почувствовал, как его сердце преисполнилось состраданием к тем троице, что не прожили достаточно долго, чтобы увидеть эту синь. Их тела лежали по другую сторону челнока.

– Постельку? – фыркнул парень. – Может, ты мне скажешь, где вообще в таком месте можно найти постель?

– А где, к чертям собачьим, мы будем спать? – спросила девушка со шрамом, озираясь по сторонам и словно ожидая, что вот-вот, как по мановению волшебной палочки, появятся спальни.

Уэллс откашлялся.

– В нашем снаряжении есть палатки. Нужно только закончить разбор этих завалов и разложить все по местам. И одновременно мы должны послать кого-нибудь в разведку, чтобы найти воду и разбить возле нее лагерь.

Девушка демонстративно огляделась по сторонам.

– Мне и здесь неплохо, – сказала она, и вокруг сдавленно захихикали.

Уэллс изо всех сил старался сохранять спокойствие.

– Дело в том, что, если мы расположимся возле ручья или озера, нам будет легче...

– Ой, ладно, – перебил его чей-то низкий голос, – нашел время для лекции.

Уэллс обернулся: к их костру приближался парень по имени Грэхем, единственный, кто попал сюда с Феникса, если не считать Кларк и Уэллса. При этом большинство ребят с Аркадии и Уолдена знали его по имени и относились к нему с изрядным уважением. Уэллс даже думать не хотел, что он сделал, чтобы заслужить такое отношение.

– Я не читал никаких лекций. Я просто стараюсь сделать так, чтоб мы выжили.

Грэхем поднял бровь.

– Это очень интересно. Особенно если учесть, что твой отец приговорил наших друзей к смерти. Но не переживай, я-то знаю, ты на нашей стороне. – И он широко улыбнулся Уэллсу. – Это так?

Уэллс с опаской посмотрел на него, а потом коротко кивнул:

– Конечно.

– Ну, – продолжил Грэхем, и его дружелюбный тон странно противоречил неприязненному блеску его глаз, – и за что тебя посадили?

– Не очень-то вежливый вопрос, правда ведь? – Уэллс улыбнулся загадочной, как он надеялся, улыбкой.

– О, я так сожалею, – Грэхем состроил гримасу ужаса, – но ты должен меня простить. Когда последние 847 дней своей единственной жизни ты должен провести запертым в корабельной жопе, как-то забываешь, что считается вежливым на Фениксе.

– 847 дней? – переспросил Уэллс. – И можно предположить, что тебя осудили не потому, что ты спер со склада ароматические приправы?

– Нет, – сказал Грэхем, шагнув в сторону Уэллса, – не за это. – Все вокруг затаили дыхание, кто-то неловко переминался с ноги на ногу, а кто-то, наоборот, жадно подался вперед. – Меня посадили за убийство.

Их глаза встретились. Уэллс постарался ничем не выдать своих чувств: ему не хотелось, чтоб Грэхем получил удовольствие, увидев, насколько он потрясен.

– Да? – сказал он небрежно. – И кого ты убил?

Грэхем холодно улыбнулся.

– Если бы ты провел среди нас побольше времени, ты бы знал, что *твой* вопрос не очень-то вежливый.

Несколько секунд прошло в напряженной тишине, а потом Грэхем продолжил:

– Но я в любом случае уже знаю, что ты сделал. Когда арестовывают сына Канцлера, новости разносятся быстро. Ты, конечно, не признаешься. Но раз уж мы так мило болтаем, может, ты скажешь, зачем нас отправили сюда? Сейчас, когда стольким нашим друзьям по-прежнему грозит казнь после пересмотра дела? – Грэхем все еще улыбался, но его голос звучал теперь ниже и опаснее. – Почему нас отправили именно сейчас? Что заставило твоего отца так внезапно снарядить эту экспедицию?

Его отец. За этот день, впитывая в себя новые ощущения от пребывания на Земле, Уэллс почти убедил себя, что сцена на грузовой палубе – резкий звук выстрела, темный кровавый цветок, распустившийся на груди отца – была просто кошмарным сном.

– Конечно, он не собирается ничего нам говорить, – презрительно усмехнулся Грэхем. – Так, солдат? – И он издевательски взял под козырек.

Ребята с Аркадии и Уолдена, до этого не сводившие глаз с Грэхема, развернулись к Уэллсу и так пристально на него уставились, что все волоски на его коже встали дыбом. Конечно, он знал, в чем дело. Знал, почему столько ребят казнили в их восемнадцатый день рождения, казнили за преступления, совершив которые в недавнем прошлом они были бы помилованы. И почему их кое-как подготовленная экспедиция была так поспешно отправлена на Землю.

Он знал это лучше, чем кто-либо еще, потому что сам был во всем виноват.

– Когда мы полетим домой? – спросил парнишка, которому на вид было не больше двенадцати лет.

Уэллс внезапно почувствовал острое сострадание к его несчастной матери, которая где-то там, на корабле, даже не подозревала о том, что ее сын преодолел многие километры и оказался на планете, когда-то оставленной человечеством. Оставленной умирать.

– Мы *уже* дома, – сказал Уэллс, вложив в эти слова как можно больше искренности.

Если произносить их достаточно часто, возможно, он сам начнет в них верить.

В этом году он почти пропустил концерт, который всегда был его любимым событием. На этот вечер музыкальные реликвии извлекались из специальных хранилищ, где они хранились в полном вакууме. Наблюдать за музыкантами, которые большую часть жизни репетировали, используя симуляторы, когда они брались за настоящие ноты и инструменты, было все равно, что стать свидетелем воскрешения из мертвых. Изготовленные руками давно умерших мастеров, единственные музыкальные инструменты во Вселенной исполняли те же возвышенные мелодии, что некогда звучали в концертных залах погибшей цивилизации. Раз в году Эдем-Холл наполнялся музыкой, которая пережила земное человечество.

Но когда Уэллс вошел в Зал – большую овальную комнату с выгнутыми панорамными окнами – горе, которое неделю назад поселилось в нем и, кажется, блуждало по телу, застыло в его желудке. Обычно вид, который открывался из окон, казался ему невозможно прекрасным, но этой ночью блеск звезд, окружавших окутанную облаками Землю, напомнил ему о поминальных свечах. Его мать любила музыку.

Зал, как всегда, был переполнен, вокруг взволнованно гудела большая часть населения Феникса. Множество женщин жаждало продемонстрировать новые платья, дорогие и в некоторых случаях прекрасно на них сидевшие – тут все зависело от того, остатки какой именно ткани им удалось раздобыть в Обменнике. Уэллс сделал несколько шагов вперед, и по толпе побежала рябь шепотков и понимающих взглядов.

Уэллс постарался сосредоточиться на передней части помещения – там возле Древа, в честь которого был назван Эдем-Холл, уже собрались музыканты. Легенда гласила, что саженец Древа чудом выжил в горящей Северной Америке и был доставлен на Феникс перед самым Исходом. Сейчас дерево выросло до самого потолка, его тонкие ветви простирались во все стороны на десяток метров: лиственный полог как бы набросил на музыкантов вуаль зеленоватых теней.

«Это сын Канцлера?» – спросила какая-то женщина у него за спиной, и новая волна жара прилила к его и без того пылавшим щекам. Он так и не выработал иммунитета к этому хвосту оценивающих любопытных взглядов, что неизменно за ним тащился, но сегодня это было особенно невыносимо.

Он развернулся и начал было пробираться к выходу, но замер на месте, когда чья-то рука нашла его ладонь. Глянув через плечо, он наткнулся глазами на недоумевающий взгляд Кларк.

– Куда это ты собрался сбежать?

Уэллс мрачно улыбнулся:

– Оказывается, у меня неподходящее настроение, чтобы слушать музыку.

Кларк на миг задержала на нем взгляд, а потом ее пальцы вновь крепко сжали его руку:

– Останься. Ради меня, – Она увлекла его вперед, туда, где в заднем ряду было два свободных места. – Надеюсь, ты мне расскажешь, что именно мы слушаем.

Усаживаясь возле Кларк, Уэллс вздохнул.

– Я уже говорил тебе, что будут исполнять Баха, – сказал он, бросив тоскливый взгляд на дверь.

– Ты понимаешь, что я имею в виду. – Пальцы Кларк переплелись с его пальцами. – Одна часть, другая часть... к тому же я вечно начинаю хлопать не вовремя.

Уэллс слегка пожал ее руку.

В анонсах или представлениях не было никакой нужды. Как только на волю вырвалась первая нота, разговоры стихли. Проведя смычком по струнам, скрипач заставил присутствующих замолчать. Потом к нему присоединилась виолончель, за ней – кларнет. Барабаны в этот вечер не звучали, но не беда – Уэллс почти слышал, как две сотни человеческих сердец бьются в такт музыке.

– Я всегда представлял себе, что как-то так должен звучать закат, – прошептал Уэллс.

Фраза вырвалась у него непроизвольно, прежде чем он успел подумать, и Уэллс ожидал, что сейчас увидит недоуменный взгляд Кларк или выражение неловкости на ее лице.

Но музыка околдовала и Кларк тоже.

– Я хотела бы увидеть закат, – шепнула она, опуская голову ему на плечо.

Уэллс рассеянно провел рукой по ее шелковистым волосам.

– Я хотел бы любоваться закатом вместе с тобой. – Он наклонился и поцеловал ее в лоб. – Что ты будешь делать лет в семьдесят пять? – прошептал он.

– Чистить вставную челюсть, – с улыбкой ответила Кларк, – а что?

– Просто у меня есть идея назначить тебе свидание на Земле.

День угасал, костер бросал отсветы на лица стоявших вокруг Уэллса парней и девушки.

– Я знаю, это выглядит странно и страшно, и – да, несправедливо, но есть причина, по которой мы оказались здесь, – сказал он ребятам. – Если выживем мы, смогут выжить и все остальные.

К нему повернулась почти сотня голов, и ему на миг подумалось, что, возможно, его словам удалось пробить многолетнюю броню невежества и пренебрежения, но тут тишину нарушил новый голос:

– Поосторожнее тут, Яха!

Уэллс круто развернулся и увидел высокого парня в окровавленной униформе охранника. Парня, который силой ворвался в челнок. Который держал отца Уэллса в заложниках.

– Земля пока что работает в режиме восстановления. Мы не знаем, сколько еще туфты, которую ты гонишь, она сможет вынести.

У костра снова послышались сдавленные смешки и фыркание, и Уэллс ощутил прилив внезапного, острого гнева. Из-за этого парня его отец – человек, который отвечает за защиту всего выжившего человечества, – оказался ранен, и он смеет стоять тут и обвинять Уэллса в том, что он гонит туфту?

– Извини?.. – сказал Уэллс, вздергивая подбородок, чтобы смерить парня своим лучшим командирским взглядом.

– Завязывай с этим дерьмом, о'кей? Просто скажи, что ты на самом деле имеешь в виду. Мы будем делать то, что ты говоришь, а ты не будешь стучать на нас своему отцу.

Глаза Уэллса сузились:

– Благодаря тебе мой отец, возможно, сейчас лежит в больнице, – «... и получает там самое лучшее лечение и находится на пути к быстрому выздоровлению», – про себя добавил Уэллс. Он очень надеялся, что все так и есть.

– Если он еще жив, – вставил Грэхем и гоготнул, а Уэллсу на секунду показалось, что он заметил, как один из ребят вздрогнул и поморщился. Уэллс шагнул было вперед, однако новый голос из толпы крикнул, заставив его остановиться:

– Значит, ты не шпион?

– Шпион? – Это обвинение почти заставило его рассмеяться.

– Ну да, – подтвердил лжеохранник. – Шпионишь за нами, как эти браслеты, верно?

Уэллс более пристально посмотрел на парня в не подходящей ему по размеру униформе. Интересно, кто-то сказал ему о назначении браслетов или он догадался сам?

– Вам не кажется, что, если бы Совету понадобилось шпионить за вами, – сказал он, игнорируя замечание о браслете-передатчике, – они постарались бы выбрать кого-то менее заметного?

Парень в окровавленной униформе усмехнулся:

– Плюсы и минусы административных методов твоего отца мы можем обсудить как-нибудь потом, а сейчас просто скажи нам: если ты не шпион, какого черта ты тут делаешь? Среди нас нет дураков, которые поверят, что ты на самом деле осужден.

– Мне жаль, – в тоне Уэллса звучало все что угодно, кроме сожаления, – но ты и сам кажешься подозрительным. Ты появляешься в краденной униформе, берешь в заложники моего отца – и все ради того, чтобы пробраться на корабль... Я думаю, это тебе следует кое-что объяснить.

Парень прищурился:

– Я сделал это, потому что должен защищать сестру.

– *Сестру*? – переспросил Уэллс.

На Уолдене люди нарушали демографические законы гораздо чаще, чем на Фениксе, однако Уэллс никогда не слышал, чтобы после Катаклизма у кого-нибудь были братья или сестры.

– Вот именно, – парень скрестил руки на груди и вызывающе посмотрел на Уэллса. – А теперь я повторю свой вопрос: что ты на самом деле тут делаешь?

Уэллс шагнул вперед. Он не обязан ни перед кем отчитываться, и уж тем более – перед этим криминальным типом, чьи слова про сестру запросто могут оказаться ложью. Но потом его внимание привлекло какое-то движение: с противоположного края поляны к костру шла Кларк, которая до этого оказывала помощь раненым.

Уэллс повернулся к высокому парню и вздохнул, чувствуя, как испаряется его гнев.

– Я здесь по той же причине, что и ты. – Его взгляд метнулся к Кларк, которая все еще находилась вне пределов слышимости. – Я совершил преступление и сел, чтобы кое-кого защитить.

Собравшиеся у костра примолкли. Уэллс повернулся к ним спиной и пошел к Кларк, не обращая внимания на то, что все взгляды обращены на него.

На миг ее облик свел его с ума. Небо потемнело, и поляна была теперь освещена иначе, чем днем, поэтому золотые искры в ее зеленых глазах словно светились. Здесь, на Земле, она была еще прекраснее, чем когда-либо раньше.

Их глаза встретились, и по его спине пробежал холодок. Меньше года прошло с тех пор, когда он мог угадать ее мысли, просто посмотрев на нее. Но сейчас выражение лица Кларк было абсолютно непроницаемо.

– Что ты тут делаешь, Уэллс? – спросила она. Голос ее звучал напряженно и устало.

«Она в шоке», – сказал себе Уэллс, заставляя свой ум поверить в это сомнительное объяснение ее тона, и мягко ответил:

– Я здесь из-за тебя.

Казалось, внутри Кларк рухнули все барьеры, и на ее лице появилась смесь печали, разочарования и жалости. Выражение этих глаз ранило Уэллса прямо в сердце.

– Надеюсь, что нет. – Она вздохнула и, избегая его взгляда, прошла мимо.

От ее слов у Уэллса перехватило дыхание, и на миг он мог думать лишь о том, как люди дышат. Потом от костра до него донесся гул голосов, и он обернулся на этот звук, помимо воли заинтересованный тем, что вызвало оживление. Взгляды всех ребят были прикованы к небу, на котором исполнялась симфония цвета.

Вначале на синеве проступили оранжевые полосы: так присоединяется к флейте гобой, превращая соло в дуэт. Потом к общему хору присоединился желтый, а потом и розовый. Небо потемнело, и на его фоне цветовая гамма казалась еще ярче и насыщенней. Слово «закат» не могло вместить в себя все это великолепие, и в миллионный раз, с тех пор как они приземлились, Уэллс обнаружил, что слова, которыми его научили описывать Землю, бледнеют перед ее реалиями.

Даже Кларк, которая с момента крушения челнока, не переставая, что-то делала, замерла на полпути и подняла голову, чтобы лучше разглядеть небесное волшебство. Уэллсу не нужно было видеть ее лицо, он знал, что ее глаза распахнуты в благоговейном трепете, а рот приоткрылся от легкого вздоха, словно она наконец-то увидела нечто, о чем давно грезил. Нечто, о чем *они* давно грезили, поправил себя Уэллс. Он отвернулся, не в силах больше смотреть на небо, и его грудь пронизала острая боль. Впервые за триста лет люди смогли наконец увидеть закат, и Уэллс был вынужден смотреть на него в одиночестве.

Глава 7. Беллами

Беллами щурился на восходящее солнце. Раньше он всегда считал, что восторги древних поэтов – полное дерьмо. Ну или сами поэты приняли в своей жизни больше наркоты, чем он вообще мог себе представить. Но они были правы. Оказалось, это такая чума – смотреть, как небо из черного становится серым, а потом взрывается разноцветными полосами. От этого зрелища Беллами хотелось запеть или сделать еще что-нибудь в таком духе, но он был лишен артистизма.

Тогда Беллами нагнулся и укутал одеялом плечи Октавии. Беллами нашел это одеяло торчащим из контейнера со снаряжением, а потом за обладание им ему пришлось выбить несколько зубов. Беллами выдохнул, наблюдая за образовавшимся облачком пара. На корабле такого не бывало, там вентиляционные системы только что не высасывали воздух у тебя из легких, прежде чем ты успевал открыть рот.

Беллами оглядел поляну. После того как эта девчонка Кларк закончила осмотр Октавии и сказала, что у той всего лишь растянуты связки, Беллами отнес сестру поближе к деревьям. Там они и провели ночь. Он собирался держать дистанцию, пока не станет ясно, кто из этих ребят настоящий преступник, а кто просто оказался в ненужное время в ненужном месте.

Беллами сжал руку сестры. В том, что она оказалась в Тюреме, виноват был он. Виноват он был и в том, что она сейчас здесь. Ему следовало бы знать, что сестра что-то замышляет, – не зря же она неделями твердила о том, как голодают некоторые дети в ее блоке. Рано или поздно она должна была начать что-то делать, чтобы подкормить их, – даже если это означало воровство. Его самоотверженную маленькую сестренку приговорили к смерти из-за слишком большого сердца. Его обязанностью было защищать ее. А он впервые в жизни не справился.

Беллами расправил плечи и задрал кверху подбородок. Для шестилетки он был высок, но люди все равно таращились на него, когда он пробирался сквозь толпу в распределительном центре. Правила не запрещали детям приходить сюда без взрослых, но такое было редкостью. Прежде чем выпустить сына из квартиры, мать трижды заставила его повторить весь список. *Волоконная мука – два кредита. Пакетированная глюкоза – один кредит. Дегидрированное зерно – два кредита. Клубневые хлопья – один кредит. Протеиновая колбаса – три кредита.*

Он обошел двух женщин, которые остановились поворчать у каких-то белых штук, напоминающих мозги. Беллами сделал большие глаза и двинулся дальше. Ну кому какое дело, что Феникс получает с соляных плантаций всякую вкуснятину? У каждого, кто хочет есть овощи, мозги, наверное, такие же маленькие и белые. Вроде этих штукovin.

Беллами протянул руки к раздаточному аппарату, подхватил выскользнувший из него пакет с волоконной мукой и сунул его под мышку. Он уже двинулся было к секции с клубнями, но тут его внимание привлекло что-то яркое, блестящее. Обернувшись, мальчик увидел на витринном прилавке целую гору красных круглых плодов. Как правило, его не интересовали дорогие продукты, которые тут держали под замком, будь то скрюченная морковь, напоминавшая Беллами оранжевые ведьмины пальцы, или уродливые грибы, смахивающие скорее на вылезших из какой-то черной дыры безмозглых зомби, чем на еду. Но сейчас все было иначе. Эти фрукты были розово-красными: такого же цвета становится их соседка Рилла, когда они в коридоре играют в нашествие инопланетян. Вернее, играли, пока отца Риллы не увели охранники, а ее саму не отправили в детский центр.

Беллами привстал на цыпочки, чтобы прочитать на информационной панели цену. Одиннадцать кредитов. Кажется, это очень много, но ему захотелось сделать маме что-то приятное. Она вот уже три дня не поднималась с постели. Беллами даже вообразить себе не мог, чтобы он устал так сильно.

– Хочешь приобрести? – прозвучал над ним раздраженный голос. Он поднял глаза и увидел, что на него пристально смотрит женщина в зеленой униформе работника распределительного центра. – Плати или проваливай.

Беллами покраснел. На какой-то миг ему захотелось умчаться прочь. Но потом, смывая ощущение неловкости, в нем поднялась волна негодования. Он не позволит, чтобы какая-то кислomorдая тетка помешала ему купить заслуженный гостинец для мамы.

– Я возьму *два*, – сказал он тем самым надменным тоном, который заставлял мать изумленно округлять глаза и спрашивать, в кого, интересно, он такой уродился. – И не тычьте в них своими пальцами, – многозначительно добавил он.

Женщина подняла бровь и бросила взгляд на охранников у пульта транзакции. Никто на Уолдене не любил охранников, но мама Беллами, кажется, прямо-таки боялась их. В последнее время при виде приближающегося патруля она хватала сына за руку и поворачивала в противоположную сторону. Неужели она сделала что-то плохое, и теперь охранники могут схватить и увести ее, как они схватили отца Риллы? «Нет, – сказал он про себя, – я им не позволю».

Он взял свои яблоки и прошагал к пулту транзакции. Работник распределительного центра просканировал его карту и несколько мгновений смотрел на возникшую на экране информацию, а потом пожал плечами и махнул Беллами, чтобы он уходил. Один из охранников проводил его любопытным взглядом, но Беллами смотрел только вперед. Пока мальчик не вышел из распределительного центра, он заставлял себя сдерживать шаг, а потом бросился бежать, прижимая к груди свои пакеты. Он бежал, пока не добрался до коридора, ведущего в его жилой блок.

Войдя в квартиру, Беллами аккуратно закрыл за собой дверь. Ему не терпелось поскорее показать маме, что он ей принес. Мальчик вошел в жилое помещение, но свет не зажегся. Может быть, сенсор опять сломался? Внутри у него слегка екнуло. Мама ненавидела делать запросы в эксплуатационную службу, потому что ей не нравилось, когда в доме чужие. Но сколько времени они смогут прожить в темноте?

– Мама! – крикнул Беллами, бросаясь в ее комнату. – Я вернулся! Я все сделал!

Здесь со светом все было в порядке, и лампы, пробуждаясь к жизни, загудели, стоило ему вбежать в дверь. Но мамина кровать была пуста.

Внутри Беллами поднялась волна ужаса, и он застыл на месте. Она ушла. Нет, ее увели. Он остался совсем один. Но тут до его ушей из кухни донесся приглушенный звук. Беллами вздохнул, его страх сменился облегчением, а потом возбуждением. Мама встала с постели!

Он помчался в кухню. Его мать стояла возле маленького круглого окошка, выходящего на темную лестницу. Одной рукой она держалась за поясницу, словно ей было больно.

– Мам, – позвал Беллами, – посмотри, что я тебе принес.

Она резко втянула в себя воздух, но не обернулась.

– Беллами, – сказала она так, словно он был соседом, который без предупреждения пришел в гости, – ты вернулся. Положи еду на стол и иди к себе в комнату. А я тут побуду.

Разочарование навалилось на него, прижало к полу. Он хотел посмотреть на мамино лицо в тот миг, когда она увидит фрукты.

– Погляди! – настойчиво повторил он и протянул руки вперед, не зная точно, видит ли она отражение яблок в темном, грязном оконце.

Мать посмотрела на него через плечо.

– Что это? – Она прищурилась. – Яблоки? – Мама сжала губы и потерла виски. Так она делала раньше, приходя с работы. До того, как заболела. – Сколько же ты за них... неважно. Просто иди в свою комнату, ладно?

Беллами поставил пакеты на столик возле двери: его ладошки вспотели. Что он сделал не так? Свет вдруг вспыхнул ярче и погас.

– Черт, – пробормотала мама, подняв глаза на потолок. – Беллами, *иди*, – скомандовала она.

По крайней мере Беллами думал, что это были именно ее слова. Она снова отвернулась к окошку, и ее голос в этой темноте казался совсем непривычным, не похожим на себя.

Выскальзывая из кухни, Беллами оглянулся. Мама тоже была не похожа сама на себя. Теперь она стояла к нему боком, и ее огромный круглый живот выглядел так, словно она что-то прячет под рубашкой. Сморгнув, Беллами умчался прочь, убежденный, что глаза его обманули, и старательно игнорируя пробежавший по спине холодок.

– Ну как она?

Беллами поднял глаза и увидел Кларк. Девушка стояла перед ним и тревожно глядела на его спящую сестру.

– Думаю, она в порядке.

– Хорошо. – Кларк подняла слегка обгоревшую бровь. – Потому что вышло бы позорище, если бы ты выполнил свои ночные угрозы.

– А что я говорил?

– Ты сказал, что, если я не вылечу твою сестру, ты взорвешь эту долбаную планету вместе со всем, что на ней есть.

Беллами улыбнулся:

– Планете повезло, что дело всего лишь в растянутых связках.

Склонив голову набок, он пристально и насмешливо посмотрел на Кларк. От усталости вокруг ее глаз залегли фиолетовые тени, но они лишь подчеркнули зеленый цвет радужки. Беллами кольнуло чувство вины за то, что ночью он, похоже, вел себя с ней как скотина. Беллами принял было Кларк за еще одну самодовольную штучку с Феникса, которая учится на врача, потому что это дает ей хороший повод попонтоваться на вечеринках. Однако напряженное выражение ее нежного лица и следы крови в спутанных рыже-золотистых волосах ясно указывали на то, что с момента посадки у нее не было еще ни минутки отдыха.

– А что, – продолжил Беллами, вспомнив слова, сказанные вчера у костра Уэллсом, и то, как отвернулась от него Кларк, – чего ты так обломала Канцлера-младшего?

Кларк посмотрела на него со смесью удивления и гнева. В какой-то миг Беллами показалось, что она сейчас ударит его, но девушка лишь покачала головой:

– Не твое дело.

– Он твой парень? – поднажал Беллами.

– Нет, – категорично отрезала она, но губы ее скривились в сомневающейся улыбке. – Тебе-то что?

– Просто затеял перепись населения Земли, – отозвался Беллами. – В частности, для того, чтобы определить, с кем крутят романы здешние хорошенькие девушки.

Кларк стрельнула глазками, но, как только она повернулась к Октавии, с ее лица исчезла игривость.

– В чем дело? – Беллами перевел взгляд с Кларк на сестру.

– Ни в чем, – быстро сказала Кларк. – Мне просто хотелось бы иметь какой-нибудь антисептик, чтобы обработать эту рану на ее лице. А кое-кому еще очень пригодились бы антибиотики.

– У нас что, нет *никаких* медикаментов? – тревожно нахмурился Беллами.

Кларк с удивлением посмотрела на него.

– Я думаю, все медицинское оборудование и лекарства выпали из челнока во время аварии. Но с нами все будет в порядке, правда, – быстро сказала она. Эти слова вырвались у нее прежде, чем она успела сообразить, как придать этой лжи хоть какое-то правдоподобие. – Какое-то время с нами все будет хорошо. Человеческий организм обладает поразительной спо-

способностью к самовосстановлению... – Девушка замолчала, когда ее глаза остановились на кровавых следах, густо пятнавших его краденую униформу.

Проследив за ее взглядом, Беллами поморщился. Интересно, что она думает о Канцлере? Беллами надеялся, что тот выживет, ведь за лжеохранником и без того тянется шлейф прегрешений. Хотя, наверное, не имеет никакого значения, жив Канцлер или мертв. Кого бы Совет ни включил в следующую экспедицию, Беллами, скорее всего, казнят на месте, несмотря на то что ранение Канцлера было несчастным случаем. Как только Октавия сможет ходить, они с Беллами отправятся в путь. Чтобы отойти от остальных на приличное расстояние, им потребуется несколько дней, а потом они выберут место и постараются там обосноваться. Беллами не зря провел месяцы, штудировав старинную книжку о том, как выжить в лесу (он нашел ее на палубе В). Он должен быть готов ко всему, что может поджидать их в здешних лесах. Наверняка лесные ужасы не опаснее того, что придет с неба.

– Когда она сможет ходить?

Кларк снова повернулась к Беллами.

– У нее довольно неприятное растяжение. Я бы сказала, что ходить она сможет через несколько дней, а полностью поправится через неделю. Или через две.

– А может быть, что она выздоровеет раньше?

Кларк склонила голову набок и подарила Беллами легкую улыбку, на миг заставившую его забыть, что он находится на потенциально токсичной планете в обществе девятилетнего преступника.

– К чему такая спешка?

Но, прежде чем он успел ответить, кто-то окликнул Кларк по имени, и она ушла.

Беллами глубоко вздохнул. К его удивлению, от этого простого действия в голове прояснилось, и он почувствовал себя активнее и собраннее. Возможно, воздух и впрямь был ядовитым, но каждый раз, делая вдох, он ощущал нечто необъяснимое, но интригующее, словно совсем близко от него только что прошла таинственная незнакомка, которую он не смог разглядеть, зато успел почувствовать запах ее духов.

Его внимание привлекли деревья, окружавшие поляну, и он отошел, чтобы лучше рассмотреть их, не теряя при этом из виду Октавию. Деревья не были похожи на те, что он успел узнать, изучая книги. Правда, единственный ботанический справочник, который ему удалось достать на корабле, был посвящен растительности Африки... а Беллами, кажется, слышал слова Уэллса о том, что они приземлились на восточном побережье территории, которая когда-то принадлежала Соединенным Штатам Америки.

Совсем рядом с ним хрустнула ветка. Беллами развернулся и увидел девушку с длинным узким лицом и свалывшимися волосами.

– Я могу тебе чем-то помочь?

– Уэллс сказал, что все, кто не ранен, должны собирать дрова.

Беллами вспыхнул от раздражения и жестко ответил:

– Не думаю, что у Уэллса есть полномочия, чтобы приказывать, поэтому, если с тобой лично все в порядке, я займусь своими делами, о'кей?

Девушка беспокойно отодвинулась и нервно поглядела на него через плечо.

– Иди давай, – сказал Беллами.

Он недвусмысленно указал ей путь и удовлетворенно наблюдал за ее поспешным бегством, а потом вытянул шею и уставился в небо. В каком бы направлении ни смотрели его глаза, они не встречали ничего, кроме пустоты. Какая разница, где они находятся? Любое место на этой планете гораздо лучше мира, который они оставили позади.

Впервые в жизни он был свободен.

Глава 8. Гласс

Остаток ночи Гласс провела на диванчике Люка, благодарная Камилле за то, что та не стала спрашивать, почему она отказалась спать в бывшей комнате Картера. Они решили, что Гласс лучше всего остаться в квартире Люка до шестичасового пересменка, когда у нее будет меньше шансов нарваться на пат руль.

Всю ночь она ворочалась с боку на бок. Каждый раз, когда она меняла позу, браслет больно впивался ей в кожу, напоминая, что она в опасности, а Уэллс в непредставимой дали от Колонии пытается выжить на планете, где триста лет назад наступила ядерная зима. Он, конечно, всегда мечтал увидеть Землю, но не таким образом. Ведь планета, возможно, непригодна для жизни, а отца Уэллса подстрелили прямо у него на глазах.

Лежа в темноте и глядя в потолок, она не могла перестать прислушиваться. Еле слышного шепота за стеной комнаты Люка было достаточно, чтоб все у нее внутри перевернулось. А тишина была во сто крат хуже.

Стоило только свету настроенных на суточный цикл ламп подползти под входную дверь, как Люк и Камилла, зевая, вышли из спальни. Видно было, что они оба не выспались. На Люке уже была гражданская одежда, которую он носил во внеслужебное время, но Камилла надела лишь его старую рубашку, которая едва прикрывала ее стройные бедра. Гласс покраснела и отвернулась.

– Доброе утро.

Сухое официальное приветствие Люка заставило Гласс содрогнуться. В последний раз он шептал эти слова ей на ухо, когда они вместе лежали в кровати.

– Доброе утро, – ответила она, прогоняя непрошенные воспоминания.

– Нужно избавиться от твоего браслета, – Люк жестом указал на ее запястье.

Гласс кивнула, поднялась с дивана и неловко поежилась под взглядом Камиллы, который перебегал с нее на Люка и обратно. В конце концов Камилла скрестила руки на груди и сказала, обращаясь к Люку:

– Ты уверен, что это хорошая идея? А вдруг кто-нибудь тебя увидит?

Люк помрачнел.

– Мы это уже обсуждали, – сказал он спокойно, но Гласс послышались в его голосе сердитые нотки. – Если мы ей не поможем, ее *убьют*. Так что все правильно.

«Все правильно», – мысленно повторила Гласс его слова. Вот и все, что имеет теперь значение: сама она ничего уже для него не значит, он просто не хочет, чтоб у него на совести была ее смерть.

– Лучше уж ее, чем тебя, – сказала Камилла дрожащим голосом.

Люк наклонился и поцеловал ее в макушку.

– Все будет хорошо. Я отведу ее обратно на Феникс и сразу вернусь домой.

Камилла вздохнула и бросила Гласс штаны и рубашку.

– Держи, – сказала она. – Я знаю, эта одежда не дотягивает до высоких стандартов Феникса, но в ней ты будешь выглядеть поубедительнее. С такими волосами ты не слишком-то похожа на сантехника.

Она сжала ладонь Люка и скользнула обратно в его спальню, оставив Люка и Гласс наедине.

Гласс помялась, неловко держа в руках одежду. Какое-то мгновение они просто смотрели друг на дружку. Когда они виделись в последний раз, она бы переоделась при нем, даже не задумавшись.

– Я, наверно... – Она запнулась и махнула рукой в сторону комнаты Картера.

– О, – сказал Люк, слегка покраснев, – нет, я просто... я сейчас вернусь, – и он ретировался в спальню.

Гласс переделалась так быстро, как смогла, стараясь не обращать внимания на доносящийся из-за двери шепот, раздражавший ее, как булабочные уколы.

Когда Люк вернулся, Гласс уже надела болтавшиеся на бедрах свободные серые штаны и шершавую синюю футболку, которая сразу стала кусать ей кожу. Он критически осмотрел этот наряд.

– Все равно что-то не так, – сказал он. – Ты не похожа на заключенного, но и не выглядишь как местная девушка.

Гласс принялась застенчиво разглаживать ладошкой мятые брюки, удивляясь, что Люк выбрал девушку, которая ходит дома в такой одежде.

– Дело не в этом, – сказал он, – а в твоих волосах. На Уолдене девушки не отращивают их до пояса.

– Почему? – спросила она, ощущая легкий укол вины из-за того, что никогда не обращала на это внимания.

Люк рылся в небольшом стенном шкафчике.

– Возможно, потому, что за такими волосами слишком трудно ухаживать, а квота потребления воды на Уолдене значительно меньше, чем на Фениксе. – Он обернулся к Гласс и с видом победителя протянул ей старенькую, покрытую пятнами кепчонку.

Гласс слабо улыбнулась:

– Спасибо. – Она взяла кепку и нахлобучила ее на голову.

– Не думаю, что этого достаточно, – смерив девушку хмурым взглядом, Люк снял с нее головной убор. Держа его в одной руке, другой он собрал волосы Гласс и осторожно скрутил их на макушке. – Вот так, – удовлетворенно произнес он, нахлобучивая кепку поверх узла.

Они помолчали. Люк медленно протянул руку и убрал несколько выбившихся прядок за ухо Гласс. Его жесткие пальцы задержались у нее на шее: он, не мигая, смотрел ей в глаза.

– Готово? – спросила Гласс, отступая в сторону и развеивая волшебство.

– Да. Идем, – натянуто сказал Люк, отворачиваясь и увлекая ее за собой в коридор.

Суточное освещение на Уолдене было более скудным, чем на Фениксе, поэтому, хотя технически уже наступило утро, в коридорах по большей части было темно. Гласс не могла сказать, куда ведет ее Люк, и сжала в кулаки руки, чтобы они случайно не попытались дотянуться до любимого.

В конце концов, Люк остановился перед еле различимой в полутьме дверью, вытащил из кармана предмет, который Гласс не смогла разглядеть, и поднес его к сканеру. Раздался характерный звуковой сигнал, и дверь отъехала в сторону. Внутренности Гласс скрутило, когда она поняла, что, куда бы Люк ее ни привел, он оставил за собой след, залогинившись и введя код доступа. Она не могла спокойно думать о том, что может случиться с Люком, если Совет установит его связь с беглой преступницей.

Но выбора у нее не было. После того как она попрощается с мамой, ей останется только ждать, когда ее найдут охранники. Она не станет пытаться снова увидеть Люка, не будет просить его рисковать ради нее. Только не после того, что она совершила.

В помещении еле-еле мерцал слабый свет, освещая грязно-желтым какое-то незнакомое Гласс оборудование.

– Где это мы? – спросила она, и эхо подхватило ее голос.

– В одной из старых мастерских. Когда-то здесь чинили сделанное на Земле оборудование, пока его не заменили. Я иногда прихожу сюда позаниматься.

Гласс хотела было спросить, чем это охранник занимается в таком месте, но оборвала себя. Она вечно забывала, что Люк попал в инженерно-техническую службу охраны, уже начав учиться на механика. Он редко говорил об этой стороне своей жизни. Оглянувшись на соб-

ственное прошлое, Гласс задним числом устыдилась, что не стремилась побольше узнать о мире, в котором жил Люк. Неудивительно, что он ушел к Камилле.

Стоя у огромного агрегата и сосредоточенно хмуря брови, Люк нажимал какие-то кнопки.

– Что это? – спросила Гласс, когда агрегат зловеще загудел.

– Лазерный резак, – ответил Люк, не поднимая глаз.

Гласс прижала запястье с браслетом к груди.

– Ни за что! – сказала она.

Во взгляде Люка в равных пропорциях смешались удивление и злость.

– Никаких споров. Чем скорее мы снимем с тебя эту штуку, тем выше будут твои шансы спрятаться.

– А нельзя просто выяснить, как он отпирается?

Люк отрицательно покачал головой:

– Его надо распилить.

Гласс не двинулась с места, и он со вздохом протянул руку, маня ее к себе:

– Иди сюда, Гласс.

Но ее ступни словно приросли к полу. Хоть она и провела последние полгода, воображая, как Люк позовет ее к себе, в этих фантазиях никогда не фигурировали травмоопасные механизмы.

Люк приподнял бровь:

– Гласс?

Девушка сделала опасливый шаг вперед. Непохоже, чтобы у нее был выбор. Лучше уж станок Люка, подчистую срезающий ее кисть, чем инъекция смертельного яда в вену.

Люк похлопал по горизонтальной поверхности в центре станка:

– Клади сюда руку. – Он щелкнул переключателем, и агрегат загудел.

Гласс передернуло, когда ее кожа соприкоснулась с холодным металлом.

– Все будет в порядке, – сказал Люк, – я обещаю. Просто стой спокойно.

Слишком напуганная, чтобы говорить, Гласс только кивнула.

Гул продолжался, вскоре к нему присоединился высокий пронзительный скрежет. Люк произвел еще ряд каких-то манипуляций, а потом подошел и встал прямо напротив Гласс:

– Ты готова?

Она нервно сглотнула:

– Да.

Положив левую руку на ее запястье, правой Люк потянул в ее сторону какой-то рычаг. К своему ужасу, Гласс увидела тонюсенькую линию красного света, пульсирующую опасной энергией. Девушку затрясло, но Люк лишь крепче вцепился в ее руку, приговаривая:

– Все нормально, только не дергайся.

Красный свет приближался, и Гласс кожей почувствовала жар. Лицо Люка выражало сосредоточенность; не сводя глаз с запястья девушки, он неуклонно двигал лазер вперед.

Гласс сомкнула веки, собираясь с силами, чтобы терпеть мучительную боль, которая обрушится на нее, когда нервы потеряют контакт с кистью руки.

– Прекрасно! – раздался посреди этого ужаса голос Люка.

Открыв глаза, девушка увидела, что ее запястье свободно, а браслет аккуратно распилен на две части.

Она снова могла дышать, и ее дыхание было неровным:

– Спасибо.

– Пожалуйста, – Люк улыбнулся ей. Его рука все еще сжимала ее руку.

Когда они выскользнули из мастерской и пошли обратно к крытому переходу, никто из них не произнес ни слова.

– Что случилось? – шепнул Люк, увлекая Гласс за угол, туда, где начиналась лесенка, более узкая и темная, чем любая лестница на Фениксе.

– Ничего.

Раньше Люк нагнулся бы, взял ее за подбородок и смотрел ей в глаза, пока она не хихикнула бы. «Рапунцель, ты кошмарная врунишка», – сказал бы он, намекая на сказку про девушку, волосы которой, стоило ей солгать, вырастали до пят. Но на этот раз ложь Гласс просто повисла в воздухе.

– Как тебе жилось? – спросила она наконец, когда у нее больше не осталось сил молчать.

Люк поглядел на нее через плечо и вскинул брови:

– Ну, ты знаешь, если не считать того, что меня бросила любимая девушка, а потом лучшего друга казнили за пустяковый проступок, в общем и целом неплохо.

Слова как обухом ударили по голове Гласс, и она вся сжалась. Никогда раньше в голосе Люка не было столько горечи.

– Но, в конце концов, появилась Камилла...

Гласс кивнула, но, украдкой бросая взгляд на знакомый профиль Люка, она чувствовала, как в ее сознании вспыхивают яркие и опасные огоньки возмущения. Из-за чего ее, по его мнению, арестовали? Что она сделала? Почему он не выразил удивления или любопытства? Неужели он считает, что она настолько испорчена, что совершила преступление?

Люк резко остановился, и Гласс налетела на него.

– Извини, – пробормотала она, стараясь удержаться на ногах.

– Твоя мать знает, что с тобой случилось? – спросил Люк, обращая к ней лицо.

– Нет, – сказала Гласс. – В смысле, она знала, что я в Тюреме, но ей ничего не известно об экспедиции на Землю.

Канцлер ясно дал им понять, что их миссия совершенно секретна. Родителям путешественников ничего не скажут, пока не станет абсолютно очевидным, что их дети выжили, – или пока Совет не убедится, что они никогда не вернутся.

– Хорошо, что ты собираешься ее повидать.

Гласс ничего не сказала. Она знала, что он думает сейчас о своей собственной матери, которой не стало, когда ему было всего двенадцать. Поэтому он долгое время и жил с соседом Картером, уже достигшим восемнадцатилетия.

– Да, – дрожащим голосом произнесла она наконец. Она отчаянно хотела повидаться с мамой, но даже теперь, когда она избавилась от браслета, охранникам не потребуется много времени, чтобы найти ее. Что важнее? Попрощаться с мамой или не причинить ей боли, которую она наверняка ощутит, глядя, как дочь уводит на верную смерть? – Нам надо идти.

Они в молчании шагали по галерее, и Гласс упивалась зрелищем сияющих звезд. Она даже не догадывалась, как сильно любит открывающийся отсюда вид, пока не оказалась запертой в крохотной камере без окон. Девушка покосилась на Люка, не понимая, испытывает ли она боль или, наоборот, облегчение от того, что он даже не взглянул на нее.

– Тебе пора возвращаться, – сказала Гласс, когда они добрались до контрольно-пропускного пункта Феникса, где, как и обещал Люк, не было охраны. – Со мной все будет в порядке.

Люк сжал челюсти и горько улыбнулся.

– Хотя ты теперь и беглый зэк, я все еще недостаточно хорош, чтобы познакомиться с твоей мамой.

– Я совсем не это имела в виду, – сказала она, думая о следе, который они уже оставили за собой. – Просто помогать мне опасно. Я не хочу, чтобы ты рисковал из-за меня жизнью. Ты и так уже многое для меня сделал.

Люк набрал полную грудь воздуха, будто собираясь что-то сказать, но потом просто кивнул.

– Тогда ладно.

Еле сдерживая слезы, она постаралась улыбнуться.

– Спасибо тебе за все.

Выражение лица Люка слегка смягчилось.

– Удачи тебе, Гласс.

Он начал склоняться к ее лицу, и Гласс ничего не могла с собой поделать, по привычке потянувшись к нему, но тут он подался назад, с почти физическим усилием разорвав контакт между их взглядами. Не сказав больше ни слова, Люк развернулся и бесшумно двинулся туда, откуда они только что пришли. Гласс смотрела ему вслед, и ее губы жаждали прощального поцелуя, которым они никогда не обмениваются.

Гласс добралась до своей квартиры и, вскинув кулак, легонько постучала. Дверь открылась, и из-за нее выглянула мать Гласс, Соня. За какой-то миг на ее лице промелькнула целая гамма чувств – удивление, радость, замешательство и страх.

– Гласс?! – выдохнула она и потянулась к дочери, словно чтобы убедиться, что та на самом деле здесь. Гласс с благодарностью упала в материнские объятия, упиваясь знакомым запахом ее духов. – Я думала, что никогда больше тебя не увижу, – с этими словами Соня втащила Гласс в квартиру и закрыла дверь. Отступив на шаг, Соня посмотрела на дочь. – Я ведь все время считала дни до твоего восемнадцатилетия. – Ее голос упал до шепота: – Осталось всего три недели.

Схватив мать за холодную влажную руку, Гласс увлекла ее на диван и сказала:

– Нас собирались отправить на Землю. Сто заключенных... – Гласс сделала глубокий вдох. – И я должна была стать одной из них.

– На Землю? – медленно повторила Соня, словно стараясь лучше понять смысл собственных слов. – О, боже мой.

– Но перед запуском произошла стычка. Канцлер... – Голова Гласс пошла кругом, когда девушка вспомнила инцидент на взлетной палубе. Она изо всех сил взмолилась, чтобы с Уэллсом все было в порядке, чтобы там, на Земле, он воссоединился с Кларк, а не страдал от одиночества. – Началась суматоха, и я смогла сбежать, – продолжала Гласс: в эту минуту подробности были неважны. – Я пришла просто сказать, что люблю тебя.

Глаза матери расширились.

– Так вот как подстрелили Канцлера! Ох, Гласс, – прошептала она, обнимая дочь.

В коридоре раздались звуки шагов, и Гласс вздрогнула, опасливо посмотрев на дверь. Потом она снова повернулась к маме.

– Я больше не могу тут оставаться, – сказала девушка, с трудом поднимаясь на ноги.

– Подожди! – Соня вскочила, схватила дочь за руку и усадила обратно на диван, вцепившись в ее запястья. – Канцлер в реанимации, а это значит, что главный сейчас Вице-канцлер Родос. Так что пока не уходи, – Она помолчала. – У него совсем другой подход к... правлению. Есть шанс, что он тебя помилует. Его можно убедить, – Соня встала и подарила дочери улыбку, которая мало чего добавила к блеску ее глаз. – Подожди меня тут.

– Тебе надо уйти? – тоненьким голоском спросила Гласс. У нее не было сил прощаться. Только не сейчас, когда каждое расставание могло стать последним.

Мать нагнулась и поцеловала Гласс в лоб.

– Я ненадолго.

Девушка посмотрела, как Соня, спешно накрасив губы, выскользнула в еще пустой коридор, а потом подтянула колени к груди и крепко-крепко обхватила их руками, словно стараясь не дать распирающим ее чувствам выплеснуться наружу.

Гласс точно не знала, сколько времени она спала. Когда она лежала, свернувшись калачиком, на диванных подушках, которые еще помнили форму ее тела, ей казалось возможным, что последние полгода были просто кошмарным сном. Не могла же она, в самом деле, прове-

сти их в заключении, в камере, в которой не было ничего, кроме двух металлических коек, молчания, буйной сокамерницы с Аркадии и призрачных рыданий, которые оставались с ней даже тогда, когда все слезы давным-давно высохли.

Открыв глаза, она увидела, что мать сидит рядом на диване, поглаживая ее спутанные волосы.

– Я обо всем позаботилась, – мягко сказала она. – Ты помилована.

Гласс вскинула ресницы.

– Как? – спросила она. Удивление прогнало образ Люка, который все еще маячил под ее опущенными веками первые мгновения после пробуждения. – Почему?

– Народ все больше тревожится, – объяснила мама. – За весь прошлый год никто из осужденных подростков не был помилован, и это заставляет людей сомневаться в эффективности системы правосудия. Ты станешь исключением, подтверждением того, что система по-прежнему работает как положено и что тем, кто может быть полезен людям, дается шанс вернуться в общество. Конечно, пришлось постараться, но в конце концов мне удалось убедить Вице-канцлера принять мою точку зрения.

– Мам... я не могу... я... спасибо, – не зная, что еще сказать, Гласс улыбнулась, приподнялась на диване и положила голову матери на плечо. Неужели она свободна? Она почти не могла понять смысл этого слова.

– Не надо благодарить меня, солнышко. Я на все для тебя готова. – Соня заправила за ухо Гласс прядку выбившихся волос и улыбнулась. – Просто помни, что ты никому не должна рассказывать об экспедиции на Землю. Я пообещала это.

– Да, но что с ребятами? С Уэллсом все в порядке? Ты можешь про него узнать?

Соня тряхнула головой:

– Запомни, никакой миссии не было. Важно лишь то, что ты теперь в безопасности. Тебе дается второй шанс, – тихонько прошептала мать, – пообещай мне, что ты не будешь делать глупостей.

– Обещаю, – сказала Гласс, в сомнениях качая головой. – Я обещаю.

Глава 9. Кларк

Кларк выскользнула из отведенной под лазарет палатки и вышла на поляну. В палатке не было такой роскоши, как окна, но она все равно почувствовала, что занимается рассвет. Небо вдруг наполнилось цветом, а острый аромат воздуха разбередил в ее мозгу какие-то нервные окончания, о существовании которых она раньше даже не подозревала. Ей хотелось бы поделиться впечатлениями с теми двумя людьми, которые когда-то разбудили в ней страстное желание увидеть Землю, но Кларк знала – такого шанса у нее никогда не будет. Ее родители мертвы.

– Доброе утро.

Кларк одеревенела. Почти невероятно, что когда-то голос Уэллса был самым ее любимым звуком во Вселенной. Это Уэллс стал причиной смерти ее родителей, это из-за него их тела дрейфуют в глубинах космоса, все дальше и дальше удаляясь от всего, что они знали и любили при жизни. В момент слабости Кларк доверила Уэллсу тайну, которая ей не принадлежала. И хотя Уэллс поклялся собственной душой сохранить эту тайну, не прошло и суток, как он примчался к своему отцу. Он так отчаянно старался быть идеальным сыном своего отца и сообщества Феникса, что предал девушку, которую якобы любил.

Кларк обернулась и посмотрела ему в лицо. Ничто не удерживало девушку от враждебного выпада, но ей хотелось любой ценой избежать столкновений. Она попыталась, широко шагая, пройти мимо Уэллса, тот схватил ее за руку:

– Подожди секунду, я просто хотел...

Кларк вырвалась и прошипела:

– Не трогай меня.

Уэллс отступил, его глаза расширились.

– Извини, – сказал он ровно, но Кларк увидела боль на его лице.

Она всегда могла сказать, что именно чувствует Уэллс. Он был ужасным лжецом, но обещание сохранить ее тайну в свое время дал совершенно искренне. Просто потом что-то заставило его передумать, и родители Кларк заплатили за это высокую цену.

Уэллс не двигался с места.

– Я просто хотел убедиться, что с тобой все нормально, – тихо сказал он. – Сегодня мы собираемся закончить разбирать обломки. Твоим пациентам что-то нужно?

– Да. Стерильная операционная, капельницы, медицинский сканер, *настоящие* врачи...

– Ты делаешь гигантскую работу.

– Я делала бы ее гораздо лучше, если бы провела предыдущие полгода на практике в больнице, а не в Тюрьме.

На этот раз Уэллс успел подготовиться к атаке, и его лицо осталось бесстрастным.

Небо становилось все ярче, заливая поляну почти золотым светом, благодаря которому все предметы вокруг выглядели так, будто кто-то всю ночь наводил на них глянец. Трава в блестящих капельках воды казалась еще зеленее. На кустарнике, который еще вчера выглядел совершенно заурядно, распустились пурпурные цветы. Их длинные, заостренные на концах лепестки тянулись к солнцу, волнуясь на ветру, словно танцующая под им одним слышимую музыку.

Казалось, Уэллс прочел ее мысли.

– Если бы тебя не арестовали, ты никогда не оказалась бы здесь, – быстро сказал он.

Кларк вскинула голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

– Я что, по-твоему, должна тебя благодарить за то, что ты сделал? Я видела, как ребята *умирали*. Ребята, которые никогда не хотели прилететь сюда, но им пришлось, потому что всякие засранцы вроде тебя отправили их на разведку, чтобы почувствовать собственную важность.

– Я совсем не это имел в виду. – Уэллс вздохнул и посмотрел ей прямо в глаза. – Мне очень жаль, Кларк. Я даже сказать тебе не могу, как мне жаль. Но это все не для того, чтоб *почувствовать важность*. – Он двинулся было к ней, но потом одумался и счел за лучшее вернуться в исходную позицию. – Ты мучилась, а я хотел помочь. Я не мог выносить твоих страданий. Я просто хотел, чтобы твоя боль ушла.

От нежности в его голосе у Кларк внутри все перевернулось.

– Моих родителей убили, – сказала она тихо, в который раз представляя себе эту сцену. Мать, застывшая от укола иглы, ее тело постепенно парализует, пока не настанет последний ужасный момент, когда живым остается только ее мозг. Предложили ли ей, по обычаю, последнюю трапезу? У Кларк останавливалось дыхание, когда она представляла себе безжизненное тело отца в похоронной капсуле, его пальцы, покрасневшие от сока съеденных в одиночестве ягод. – Такая боль никогда не пройдет.

Мгновение они просто смотрели друг на друга, и их молчание, казалось, почти обрело форму и вес. Но вдруг Уэллс отвел глаза и повернул голову к деревьям у них за спиной. Где-то в листве слабо звучала музыка.

– Ты это слышишь? – шепотом спросил Уэллс, не глядя на нее.

Песня была одновременно навязчивая и радостная, как первые несколько нот элегии по угасшей звезде. Но как только Кларк почувствовала, что ее сердце вот-вот разорвется от этого сладко-горького очарования, мелодия воспарила, возвещая наступление дня.

Птицы. Самые настоящие птицы. Кларк не могла их видеть, но знала, что это они. Интересно, слышали ли птиц первые колонисты, садясь в свои корабли, чтобы улететь с планеты? Провожали ли птицы их своими трелями? Или эти создания уже присоединили свои голоса к реквиему по умирающей Земле?

– Это невероятно, – сказал Уэллс, улыбаясь Кларк той самой улыбкой, которую она знала с давних пор.

Кларк вздрогнула. Это было все равно что увидеть призрака – призрака парня, которому она отдала свое сердце. Да, она оказалась достаточно глупа, чтобы так поступить.

Кларк не могла сдержать улыбку, глядя, как Уэллс мнетя перед ее входной дверью. Его всегда нервировали поцелуи на людях, а с тех пор, как он стал посещать курсы офицеров, это его свойство только усилилось. Уэллсу было ужасно неловко нежничать со своей девушкой, когда на нем форма. Какое невезение, думала Кларк, ведь именно в такие моменты ей сильнее, чем обычно, хотелось его поцеловать.

– Завтра увидимся. – Она прижала к сканеру подушечку большого пальца.

– Подожди, – сказал Уэллс и быстро оглянулся через плечо, прежде чем взять ее за руку. Кларк вздохнула.

– Уэллс, – начала она, пытаясь высвободиться, – мне надо идти.

Усмехнувшись, он сжал ее еще крепче.

– Твои родители дома?

– Да. – Она кивнула в сторону двери. – Я опаздываю к обеду.

Уэллс выжидающе смотрел на нее. Он предпочел бы отобедать с ее семьей, вместо того чтобы в молчании сидеть за столом в обществе своего отца, но Кларк не могла пригласить его. Не сегодня.

Уэллс склонил голову набок.

– На этот раз я не буду морщиться, что бы твой отец ни добавил в протеиновую пасту. Я потренировался. – На его лице появилась утрированно лучезарная улыбка, и он принялся с энтузиазмом кивать головой: – Мм, как вкусно!

Кларк горестно поджала губы, а затем решительно ответила:

– У меня личный разговор к родителям.

Лицо Уэллса стало серьезным.

– Что случилось? – Он выпустил руку Кларк и дотронулся до ее щеки. – Все нормально?

– Все в порядке.

Она увернулась от него и опустила глаза, которые могли выдать ее ложь. Кларк должна была сказать родителям, что думает об их экспериментах, и она больше не могла откладывать этот разговор.

– Ну тогда ладно, – медленно сказал Уэллс, – завтра увидимся?

К удивлению Кларк, вместо обычного поцелуя в щечку Уэллс обвил ее руками и притянул к себе. Когда он коснулся губами ее губ, она на миг забыла обо всем на свете, кроме его тела. Но, закрывая за собой входную дверь, Кларк ощутила, как трепет от прикосновений Уэллса сменился холодком страха.

Родители сидели на диване и одновременно обернулись к вошедшей дочери.

– Кларк, – улыбаясь, мать поднялась ей навстречу, – Уэллс тебя провожал? Может быть, он хотел бы с нами пообщаться...

– Нет, – ответила Кларк резче, чем хотела, – ты не могла бы присесть? Мне нужно с вами поговорить.

Она прошла через всю комнату и, дрожа, уселась на стул лицом к родителям. В ней боролись два противоположных чувства: испепеляющая ярость и отчаянная надежда. Кларк нуждалась в том, чтобы родители во всем ей признались – это послужило бы оправданием ее гневу, – но при этом отчаянно молилась, чтобы у них нашлось хоть какое-нибудь убедительное объяснение.

– Я подобрала пароль, – честно объявила Кларк. – Я была в лаборатории.

Глаза ее матери широко раскрылись. Она осела обратно на диван, потом глубоко вздохнула, и на миг Кларк показалось, что сейчас мама попытается все объяснить, что у нее найдутся слова, которые все исправят. Но она прошептала слова, от которых Кларк содрогнулась:

– Я сожалею.

Отец взял свою жену за руку, не сводя глаз с дочери.

– И я сожалею, что тебе пришлось это увидеть, – тихо сказал он. – Я знаю, это выглядит... шокирующе. Но им не больно. Мы проверяли и уверены в этом.

– Как вы могли? – Собственные слова показались ей неубедительными, чересчур легковесными, но Кларк не могла придумать, что еще сказать. – Вы экспериментируете на людях. На *детях*.

Ее замутило от собственных слов, и она почувствовала в горле привкус желчи.

Мать прикрыла глаза.

– У нас не было выбора, – мягко сказала она. – Мы многие годы разными способами исследовали радиацию, и ты это знаешь. Когда мы доложили Вице-канцлеру о невозможности собрать убедительный фактический материал без экспериментов над людьми, мы думали, что он сочтет наше исследование тупиковым. Но вместо этого мы... – Ее голос надломился. Она не закончила предложения, но Кларк и не нуждалась в этом. – У нас не было выбора, – безнадежно повторила она.

– Выбор есть всегда, – дрожа, сказала Кларк. – Вы могли отказаться. Я скорее дала бы *убить* себя, чем согласилась бы на такое.

– Но он не грозил убить нас, – голос отца звучал раздражающе тихо.

– Тогда какого черта вы за это взялись? – резко спросила Кларк.

– Он грозил убить *тебя*.

Птичье пение стихло, и на смену ему пришла насыщенная тишина, словно музыка пропитала собой безмолвие, наполняя воздух мелодией.

– Вот это да, – тихонько произнес Уэллс. – Это было потрясающе.

Его лицо все еще было обращено к деревьям, но рука тянулась в сторону Кларк, словно он пытался дотронуться сквозь время до девушки, которая любила его когда-то.

Чары были разрушены. Кларк будто окаменела и без единого слова направилась обратно к лазарету.

В палатке было темно, и Кларк, споткнувшись у входа, чуть не упала. Ее занимали мысли, что вон тому парню нужно сменить повязку на ногу, а вон той девушке с раной на бедре лучше бы наложить швы. Она наконец-то нашла контейнер с настоящими бинтами и хирургической нитью, но от него не будет большой пользы, если не удастся обнаружить аптечку. Под обломками челнока ее не оказалось. Скорее всего, аптечку во время крушения отбросило куда-то далеко.

Талия лежала на одной из коек. Она все еще спала и, кажется, держалась нормально. С тех пор как Кларк нашла подругу истекающей кровью с ужасной раной в боку, она уже трижды сделала той перевязку.

От воспоминания о том, как Кларк зашивала рану, ее желудок взбунтовался. Она надеялась, что Талия ничего не вспомнит об этой процедуре. Ее подруга тогда потеряла сознание от боли и до сих пор то приходила в себя, то снова проваливалась в беспамятство. Кларк опустилась на колени перед ее кроватью, убрала со лба Талии завиток влажных волос и, когда глаза той раскрылись, прошептала:

– Привет. Как ты себя чувствуешь?

Раненая слабо улыбнулась. Казалось, для этого действия ей пришлось собрать все силы, которые еще оставались в ее теле.

– Просто прекрасно, – сказала она, но тут же поморщилась, а в ее глазах заплескалась боль.

– Раньше ты врала гораздо лучше.

– Я никогда не врала. – Ее голос был хриплым, но все еще полнился фальшивым негодованием. – Я просто сказала тому охраннику, что у меня больная шея, и мне нужна еще одна подушка.

– А потом убедила его, что виски с черного рынка поможет тебе перестать пить во сне, – с улыбкой добавила Кларк.

– Ага. Так жаль, что Лиза не захотела больше играть в наши игры.

– И что ты не можешь не фальшивить даже ради спасения собственной жизни.

– Это было очень здорово! – запротестовала Талия. – Ночной сторож был на все готов, лишь бы я заткнулась.

Кларк с улыбкой покачала головой:

– И после этого ты говоришь, что девушки с Феникса чокнутые. – Она указала жестом на тонкое одеяло, которым была укрыта Талия. – Можно?

Талия кивнула. Кларк откинула одеяло и сняла бинты, стараясь удержать на лице нейтральное выражение. Кожа вокруг раны покраснела и припухла, а сама рана загноилась. Кларк знала, что сама по себе рана была наименьшей из их проблем. Она выглядела очень неприятно, но в медицинском центре они лечили подобные на «раз-два-три». Настоящую угрозу таила в себе инфекция.

– Все так плохо? – тихо спросила Талия.

– Нет, все отлично. – В устах Кларк ложь прозвучала привычно и естественно, но глаза, помимо воли, скользнули к соседней койке, где провел последние часы умерший накануне парень.

– Ты в этом не виновата, – тихо сказала Талия.

– Я знаю, – вздохнула Кларк. – Мне просто жаль, что он умер в одиночестве.

– Он был не один. С ним был Уэллс.

– Как? – недоуменно спросила Кларк.

– Уэллс несколько раз приходил его проводить. Думаю, в первый раз Уэллс пришел поискать тебя, но увидел, как страдает этот парень...

– Точно? – Кларк сомневалась, можно ли верить словам Талии. В конце концов, та большую часть времени была без сознания, и ей просто могло померещиться.

– Точно, он, – раздался другой голос. Кларк обернулась и увидела Октавию. Та сидела с игривой улыбкой на лице. – Не каждый день сам Уэллс Яха приходит посидеть у твоей постельки.

Кларк посмотрела на нее с недоверием:

– А ты-то откуда знаешь Уэллса?

– Они с отцом несколько лет назад навещали детский центр, где я жила. Девчонки потом неделями об этом терли. Он же типа суперзвезды.

Кларк мимоходом улыбнулась уолденскому сленгу Октавии, а та продолжала:

– Я спросила, помнит ли он меня, и он сказал, что помнит. Но он слишком большой джентльмен, чтобы сказать, что нет. – Октавия театрально вздохнула и поднесла ко лбу тыльную сторону ладони. – Увы. Единственный, кого я могла бы полюбить.

– Эй, а я как же? – Парнишка, которого Кларк считала спящим, ожег Октавию страстным взглядом, и та послала ему воздушный поцелуй.

Кларк только покачала головой и снова повернулась к Талии, переводя взгляд с лица подруги на ее инфицированную рану и обратно.

– Не очень хороший знак, да? – тихо спросила Талия, и в ее осипшем голосе зазвучали нотки усталости.

– Могло быть и хуже.

– Ты что-то тоже совсем разучилась врать. Что происходит? – Талия подняла брови. – Это ты от любви, что ли, смягчаешь?

Кларк, мигом напрягшись, отдернула руку от одеяла Талии.

– Это ты от раны, что ли, бредишь? – Бросив взгляд через плечо, она с облегчением отметила, что Октавия с головой ушла в разговор с парнем с Аркадии. – Ты же *знаешь*, что он сделал со мной. – Ощувив внезапный приступ тошноты, она некоторое время помолчала и добавила: – И что он сделал с моими родителями.

– Конечно, я знаю. – Талия смотрела на Кларк со смесью жалости и разочарования. – Но еще я знаю, что он рискнул лететь сюда. – Она улыбнулась. – Он любит тебя, Кларк. Той самой любовью, которую большинство людей ищут всю жизнь.

Кларк вздохнула:

– Ну для твоего же блага надеюсь, что ты ее никогда не найдешь.

Глава 10. Беллами

От того, как менялось все вокруг в течение дня, можно было просто сойти с ума. По утрам все казалось свежим, новым, даже в воздухе ощущалась какая-то острота. Наступал день, и свет растушевывался, а цвета смягчались. Что Беллами особенно нравилось на Земле, так это непредсказуемость. Земля, словно кокетливая девчонка, держала в напряжении, заставляя строить догадки. Его всегда привлекали именно такие.

С другого края поляны донесся смех. Беллами оглянулся и увидел двух девушек. Они сидели на одной из нижних ветвей дерева и хихикали над пареньком, который пытался к ним залезть. Девушки шлепали его по всем доступным частям тела и смеялись. Неподалеку горстка ребят с Уолдена перекидывались туфлями аркадийской девушки; владелица туфель, смеясь, босиком носилась между парнями по траве, пытаясь вернуть свою собственность. Жаль, что Октавия еще не совсем поправилась и не может присоединиться к ним, ведь в ее жизни было так мало радости, кольнула Беллами мимолетная мысль. Хотя, может быть, и лучше, что она не успеет ни к кому тут по-настоящему привязаться. Как только ее лодыжка окончательно заживет, они с Беллами уйдут на поиски лучшей доли.

Беллами разорвал мятую упаковку пищевого брикета и отправил в рот половину ее содержимого, а вторую половину, бережно завернув, сунул обратно в карман. После того как ребята разобрали все, что сохранилось под обломками, обнаружилось, что тревожились они не зря: у них был только тот запас провианта, который они на шли в первый же день после приземления: этих пищевых брикетов хватит лишь на несколько недель. Либо Совет считал, что сотня путешественников найдет чем прокормиться на месте, когда эти недели закончатся... либо не предполагал, что юные арестанты смогут прожить так долго.

Грэхем на правах сильнейшего конфисковал у народа большую часть добытых на корабле брикетов и вроде бы сдал их аркадийцу по имени Ашер для распределения, но в их маленьком сообществе уже зародился черный рынок: пищевые брикеты выменивались на одеяла, а питьевая вода – на места в переполненных палатках. Уэллс потратил целый день, пытаясь убедить всех ввести более упорядоченную систему. Ему удалось заинтересовать многих, но, несмотря на это, Грэхем даже и не подумал прекратить свою деятельность.

Смех на более короткой части буквы «Г» сменился криками, и Беллами снова повернулся в ту сторону.

– Дай сюда! – крикнул один из уолденцев, вырывая что-то у другого.

Беллами поспешил на крик, потому что понял, – это топор. Первый парень держал его обеими руками за топориче и тянул на себя, а второй норовил ухватиться за лезвие.

Остальные ребята сбежались к сцепившимся, но вместо того, чтоб разнимать их, метались между деревьев, хватая с земли разбросанное холодное оружие: топоры, ножи, даже копья. Беллами улыбнулся, наткнувшись взглядом на лук со стрелами.

Только сегодня утром он обнаружил звериные следы – уводящие в глубь леса треклятые настоящие следы. Его находка вызвала серьезный ажиотаж, собрав как минимум три дюжины умников, которые высказывали всякие полезные мысли вроде «Наверно, это не птица» или «Выглядит так, будто у него четыре ноги». Наконец Беллами заметил, что это следы копыт, а значит, оставившее их животное, скорее всего, травоядное. Следовательно, его можно поймать и съесть. Он с самого начала надеялся, что тут, на Земле, ему удастся поохотиться, и вот удача наконец улыбнулась – нашлось оружие. Он надеялся, что, прежде чем кончатся пищевые брикеты, они с Октавией успеют уйти далеко, но собирался использовать все шансы.

– Замрите все! – прозвучало вдруг над всей этой суетой.

Беллами увидел, как у границы леса появился Уэллс.

– Нельзя, чтобы сейчас кто попало взял себе оружие. Вначале нужно рассортировать эти штуки, а *потом* уже решать, кому их можно доверить.

Ответом был шквал возмущенных возгласов и вызывающих взглядов.

– Вот этот парень взял в заложники Канцлера, – продолжал Уэллс, указывая на Беллами, который уже забросил за плечо колчан с луком и стрелами, – кто знает, на что еще он способен? Вы что, хотите, чтоб кто-то вроде *него* расхаживал тут с оружием? – Уэллс задрал подбородок. – Мы должны, по крайней мере, поставить этот вопрос на голосование.

Беллами не смог сдержать смех. Что, в конце концов, вообразил о себе этот пацанчик? Он потянулся, подобрал с земли нож и двинулся в сторону Уэллса.

Уэллс не двинулся с места, и Беллами желал бы знать, чего ему это стоило. А может быть, Уэллс не был таким слабаком, каким выглядел? Только когда нож, казалось, должен был уже вонзиться в грудь Уэллса, Беллами, перевернув оружие рукояткой вперед, сунул его в ладонь сына Канцлера.

– Последняя новость, красавчик, – подмигнул Беллами. – Мы тут все – преступники.

Прежде чем Уэллс успел что-нибудь сказать в ответ, к ним вразвалочку подошел Грэхем. Он поглядел на Уэллса, потом перевел взгляд на Беллами, и на его лице появилась кривая улыбка.

– Я согласен с достопочтенным мини-Канцлером, – сказал Грэхем. – Оружие надо спрятать под замок.

Беллами отступил на шаг.

– Что-что? Может, еще тебя ответственным назначить? – Он провел пальцем по луку. – Без вариантов. Я готов охотиться.

Грэхем гнусно рассмеялся.

– Интересно, на кого это ты собрался охотиться? На девчонок с Уолдена с низкими стандартами и еще более низкой самооценкой?

Беллами напрягся, но промолчал. Он понимал, что вестись на провокации Грэхема – только зря время терять, но его пальцы невольно сжались в кулаки.

– А может, тебе и не надо за ними гоняться? – продолжал меж тем Грэхем. – В смысле, может, тебя прекрасно обслуживает твоя сестричка?

Кулак Беллами с тошнотворным хрустом врезался в челюсть Грэхема. Тот отлетел на несколько шагов, слишком ошеломленный, чтобы поставить блок, пропустил еще один удар, но потом выпрямился и отвесил Беллами мощный, точный удар в подбородок. Беллами с рычанием бросился на противника, навалился на него всей массой и повалил на спину. Грэхем с глухим стуком упал на траву. Беллами уже собирался нанести следующий удар, но Грэхем откатился в сторону и ударом ноги повалил его на землю.

Беллами наносил удар за ударом, метался, стараясь сесть и достать противника, но было уже слишком поздно. Грэхем прижал его к земле и поднес к его лицу какой-то блеснувший на солнце предмет. Нож.

– *Хватит!* – выкрикнул Уэллс. Он схватил Грэхема за шкуру и отшвырнул от Беллами, который, задыхаясь, перекатился на бок.

– Какого черта? – заорал Грэхем, с трудом поднимаясь на ноги.

Беллами, поморщившись, поднялся на колени, потом медленно встал и пошел подобрать свой лук. Походя он бросил быстрый взгляд на Грэхема, но был так поглощен тем, что свирепо смотрел на Уэллса, что ничего не заметил.

– То, что Канцлер когда-то подтыкал тебе одеяльце на ночь, еще не делает тебя тут главным, – плюнул Грэм. – Мне пофиг, что там сказал тебе папочка перед тем, как мы улетели.

– Я не имею ни малейшего желания быть главным, я просто пытаюсь сделать так, чтобы мы тут не погибли.

Грэхем обменялся взглядом с Ашером.

– Если это твоя единственная забота, я предлагаю тебе на ней и сосредоточиться, – Он нагнулся и подобрал нож. – Нам же не нужны тут несчастные случаи?

– Мы не будем решать вопросы таким способом, – стоял на своем Уэллс.

– Неужели? – поднял брови Грэхем. – И что заставляет тебя думать, что ты прав?

– Я не идиот. Но если тебе не терпится стать тем отмороженным, который впервые за много веков кого-то тут прикончит, ради бога.

Беллами пересек поляну, добрался до того места, где видел следы, и выдохнул. Он совершенно не желал участвовать в дурацких словесных перепалках. Только не сейчас, когда поблизости бродит еда, которую можно найти и подстрелить. Он забросил лук за плечо и углубился в лес.

Еще в нежном возрасте Беллами усвоил одну истину: если хочешь, чтоб что-то было сделано, сделай это сам.

Когда к ним впервые пришли с проверкой, Беллами было восемь лет.

Матери не было дома, но она научила его, что делать. Охранники редко инспектировали их блок. Многие из них выросли поблизости, и новобранцам нравилось красоваться перед соседями в униформе и изводить бывших противников: проверяя жилье своих соседей, они были не прочь перегнуть палку. Но старший в этом патруле офицер явно был не из местных. На это указывал не только его высокомерный выговор, но и то, как он со смесью удивления и отвращения озирает их крохотную квартиру. Он словно не мог поверить, что люди могут существовать в таких условиях.

Он вошел без стука, когда Беллами мыл оставшуюся после завтрака посуду. Воду давали всего на несколько часов в день, и мать обычно работала в это время на соляных плантациях. Беллами был так потрясен этим визитом, что выронил уже отмытую чашку и в ужасе смотрел, как она поскакала по полу и закатилась под шкаф.

Патрульный офицер поводил туда-сюда глазами, видимо считывая информацию с транслатора на сетчатке глаза.

– Беллами Блэйк? – спросил он со странным произношением (на Фениксе все говорили словно целиком затолкав в рот пищевой брикет). Беллами медленно кивнул. – Твоя мать дома?

– Нет, – сказал мальчик так твердо, как только смог. Он специально тренировался, чтоб его голос звучал уверенно.

В дверь вошел еще один охранник, дождался кивка офицера и начал скучным протокольным тоном опрашивать Беллами. Стало ясно, что сегодня он уже задал эти вопросы минимум дюжину раз.

– Имеется ли в вашей квартире запас продуктов питания, превышающий по стоимости три дневных пищевых рациона? – бубнил он, а Беллами отрицательно качал головой. – Есть ли у вас источники энергии, помимо...

Сердце Беллами билось так громко, что, кажется, заглушало голос охранника. Мама миллион раз натаскивала его, проигрывая всевозможные варианты подобного вопроса, но он даже не догадывался, каково это, когда глаза офицера обшаривают взглядом все вокруг. Вот этот взгляд остановился на закатившейся под шкаф чашке, и Беллами подумал, что его сердце вот-вот разорвется.

– Ты собираешься отвечать на вопрос?

Беллами вскинул глаза и увидел, что оба охранника смотрят на него в упор. Офицер нетерпеливо хмурился, а второй охранник просто откровенно скучал.

Беллами начал было извиняться, но его «простите» прозвучало как хрип.

– Проживает ли постоянно на вашей территории кто-то, помимо двух зарегистрированных жильцов?

Беллами набрал полную грудь воздуха и выдавил из себя:

– Нет. – Он наконец-то вспомнил изобразить на лице утомленно-раздраженную гримасу, которую они с мамой не раз тренировали перед зеркалом.

Офицер поднял одну бровь.

– Тогда прошу прощения, что мы отняли твое время, – сказал он с наигранной сердечностью и, окинув напоследок взглядом квартиру, следом за вторым охранником вышел вон.

Беллами опустился на колени, слишком напуганный, чтобы ответить себе на засевший в голове вопрос: что произошло бы, если бы они заглянули в шкаф?

Глава 11. Гласс

Плетясь следом за Корой и Хаксли в Обменник, Гласс жалела, что мама не выждала несколько дней, прежде чем растрюбить о ее помиловании. Сначала, встретившись с подружками, Гласс была в восторге, и они все втроем дружно лили сегодня утром слезы радости. Но сейчас, глядя, как Кора и Хаксли обмениваются понимающими улыбками с каким-то незнакомым ей парнем, Гласс чувствовала себя более одиноко, чем в тюремной камере.

– Спорим, у тебя куча накопленных баллов? – обнимая Гласс за талию, сказала Хаксли. – Мне завидно.

– У меня есть только то, что мама перевела мне утром, – со слабой улыбкой отозвалась Гласс. – Остальное аннулировали после моего ареста.

Хаксли театрально вздрогнула:

– Я до сих пор не могу в это поверить. – Она понизила голос: – Ты никогда не рассказывала, за что тебя арестовали.

– Ей не хочется об этом говорить, – сказала Кора, нервно оглянувшись через плечо.

«Нет, это тебе не хочется об этом думать», – мысленно сказала Гласс, когда они свернули в коридор, ведущий к главной палубе В. Это был широкий длинный проход, одна стена которого сплошь состояла из панорамных окон, а вдоль другой стояли скамейки, перемежающиеся искусственными растениями. Стоял полдень, и на большинстве скамеек расположились ровесницы матери Гласс. Они беседовали и попивали чай из корней подсолнуха. Формально за чай полагалось расплачиваться рационными баллами, но Гласс не могла припомнить, когда ей в последний раз доводилось прикладывать большой палец к сканеру. Бесплатный чай был одной из тех многих маленьких привилегий населения Феникса, о которых она ни разу не задумывалась до знакомства с Люком.

Пока девушки шагали по коридору, Гласс чувствовала, что все взгляды направлены на нее. Интересно, их больше шокирует то, что она была в Тюрем, или то, что ее помиловали, подумала Гласс, и от этой мысли ей стало нехорошо. Девушка вздернула голову и постаралась выглядеть уверенней. Гласс должна была являть собой живой пример правосудия Колонии, поэтому ей придется сохранять лицо, словно от этого зависит ее жизнь. На этот раз именно так и было.

– Как ты думаешь, может, у Кларк тоже есть надежда на помилование? – спросила Хаксли, а Кора бросила на нее короткий встревоженный взгляд. – Вы же там, в Тюрем, вместе были?

– Боже, Хаксли, сколько можно? – сказала Кора, участливо коснувшись руки Гласс. – Извини, – произнесла она, – просто дело в том, что Кларк забрали вскоре после тебя. Никто поверить не мог, что за месяц арестовали сразу двух девушек с Феникса. А теперь, когда ты вернулась, пошли слухи...

– Все нормально, – сказала Гласс, выдавливая улыбку, означавшую, что она согласна обсуждать эту тему, – но Кларк очень быстро перевели в одиночную камеру, поэтому я ее почти не видела. Так что я не знаю, помилуют ее или нет, – солгала она, памятуя приказ матери молчать об экспедиции на Землю. – И я точно не знаю, когда ей восемнадцать. Меня-то помиловали, потому что мой день рождения уже совсем скоро.

– Ой, да, твой день рождения! – захлопав в ладоши, взвизгнула Хаксли. – Я же забыла, что он уже вот-вот. Мы должны непременно что-нибудь найти для тебя в Обменнике.

Кора кивнула, довольная, что беседа наконец-то свернула в приемлемое русло. Тем временем девушки добрались до цели.

Обменник Феникса располагался в большом холле в самом конце палубы В. Кроме панорамных окон, помещение украшала огромная люстра, предположительно вывезенная из здания парижской Оперы за несколько часов до того, как на Западную Европу упали первые

бомбы. Хотя Гласс каждый раз грустила о людях, которые во время эвакуации могли бы занять место люстры, она не могла отрицать: от взгляда на это сокровище захватывает дух. Свет люстры, отражаясь от хрустальных подвесок, танцевал на потолке и окнах, и это было похоже на небольшие скопления звезд, на миниатюрные галактики, вращающиеся и мерцающие над головой. Хаксли выпустила руку Гласс и рванулась к стенду с лентами, не обращая внимания на кучку девушек, умолкших при их появлении. Гласс вспыхнула и поспешила за Корой, чей взгляд был устремлен на киоск с тканями у дальней стены.

Пока подруга рылась в тканях, Гласс с неловким чувством стояла рядом. Под взглядом натянуто улыбавшейся уолденки за прилавком Кора моментально превратила аккуратные штабеля материи в беспорядочный ворох тряпья.

– Только посмотри на это дерьмо, – тихо пробормотала она, отбрасывая в сторону кусок грубого холста и несколько отрезков флисовой ткани.

– Что ты выискиваешь? – спросила Гласс, проведя пальцем по малюсенькому клочку бледно-розового шелка. Несмотря на следы ржавчины и потеки воды по краям, он все равно был невозможно прекрасен, но не стоило даже мечтать о платье, да чего уж там – о сумочке из такого материала: набрать достаточное количество нужных кусочков все равно ни за что не удастся.

– Я миллион лет собирала кусочки голубого сатина, и наконец-то их скопилось достаточно, чтобы сшить комбинашку, но теперь мне нужно подложить что-то под низ, чтобы не смотрелось совсем уж как лоскутное одеяло. – Кора сморщила нос, разглядывая большое полотно прозрачного винила. – Сколько это стоит?

– Шесть, – сказала женщина с Уолдена.

– Вы это не всерьез, – Кора стрельнула глазами в сторону Гласс, – это же занавеска для ванны.

– Зато земной работы.

Кора хмыкнула:

– И кто это подтвердит?

– А как насчет вот этого? – спросила Гласс, держа в руках кусок голубой сетчатой ткани. Он выглядел так, словно когда-то был частью упаковочного мешка, но кто сказал, что теперь его нельзя использовать для шитья одежды?

– О-о-о, – проворковала Кора, вырывая ткань из рук Гласс, – мне нравится. – Она приложила сеточку к себе, чтобы прикинуть длину, а потом улыбнулась Гласс. – Классно, что пребывание в Тюреме не сказалось на твоём чутье на моду. – Гласс напряглась, но промолчала. – Ну а ты что собираешься надеть?

– Куда?

– На Праздник наблюдения, – сказала Кора, выговаривая эти слова так, словно она беседовала с несмышленным ребенком, – за кометой.

– Извини, – пожала плечами Гласс. Видимо, шесть месяцев в Тюреме не могли служить оправданием тому, что она не в курсе актуальных тенденций общественной жизни на Фениксе.

– Мама не рассказала тебе, когда ты вернулась? – продолжала Кора, оборачивая сетку вокруг талии, словно юбочку. – Прямо мимо нашего корабля пролетит комета. За всю историю существования Колонии ни одна комета еще никогда не проходила так близко.

– И будет вечеринка?

Кора покивала:

– На смотровой площадке. В виде исключения там разрешили еду, напитки, музыку... вообще все. Я пойду с Викрамом. – Кора разулыбалась, но потом ее лицо вытянулось: – Я уверена, он не станет возражать, если ты к нам присоединишься. Он знает, что у тебя есть... ну... смягчающие обстоятельства, – наградив Гласс понимающей улыбкой, она повернулась к женщине с Уолдена: – Сколько просите за это?

– Девять.

В голове у Гласс внезапно загудело. Она пробормотала Коре, которая все еще пыталась сторговаться, свои извинения и побрела к соседнему столику поглядеть ювелирные украшения. Ее пальцы рассеянно потянулись к голой шее. Раньше она всегда носила чип-кулон, устройство, которым некоторые девушки с Феникса заменяли наушники-вкладыши или трансляторы на сетчатке глаза. Чип, встроенный в ювелирное украшение, считался очень модным аксессуаром. Его могли позволить себе те, кому повезло унаследовать семейную драгоценность или разжиться чем-то в Обменнике.

Взгляд Гласс рассеянно блуждал по сияющим безделушкам, и вдруг ее внимание привлек блеск золота – овальный медальон на тонкой цепочке. Гласс вздохнула и замерла: шквал боли обрушился на нее, и каждая клеточка тела запульсировала смесью сожаления и горя. Девушка знала, что должна отвернуться и идти дальше, но ничего не могла с собой поделать. Она протянула дрожащую руку и взяла медальон. Контур украшения казались размытыми, потому что ее глаза наполнились слезами. Пальцы сами собой устремились к тыльной стороне медальона, но Гласс и так знала, что на ней будет изящная гравировка в форме буквы «Г».

– Ты уверена, что не пожалеешь? Ты точно хочешь отмечать свой день рождения на Уолдене? – спросил Люк.

Они сидели на диване, их головы почти соприкасались. На лице Люка было написано такое искреннее беспокойство, что она чуть не рассмеялась.

– Ну сколько еще тебе повторять одно и то же? – Гласс забросила на Люка обе ноги. – Я хочу праздновать на Уолдене и больше нигде.

– Но разве твоя мама не хочет устроить для тебя какую-нибудь пафосную вечеринку?

Гласс опустила голову ему на плечо.

– Хочет, наверное, но зачем оно мне, если там нет тебя?

– Я не хочу, чтоб ты поставила на своей жизни крест только потому, что я не могу быть ее частью, – Люк пробежал пальцами по руке Гласс и внезапно посерьезнел. – Ты не жалеешь, что мы остановили тебя той ночью?

Люка, поскольку он был жителем престижного механико-инженерного блока, обычно не привлекали к дежурствам на КПП, но однажды вечером это все-таки произошло. И именно в тот вечер Гласс припозднилась, возвращаясь домой после занятий с Уэллсом.

– Ты шутишь? – Она подняла голову и поцеловала его в щеку. Вкуса его кожи оказалось достаточно, чтобы ее тело вспыхнуло, как в огне. Губы Гласс заскользили в сторону, поднялись от его подбородка к уху. – Это было самое лучшее решение в моей жизни – нарушить в ту ночь комендантский час. – Он слегка вздрогнул от ее слов, и она улыбнулась.

На Фениксе комендантский час соблюдался не слишком строго, но в тот вечер ее остановили два охранника. Один из них попортил Гласс крови, вначале проверив сканером ее большой палец, а потом привязавшись с неприятными вопросами. Второй охранник в конце концов вступился за нее и настоял на том, чтобы проводить ее остаток пути.

– А лучшее решение в моей жизни – проводить тебя в ту ночь до дому, – пробормотал Люк. – Хотя мне все время хотелось поцеловать тебя, и это было пыткой.

– Ну тогда, наверно, нам лучше наверстать упущенное, – шепнула Гласс.

Ее губы, дразня, шевелились совсем близко от его губ. Их поцелуи становились все более страстными, Люк, положив руку на ее затылок, запустил пальцы ей в волосы. Гласс забралась к нему на колени, ощущая у себя на талии надежные руки, которые не давали ей упасть.

– Я люблю тебя, – прошептал Люк ей на ухо.

Не важно, сколько раз она слышала эти слова, они все равно неизменно вызывали в ней трепет. Гласс отстранилась, чтобы восстановить дыхание, сказала:

– Я тоже тебя люблю, – а потом снова поцеловала его. Ее рука переместилась на талию Люка, туда, где между брючным ремнем и задравшейся рубашкой образовалась полоска голой кожи.

– Нужно сделать паузу, – сказал Люк, нежно отводя ее руку в сторону. В последние несколько недель им все труднее становилось сдерживаться.

– Не хочу, – Гласс с лукавой улыбкой снова потянулась губами к его уху. – И потом, это же мой день рождения.

Люк рассмеялся, а потом, крикнув, поднялся на ноги, продолжая удерживать Гласс в объятиях.

– Поставь меня! – хихикнула Гласс, дрыгая в воздухе ногами. – Что ты делаешь?

Люк сделал несколько шагов к двери:

– Доставляю тебя в Обменник. Попробую махнуть не глядя на девушку, от которой не будет столько неприятностей.

– Эй, – Гласс изобразила негодование и затарабанила кулаками по его груди, – отпусти меня немедленно!

Он отвернулся от двери и спросил:

– Так ты будешь хорошо себя вести?

– Что? Так это я виновата в том, что ты слишком горяч, чтобы убрать от меня свои ручки?

– Гласс, – предостерегающе сказал он.

– Ладно, я обещаю.

– Хорошо, – Люк вернулся в глубь комнаты и мягко опустил ее на диван. – Потому что мне будет очень стыдно, если я не вручу тебе подарок.

– А что за подарок? – спросила Гласс, усаживаясь.

– Пояс верности, – очень серьезно ответил Люк, – для меня. Я его в Обменнике нашел. Стоит целое состояние, но ради того, чтобы предохранить...

Гласс ударила Люка в грудь, а он рассмеялся, обнял ее и с широкой улыбкой сказал:

– Прости. – Люк полез было в карман и приостановился. – Только я не упаковал, оно без бантика, и все такое...

– Ничего.

Он вытащил из кармана какой-то предмет и протянул его ей на раскрытой ладони. Блестящий золотой медальон.

– Люк, он прекрасен, – прошептала Гласс, потянувшись, чтобы взять подарок. Ее пальцы пробежали по изящным граням вещицы, и глаза девушки расширились: – Это же земная работа!

Люк кивнул.

– Судя по надписи, так и есть. – Он взял медальон из ее рук. – Можно я...

Теперь кивнула Гласс, и Люк шагнул ей за спину, чтобы застегнуть замочек. Она вздрогнула, ощутив руки любимого у себя на шее, когда он сдвигал ее волосы в сторону. Гласс могла только догадываться, сколько стоила подобная роскошь, – чтобы купить медальон, Люк, наверно, истратил все свои сбережения. Хоть он и служил охранником, излишков у него никогда не водилось.

– Мне нравится, – сказала Гласс, подняв лицо к любимому и касаясь пальцами цепочки.

Люк в ответ широко улыбнулся и со словами «Я очень рад» провел рукой по ее шее, перевернув медальон. На обратной стороне была выгравирована буква «Г».

– Это ты сделал? – спросила Гласс.

Люк кивнул.

– Я хочу, чтоб даже через тысячу лет люди знали, что он принадлежал тебе, – Он нажал на медальон пальцем, легонько вдавливая золото в ее кожу. – Теперь тебе осталось только наполнить его своими собственными воспоминаниями.

Гласс улыбнулась:

– Я знаю, с какого воспоминания мне хочется начать. – Она подняла взгляд, ожидая увидеть, что Люк дурашливо закатил глаза, однако лицо его было серьезным. Их взгляды встретились, и на бесконечно долгий миг в квартире воцарилась тишина, нарушаемая лишь биением их сердец.

– Ты уверена? – спросил Люк, слегка наморщив лоб и проводя пальцем по внутренней стороне ее предплечья.

– Больше чем когда-либо в моей жизни.

Люк взял Гласс за руку, и девушку словно пронзил электрический разряд. Их пальцы сплелись, и без единого слова Люк увлек ее в спальню.

«Конечно же, променял Люк его на что-то», – сказала себе Гласс. Глупо хранить такую ценную вещь, особенно после того, как она, Гласс, разбила его сердце. Но все равно от мысли об оказавшемся в Обменнике медальоне она почувствовала острый приступ горя, которое, казалось, вот-вот разорвет ее сердце пополам. К реальности девушку вернул чей-то буравящий затылок колючий взгляд. Она внутренне собралась, ожидая встретиться глазами с очередным полужнакомым человеком. Гласс обернулась, и оказалось, что она ошиблась.

Это был Люк.

Он смотрел на Гласс так долго, что она покраснела, а потом перевел взгляд на стол с украшениями. Вот он заметил медальон, и на его лице появилось непонятное выражение.

– Удивительно, что его до сих пор никто не приобрел, – сказал он негромко, – он ведь такой красивый. – Люк улыбнулся печальной мимолетной полуулыбкой. – Но, опять же, самое красивое в этом мире ранит сильнее всего.

– Люк, – начала было Гласс, – я... – Но она оборвала себя, заметив позади Люка знакомую фигуру.

Камилла стояла за прилавком с фрагментами бумажных книг и журналов, ее глаза впились в Гласс.

Бросив ей взгляд через плечо, Люк опять повернулся к Гласс:

– Камилла подменяет своего отца. Он приболел.

– Очень жаль, – отозвалась Гласс. Прежде чем она успела что-то добавить к сказанному, ее отвлек шум. Поблизости кто-то спорил на повышенных тонах.

Гласс повернулась и увидела Кору, которая орала на торговку с Уолдена:

– Если вы отказываетесь продать мне это за разумную цену, мне не остается ничего другого, кроме как заявить о мошенничестве!

Женщина побледнела. Гласс не услышала ее слов, но они явно пришлись Коре по душе. Она улыбнулась и протянула большой палец для сканирования.

Гласс скривилась, сконфуженная поведением подруги.

– Прости, – сказала она, – мне надо идти.

– Подожди, – попросил Люк, касаясь ее руки. – Я волновался о тебе. – Он понизил голос: – Что ты делаешь в таком месте? Разве это не опасно?

Тревога в его голосе живительным бальзамом пролилась на израненное сердечко Гласс, но не смогла полностью прогнать боль.

– Не опасно. Меня... помиловали, – сказала Гласс, изо всех сил стараясь, чтоб ее голос не дрожал.

– Помиловали? – Его глаза округлились. – Вот это да. Я даже не думал... Это просто невероятно. – Он помолчал, как будто не знал, что еще сказать. – Знаешь, ты же никогда не говорила мне, за что тебя арестовали.

Гласс опустила глаза, борясь с непреодолимым желанием рассказать Люку всю правду. «Он заслуживает того, чтобы быть счастливым, – твердо напомнила она себе. – И он больше не твой».

– Это не имеет значения, – в конце концов сказала она. – Я просто хочу, чтоб все это осталось в прошлом.

Люк смотрел прямо на нее, и на миг Гласс подумалось, что он видит ее насквозь.

– Ну, береги себя, – произнес он наконец.

Гласс кивнула:

– Хорошо.

Она знала, что поступает правильно. Ей только хотелось бы, чтоб это не причиняло столько боли.

Глава 12. Кларк

Кларк сидела в темной палатке лазарета и с тревогой наблюдала, как беспокойно мечется во сне терзаемая лихорадкой Талия.

– Как ты думаешь, что ей снится?

Обернувшись, Кларк увидела, что Октавия села на своей постели и смотрит на Талию большими испуганными глазами.

– Не знаю точно, – соврала Кларк, которая по выражению лица подруги поняла, что ту опять тревожит призрак отца.

Талию арестовали за попытку кражи медикаментов, после того как Совет принял решение прекратить лечение ее отца, сочтя это слишком дорогостоящим и бесполезным делом. Она так и не узнала, что с ним случилось. Может быть, он умер вскоре после ее ареста, а может, до сих пор цепляется за жизнь и молится прожить достаточно долго, чтобы однажды снова увидеть дочь.

Талия застонала и свернулась клубочком, точь-в-точь как Лилли в одну из своих плохих ночей. Кларк вспомнила, как тайком пробиралась в лабораторию, чтобы ее новая подруга не оставалась в одиночестве. Хотя никто не запрещал Кларк заботиться о Талии, она все равно чувствовала свою беспомощность и все безумие собственных попыток спасти подругу. Без медикаментов, которые пропали во время аварии, ничего нельзя было сделать. Облегчить страдания Талии могли только лекарства.

Кто-то откинул входной клапан палатки. В потоках света и прохладного, терпкого воздуха в лазарет протиснулся Беллами. Через плечо у него был перекинут лук, а глаза блестели.

– Добрый день, дамы, – сказал он с широкой улыбкой, подходя к кровати Октавии и наклонившись потрогать ее волосы, аккуратно стянутые красной лентой. Парень прошел так близко к Кларк, что она почувствовала легкий запах пота, исходящий от его кожи. И еще какой-то запах. Кларк не смогла бы его описать, но он напоминал ей о деревьях. – Как нога? – спросил он Октавию, театрально прищурившись и разглядывая лодыжку сестры.

Та боязливо пошевелила ступней:

– Гораздо лучше, – и повернулась к Кларк: – Мне уже можно выходить?

Кларк заколебалась. Лодыжка Октавии все еще оставалась очень уязвимой, а возможно-сти грамотно наложить лангету у нее не было. Если нагружать больную ногу, связки могут снова растянуться. И это еще в лучшем случае.

Октавия вздохнула и, выпятив нижнюю губу, состроила умильную гримаску:

– Пожа-а-а-алуйста. Я проделала такой путь не для того, чтобы сидеть в палатке.

– У тебя *не было* выбора, – сказал Беллами. – А вот я рискнул собственной задницей не для того, чтоб любоваться, как ты загибаешься от гангрены.

– Откуда ты знаешь про гангрену? – удивленно спросила Кларк.

В Колонии эта болезнь не встречалась, а читать древние медицинские книги просто для удовольствия... девушка сомневалась, что найдется много любителей такого времяпровождения.

– Доктор, вы меня разочаровываете. – Он поднял бровь. – Я не считал тебя одной из этих.

– Одной из каких?

– Из тех снобов с Феникса, которые считают всех родившихся на Уолдене неграмотными.

Октавия повернулась к Беллами и закатила глаза:

– Не все, что ты слышишь, является оскорблением, знаешь ли.

Беллами уже открыл рот для ответа, но немного подумал и скривил губы в усмешке:

– А ты смотри у меня, а то возьму и уйду один. – Он поправил висящий на плече лук.

– Не оставляй меня, – неожиданно серьезно сказала Октавия. – Ты же знаешь, каково мне сидеть тут, внутри.

На лице Беллами промелькнуло такое странное выражение, что Кларк даже стало интересно, о чем он думает. Наконец Беллами улыбнулся:

– О'кей, я заберу тебя отсюда, но только на чуть-чуть. Я хочу попробовать поохотиться, пока не стемнело. – Тут он повернулся к Кларк: – Если, конечно, доктор даст добро.

Кларк кивнула.

– Но только будьте аккуратны. – Она бросила на Беллами лукавый взгляд. – А ты правда думаешь, что сможешь *охотиться*?

Никто из них пока еще ни разу не видел никаких зверей, чего уж говорить о попытке подстрелить дичь.

– Кто-то должен это делать. При таком расходе, как сейчас, пищевых брикетов хватит от силы на неделю.

Кларк слегка улыбнулась ему:

– Ну тогда удачи тебе.

Она подошла к постели Октавии, и они вместе с Беллами помогли девушке встать.

– Все в порядке, – сказала Октавия. Балансируя на одной ноге и опираясь на руку Беллами, она потянула брата к выходу: – Идем!

Беллами оглянулся через плечо:

– Кстати, Кларк, я нашел в лесу всякую фигню, ну то, что повывлетало во время крушения. Может, поискать там что-нибудь завтра?

Сердце Кларк зачастило, и девушка вдохнула поглубже:

– Как ты думаешь, там могут быть медикаменты? – Она шагнула к выходу. – Давай сейчас туда сходим.

Беллами отрицательно покачал головой:

– Слишком далеко идти, не успеем вернуться засветло. Давай завтра.

Кларк посмотрела на Талию, лицо которой было искажено от боли.

– Ладно. Прямо с утра.

– Нет уж, лучше днем. Утром я буду охотиться, потому что звери в это время выходят на водопой.

подавив желание спросить, откуда он это знает, Кларк все же не могла скрыть удивления.

– Ну так тогда до завтра, да? – спросил Беллами, и Кларк кивнула. – Отлично, – усмехнулся он, – у нас свидание.

Она посмотрела, как они вдвоем с сестрой неуклюже выбрались из палатки, и снова обернулась к Талии. Глаза той были открыты.

– Привет, – слабым голосом прошептала подруга.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Кларк, придвигаясь, чтобы пощупать пульс.

– Прекрасно, – прохрипела Талия. – Впору присоединиться к охотничьей экспедиции Беллами.

Кларк улыбнулась:

– Я думала, ты спишь.

– Я и спала. Просыпалась и снова засыпала.

– Я тебя быстренько осматрю, ладно? – спросила Кларк, и Талия кивнула в ответ. Кларк сдвинула одеяло Талии и задрала рубашу. Красные полосы расползались в разные стороны от раны: это инфекция прокладывала себе путь, распространяясь по кровеносным сосудам. – Сильно болит?

– Нет, – глухо отозвалась Талия.

Обе девушки знали, что ей не могло стать лучше.

– Можешь поверить, что они действительно брат и сестра? – сменила тему Кларк, поправляя одеяло.

– Да, это полнейшее безумие, даже подумать странно, – голос Талии стал чуть увереннее и громче.

– Полнейшее безумие – это тот трюк, который он выкинул на взлетной палубе, – сказала Кларк. – Хотя это было на самом деле смело. Если бы его поймали, то убили бы. – Она помолчала. – Когда они сюда прилетят, ему не жить.

– Ну он много сделал для безопасности сестры, – проговорила Талия, пряча лицо, чтоб Кларк не заметила, как его снова исказила гримаса боли. – Ты знаешь, он действительно тебя любит.

– Кто? *Беллами*? – изумленно спросила Кларк.

– Нет, Уэллс. Он отправился ради тебя аж на Землю.

– Я не просила его об этом, – отрезала Кларк и поджала губы.

– Мы все совершаем поступки, которыми нельзя гордиться, – тихим голосом сказала Талия.

Кларк вздрогнула и закрыла глаза:

– Я ни у кого не вымаливала прощения.

– Я не это имела в виду, и ты меня прекрасно поняла. – Дыхание Талии сбилось, и она помолчала, чтоб его восстановить. Такой долгий разговор совершенно обессилил девушку.

– Тебе нужно отдохнуть, – сказала Кларк, потянувшись, чтобы укрыть одеялом плечи подруги. – Мы можем поговорить об этом завтра.

– Нет! – воскликнула Талия. – Кларк, в том, что произошло, нет твоей вины.

– Конечно же, есть. – Кларк упорно избегала взгляда подруги. Талия была единственным человеком, который знал, что на самом деле совершила Кларк, поэтому казалось совершенно невозможным сейчас посмотреть ей в лицо, ведь в темных выразительных глазах Талии наверняка отражались воспоминания. – И в любом случае, как это связано с Уэллсом?

Не обращая внимания на последний вопрос, Талия прикрыла глаза и вздохнула:

– Ты должна разрешить себе быть счастливой. Иначе какой вообще во всем этом смысл?

Кларк открыла было рот, собираясь возражать, но все слова исчезли, когда Талия вдруг согнулась пополам и раскашлялась.

– Все будет хорошо, – прошептала Кларк, проводя рукой по влажным от пота волосам подруги. – С тобой все будет в порядке.

На сей раз ее слова были не молитвой, а декларацией. Кларк намеревалась не дать Талии умереть, и ничто в мире не могло помешать ей. Она не допустит, чтоб лучшая подруга присоедибилась к звучащему в ее голове хору призраков.

Глава 13. Уэллс

Уэллс смотрел в звездное небо. Раньше он даже представить себе не мог, что тоска по дому заставит его выискивать знакомые созвездия, когда сам он будет далеко-далеко. Вид такой крошечной и плоской Луны вызывал у него чувство тревоги, как если бы он проснулся утром и вдруг обнаружил, что лица всех членов семьи стерты из памяти.

Люди, сидевшие вместе с ним у костра, ворчали. Не прошло и недели, как они прибыли на Землю, а паек уже был урезан. Отсутствие медикаментов, конечно, тревожило, но сейчас всех больше беспокоила ситуация с продовольствием. Либо, снаряжая экспедицию, чиновники Колонии сильно ошиблись в расчетах, либо в карманах Грэхема и его дружков осело куда больше пищевых брикетов, чем предполагал Уэллс. В любом случае, нехватка еды уже начала сказываться. Это выражалось не только в запавших щеках сидящих у костра – нет, в их глазах уже светился голод, и это вселяло в Уэллса ужас. Он не мог позволить себе забыть, что все они оказались в Тюрьме не просто так, а совершив нечто, угрожавшее порядку Колонии.

Особенно это касалось самого Уэллса.

Как раз в этот миг Кларк вышла из медицинской палатки и направилась к костру, выискивая свободное место в общем кругу. Возле Уэллса места было предостаточно, но взгляд Кларк просто скользнул мимо. Она присела рядом с Октавией, которая устроилась на бревне, вытянув перед собой больную ногу.

Уэллс вздохнул и повернулся, чтобы еще раз посмотреть на их поляну. Мерцающий свет костра выхватывал из темноты силуэты трех больших палаток, которые им в конце концов общими усилиями удалось поставить. В палатках размещался лазарет, хранилище припасов и особо любимый Уэллсом резервуар для сбора дождевой воды на тот случай, если дождь когда-нибудь пойдет. Что ж, по крайней мере, разбивая лагерь, они не потерпели полное фиаско. Когда отец тоже прилетит на Землю, это наверняка произведет на него большое впечатление.

Если он прилетит на Землю. Уэллсу становилось все сложнее и сложнее убеждать себя, что с отцом все в порядке, что его ранение наверняка оказалось поверхностным. Сердце Уэллса замирало всякий раз, когда он думал о том, что отец, возможно, сейчас борется за жизнь на больничной койке, или, хуже того, его безжизненное тело дрейфует где-то в глубоком космосе. В ушах Уэллса все еще звучали слова отца: «Если кто-то и способен добиться успеха в этой миссии, так это ты».

Из-за деревьев донеслись какие-то странные звуки. Уэллс подобрался, все его чувства при шли в боевую готовность. Послышался хруст, потом – шорох. Шепоток у костра превратился в общее изумленное «ах!», когда из теней материализовался странный силуэт. Полузвериный, получеловеческий, он, казалось, явился прямо из древних сказаний.

Уэллс вскочил на ноги. Но тут непонятное существо вышло из-за деревьев на свет и оказалось Беллами. За ним тянулся кровавый след, а на его плечах громоздилась туша какого-то зверя.

Туша оленя. Уэллс окинул взглядом безжизненное тело животного, его мягкую короткую шерстку, тонкие ноги, узкие ушки конической формы. Беллами двинулся к костру, и голова оленя закачалась в такт шагам охотника взад-вперед, ни разу не очертив при этом полную дугу, потому что постоянно обо что-то ударялась.

О другую голову, свисавшую с другой тонкой шеи.

У оленя было две головы.

Уэллс застыл, вскочив на ноги, как и все ребята у костра. Некоторые слегка подались вперед, чтобы лучше видеть, остальные, наоборот, в ужасе подались назад.

– Это безопасно? – спросила одна из девушек.

– Совершенно безопасно, – прозвучал из темноты голос Кларк, и она шагнула в освещенный круг. – Радиация могла вызвать генные мутации, но это произошло сотни лет назад, изменения просто передались потомкам облученных животных. Сейчас тут нет ни следа радиации.

Все в молчании наблюдали, как Кларк протянула руку и дотронулась до меха оленя. Озаряемая светом полной луны, она никогда не была такой прекрасной, как сейчас. Потом она повернулась к Беллами с улыбкой, от которой у Уэллса скрутило живот.

– Теперь мы не будем голодать, – сказала она и добавила что-то, чего Уэллс не услышал.

Беллами кивнул в ответ. Стараясь справиться с ревностью, Уэллс сделал глубокий вдох, потом другой и наконец двинулся туда, где стояли Беллами и Кларк. Когда он подошел, Кларк замерла, но Уэллс заставил себя смотреть только на Беллами.

– Спасибо тебе, – сказал Уэллс. – Этим можно накормить много народу.

Беллами вопросительно смотрел, как он неловко переминается с ноги на ногу.

– Я просто хотел поблагодарить, – добавил Уэллс.

Наконец Беллами кивнул. Уэллс вернулся на свое место у огня, а Кларк и Беллами продолжали негромкий разговор, и их головы почти соприкасались.

Обзорная площадка была совершенно пуста. Глядя в невообразимо огромное звездное море, Уэллс легко мог представить, что, кроме них, во Вселенной нет ни одной живой души. Он обвил Кларк руками, а она положила голову ему на грудь и вздохнула, прижимаясь еще сильнее. Словно она была счастлива позволить ему дышать за них обоих.

– Как ты сегодня? – тихонько спросила Кларк.

– Хорошо, – ответил Уэллс, не понимая, что заставило его соврать, когда Кларк прижималась к его груди. Сейчас она могла читать его сердцебиение, словно переданный морзянкой текст.

– Что стряслось? – спросила она, и в ее больших зеленых глазах промелькнула тревога.

Его офицерские курсы включали в себя периодические поездки на Аркадию и Уолден. Их цель заключалась в том, чтобы следить за работой охранников. Сегодня он присутствовал при задержании женщины, беременной незарегистрированным ребенком. У нее не было ни одного шанса на снисхождение. До родов несчастная будет содержаться в Тюрьме, а потом ребенка отдадут органам опеки, а мать казнят. Закон суров, но соблюдать его необходимо. Система жизнеобеспечения корабля рассчитана на определенное число людей, и любой, нарушивший это хрупкое равновесие, ставит под угрозу выживание всей человеческой расы. Но паника в глазах увлекаемой стражей будущей матери до сих пор жгла Уэллса, как огнем.

Удивительно, но помог Уэллсу разобраться в своих чувствах не кто иной, как его отец. За ужином он понял, что с сыном творится что-то неладное, и Уэллс, стараясь говорить мужественно и отстраненно, обо всем ему рассказал. Протянув руку через стол, Канцлер положил ее сыну на плечо: он крайне редко позволял себе подобные жесты. «То, что мы вынуждены делать, непросто, – сказал он, – но совершенно необходимо. Мы не можем позволить себе, чтобы чувства мешали нам выполнять свой долг – заботиться о выживании рода человеческого».

– Дай угадаю, – прерывая его воспоминания, сказала Кларк. – Ты арестовал гениального преступника, который регулярно крал книги из библиотеки.

– А вот и нет. Он до сих пор гуляет на воле, – с этими словами Уэллс заправил за ухо Кларк непослушную прядку. – Так что для поимки придется сформировать специальную опергруппу – так это у нас называется.

Она улыбнулась, и золотые крапинки в ее глазах заискрились. Он не мог представить себе цвета прекраснее, чем этот.

Уэллс снова переключился на огромное панорамное окно. Облака, окутывавшие Землю, сегодня не напоминали ему погребальный саван, а казались просто одеялом. Планета не

умерла, она лишь погрузилась в колдовской сон, который продлится до тех пор, пока не придет время встречать вернувшееся домой человечество.

– О чем ты думаешь? – спросила Кларк. – Снова о своей маме?

– Нет, – ответил он медленно, – не совсем. – Протянув руку, Уэллс принялся рассеянно накручивать на палец локон Кларк, а потом позволил ему снова упасть на плечо девушки. – На самом деле, я постоянно о ней думаю. – Ему было очень сложно поверить в то, что мамы действительно больше нет. – Мне просто хотелось бы быть уверенным, что она гордится мной, где бы ни была, – продолжил Уэллс. Он смотрел на звезды, и дрожь сотрясала его тело.

Кларк сжала его руку, делясь своим теплом.

– Конечно же, она тобой гордится. Любая мать гордилась бы таким сыном как ты.

Уэллс с усмешкой повернулся к Кларк и спросил:

– Только мать?

– Нет, полагаю, дедушка с бабушкой тоже, – серьезно кивнула Кларк, но, когда Уэллс шутливо ударил ее по плечу, не удержалась и хихикнула.

– Я бы хотел, чтоб мною гордился кое-кто еще.

Кларк подняла бровь.

– Лучше бы кое-кому присматривать за своей спиной, – сказала она и потянулась, чтобы обхватить руками голову Уэллса, – потому что я не слишком-то люблю делиться.

Уэллс улыбнулся, склонился к Кларк и закрыл глаза. Его губы дразнящим поцелуем коснулись ее губ, потом заскользили к шее.

– Как и я, – прошептал он ей на ухо, ощущая, как она задрожала от его дыхания, зашепотавшего ей кожу.

Кларк теснее прижалась к нему, ее прикосновения прогоняли тревогу и напряжение, и скоро он забыл и все тревожения этого дня, и те, что еще только предстоят завтра и послезавтра. Он забыл обо всем. Важно было только одно: девушка, которую он держал в своих объятиях.

Запах жарящейся оленины оказался экзотическим и пьянящим. Нигде в Колонии, даже на Фениксе, не было мяса, всю скотину перебили еще в середине первого столетия полета.

– Как мы узнаем, что оно готово? – спросила Уэллса аркадийская девушка по имени Дарси.

– Снаружи появится поджаристая корочка, а внутри порозовеет, – не поворачивая головы, сказал Беллами.

Грэхем гоготнул, но Уэллс кивнул головой:

– Думаю, ты прав.

Когда мясо остыло, они нарезали его мелкими кусками и пустили по кругу. Уэллс отнес часть тем, кто сидел с противоположной стороны костра, чтобы всем досталось. Когда он протянул кусочек Октавии, она поймала его взгляд и спросила:

– А ты уже попробовал?

Уэллс покачал головой:

– Пока нет.

– Нет, так нечестно, – Октавия подняла брови. – А вдруг оно окажется какой-нибудь мерзостью?

Уэллс бегло оглядел сидящих у костра.

– Вроде бы все остальные довольны.

Октавия поджала губы:

– А я не такая, как все остальные. – Глядя на Уэллса, она чуть-чуть подождала, не заговорит ли он, а потом улыбнулась и протянула ему свой кусок: – На, откуси первым и Расскажи, как оно тебе.

– Спасибо, со мной-то все будет в порядке, – сказал Уэллс. – Я просто хочу быть уверен, что...

– Давай, – она хихикнула и попыталась засунуть мясо ему в рот, – откуси чуть-чуть.

Уэллс быстро покосился на Кларк, чтобы убедиться, что она на них не смотрит. Но Кларк была увлечена разговором с Беллами. Тогда он снова повернулся к Октавии, сказал «ладно» и взял у нее мясо. Октавия казалась разочарованной из-за того, что ей не удалось покормить Уэллса с рук, но ему не было до этого никакого дела. Он впился в мясо зубами. Сверху оно оказалось жестким, но, когда зубы Уэллса прокусили корочку, его рот наполнился неведомым прежде вкусом, одновременно солоноватым, дымным и даже чуть-чуть сладковатым. Он еще немного пожевал и глотнул, готовясь к тому, что его желудок взбунтуется против чужеродной субстанции. Но все, что он почувствовал, – это тепло.

Ребята, которые начали есть первыми, уже отошли от костра и бродили по поляне. Негромкий гул голосов сливался с потрескиванием костра. Но через несколько минут голоса зазвучали в полную силу, превращаясь в шум, от которого спина Уэллса покрылась мурашками. Он поднялся на ноги и подошел к кучке ребят, стоявших ближе всего к линии деревьев, и спросил:

– Что происходит?

– Смотри! – Одна из девушек ткнула пальцем куда-то под сплетение ветвей.

– Куда? – вгляделся в темноту Уэллс.

– Туда, – сказала другая девушка. – Ты это видишь?

Уэллс подумал было, что его разыгрывают, но потом тоже что-то заметил. Это был сполох света, такой короткий, что Уэллс едва успел его осознать. Потом в нескольких метрах он увидел еще один сполох, потом – еще один, чуть выше. Уэллс шагнул к краю поляны, которая теперь выглядела так, словно чьи-то невидимые руки украсили ее для вечеринки. Его взгляд остановился на ближайшем сияющем шаре, который свисал с нижней ветки соседнего дерева.

Внутри него что-то шевелилось. Какое-то существо. Насекомое с крошечным тельцем и непропорционально большими, хрупкими крыльями. Название этого существа само слетело с губ Уэллса.

Бабочка.

Кто-то из ребят последовал за ним в лес и теперь в изумлении стоял подле него.

– Кларк, – шепнул он в темноту. Нужно, чтобы она это увидела. Оторвав взгляд от бабочки, он повернулся, чтобы бежать на поляну и найти там любимую. Но она уже была рядом.

Совершенно ошеломленная, девушка стояла в нескольких шагах от него. Мягкое свечение озаряло ее лицо, с которого наконец ушло напряженное, озабоченное выражение, не исчезавшее с момента аварии.

– Эй, – негромко, чтобы не спугнуть это спокойствие, сказал Уэллс.

Он ожидал, что Кларк сердито зыркнет на него, или попросит замолчать, или повернется и уйдет. Но она не ушла, просто стояла неподвижно и смотрела на наполненных светом бабочек.

Уэллс не посмел шевельнуться. Он не сказал больше ни слова. Девушка, которая, как ему казалось, безвозвратно потеряна, была тут, совсем рядом с ним, и в этот миг Уэллс подумал: он может вернуть ее любовь.

Глава 14. Беллами

Беллами не мог понять, зачем древние люди придумали наркотики. Для чего гнать по вене всякое дерьмо, если тот же эффект дает простая прогулка по лесу? Каждый раз, когда он уходил с их поляны и углублялся в гущу деревьев, что-то происходило. Отправляясь с первыми лучами утреннего солнца в очередную охотничью экспедицию, Беллами чувствовал, что его дыхание становится глубже, удары сердца сильнее, медленнее и увереннее, а весь его организм словно работал в такт с внутренним ритмом здешних мест. Но лучше всего была тишина. На корабле никогда не бывало абсолютно тихо, там всегда стоял низкий фоновый гул: жужжание генераторов, потрескивание осветительных приборов, эхо раздающихся в галереях шагов. Тишина просто взбесила Беллами, когда он первый раз вошел в лес, – ведь заглушить тревожные мысли оказалось нечем. Но, чем больше времени он здесь проводил, тем умиротворенней становилась его душа.

В поисках следов Беллами рыскал взглядом по земле, разглядывал камни и влажные участки почвы. Отчетливого следа вроде того, по которому он шел вчера, не было, но что-то заставило Беллами взять вправо и углубиться в чащу, где деревья стояли почти вплотную друг к другу, отбрасывая на землю причудливые тени. Если бы он был зверем, он пошел бы именно туда.

Потянувшись за плечо, Беллами вытащил из самодельного колчана одну из стрел. Смотреть, как умирают животные, было ужасно, но за последние несколько дней он научился прицеливаться точнее и знал, что его жертвы не слишком страдают. Беллами на всю жизнь запомнил страх и боль в глазах его первого оленя, перед тем как тот рухнул на землю. Впрочем, стрельба по животным была куда меньшим дерьмом, чем те преступления, которые в конечном итоге привели на Землю многих из сотни. Обрывая жизнь какого-то зверя, Беллами знал, что тот прожил весь свой век совершенно свободным.

Сотня заключенных, возможно, и получит обещанную свободу, но Беллами знал, что ему в этом смысле ничего не светит. Только не после того, что он сотворил с Канцлером. Если он будет ошиваться поблизости, когда приземлится следующий корабль, его, возможно, пристрелят первый же ступивший на Землю охранник.

А Беллами покончил со всем этим добром, вроде наказания, системы, общественного положения. Он не желал больше следовать правилам, которые установили другие люди, его тошнило от борьбы за существование. Конечно, выжить в лесу непросто, зато они с Октавией будут свободны.

Расставив руки для равновесия, он полусбежал-полусъехал по склону оврага, изо всех сил стараясь поменьше шуметь, чтоб не распугать окрестную дичь. Когда он, закончив спуск, шмякнулся в грязь, под его прохудившимися ботинками захлюпало. Беллами вздрогнул, когда в щели над подошвами стали затекать струйки воды. Возвращаться в лагерь в мокрых носках будет жутко некомфортно, это он уже узнал на собственной шкуре. Ему было досадно, что об этом не говорилось ни в одной из прочитанных им книг. Какой смысл знать, как сплести сеть из лозы или какими травами лечат ожоги, если вы и ходить-то толком не можете?

Повесив носки сушиться на ветку, Беллами сунул ноги в ручей. С тех пор как он ушел из лагеря, стало гораздо теплее, и холодная вода очень его взбодрила. Беллами закатал брюки до колен и побрел по ручью. Вода вихрилась вокруг его икр, а он улыбался, словно непроходимый дурак. Вот что ему особенно нравилось на Земле: скучное, обыденное занятие вроде мытья ног внезапно превращалось в грандиозное событие.

Над ручьем ветви деревьев не давали густой тени, поэтому солнце тут светило ярче. Рукам и лицу Беллами вдруг стало невыносимо жарко. Он стянул футболку, скомкал ее и швырнул на траву, а потом зачерпнул пригоршню воды и плеснул себе в лицо. Он улыбнулся, в

который раз потрясенный откровением: у воды может быть *вкус*. На корабле были в ходу грубые шуточки про рециркулированную воду, вроде того, что, главным образом, вы пьете мочу собственного прадедушки. Беллами только теперь понял, что столетия фильтрации и очистки превратили корабельную воду в банальный набор молекул, состоящих из одного атома кислорода и двух – водорода, ничего более. Он снова потянулся и набрал полную пригоршню воды. Если бы ему пришлось описать ее вкус, он сказал бы, что она похожа на сочетание земли и неба, – и каждому, кто вздумал бы над этим посмеяться, вбил бы в глотку его поганый смех.

Из леса послышался треск. Беллами быстро повернулся, но не удержал равновесие и упал, подняв тучу брызг. Он тут же стремительно вскочил, ощущая, как под босыми пятками сдвигаются камешки и грязь, и поглядел в сторону источника звука.

– Прости, я не хотела напугать тебя.

Отбросив с лица волосы, Беллами увидел стоящую на траве Кларк и поразился – он уже начал воспринимать лес как нечто принадлежащее только ему, и никому больше. Он ждал раздражения, но оно почему-то так и не пришло.

– Не могла дожидаться, когда наступит день? – спросил он, выбираясь на берег.

Кларк залилась краской.

– Нам нужны медикаменты, – сказала она, отводя взгляд от его голой груди.

Эта девушка почти всегда выглядела жесткой, прямо-таки двужильной, и легко было забыть, что она выросла в мире изысканной музыки, концертов, лекций и вечеринок. Беллами усмехнулся, тряхнул головой, и с его волос во все стороны полетели брызги воды.

– Эй, – воскликнула Кларк, отпрыгивая назад и стараясь стряхнуть с себя капельки, – мы еще не брали эту воду на анализ. Ручей может оказаться ядовитым.

– С каких это пор наша охренительная девушка-хирург вдруг стала такой неженкой? – Беллами уселся на солнышке и похлопал по траве, приглашая Кларк присоединиться.

– *Неженкой*? – раздраженно зашипела Кларк, опускаясь рядом с ним. – Вчера вечером ты едва мог держать нож – так тряслись твои руки.

– Ну знаешь, я убил оленя. Сделал все, что должен, и даже больше. А потом, – он замолчал и откинулся на траву, – это же тебя учили потрошить людей.

– На самом деле нет.

Беллами закинул руки за голову и подставил лицо солнечному свету, наслаждаясь его теплом. Это было почти так же приятно, как покувыркаться с девушкой в постели. Может быть, даже лучше, потому что солнце никогда не спросит, о чем он задумался.

– Прости, что обидел, – протянул он, наслаждаясь истомой, затопившей все его тело. – Я знаю, что ты врач, а не мясник.

– Не в этом дело, я имела в виду, что меня арестовали раньше, чем я успела доучиться.

Нотка сожаления в ее голосе странно отозвалась в душе Беллами, и он слабо улыбнулся девушке:

– Ну для шарлатана ты очень классно справляешься.

Кларк уставилась на него, и Беллами на миг подумал, что обидел ее, но тут она кивнула, поднялась и сказала:

– Ты прав. И поэтому нам нужно найти медикаменты. Пошли.

Беллами со вздохом поднялся, натянул носки и ботинки, закинул на плечо футболку.

– Я бы порекомендовала тебе одеться.

– Зачем? Ты что, боишься потерять контроль над собой? Потому что, если ты озабочена моим целомудрием, я должен тебе сказать одну вещь. Я давно не...

– Я имею в виду, – с легкой улыбкой прервала его Кларк, – что здесь встречаются ядовитые растения. Их прикосновения могут превратить твою спину в сплошной пылающий гнойник.

Беллами пожал плечами:

– По всему выходит, что лечить меня придется тебе, женщина-врач. Так что я, пожалуй, рискну.

Она засмеялась, и Беллами не сомневался – на Земле она смеется впервые. «Пожалуй, я могу гордиться, что сумел так ее развеселить», – подумал он.

– Ладно, – легко сказал Беллами, натянул через голову футболку и улыбнулся про себя, заметив, что Кларк смотрит на его живот. – Нам нужно идти на запад, обломки там. Вперед. – Он начал подниматься по склону, но потом оглянулся и поглядел на Кларк. – Нам в ту сторону, где солнце садится.

Кларк пробежала несколько шагов, чтобы нагнать Беллами.

– Ты сам все это разузнал?

– Ну да. На Уолдене не так часто читают лекции по земной географии. – В его словах не прозвучало той горечи, которая непременно присутствовала бы, если бы он разговаривал с Уэллсом или Грэхемом. – Меня эта тема всегда прикалывала, а когда я узнал, что Октавию хотят послать на Землю...

Он прервался, сомневаясь, может ли продолжать, не опасно ли это, но Кларк выжидающе смотрела на него. В ее зеленых глазах светилась заинтересованность... и что-то еще. Что-то, что он не мог идентифицировать.

– В смысле, чем больше я знаю, тем лучше смогу о ней позаботиться.

Они добрались до вершины холма, но, вместо того чтоб пойти к лагерю, Беллами взял курс на чащу леса. Деревья тут росли так тесно, что за их кронами было почти совсем не видно солнца, лишь редкие лучики пробивались сквозь листву: добравшись до земли, они превращались в золотые лужицы. Беллами улыбнулся, заметив, что Кларк их обходит, – так ребенок старается не наступать на пересечение швов в крытых галереях Колонии.

– Вот так я всегда представляла себе Шервудский лес, – сказала она полным благоговения голосом. – Я почти жду, что Робин Гуд вот-вот выскочит из-за дерева.

– Робин Гуд?

– Ну ты же знаешь, – Кларк остановилась и посмотрела на Беллами. – Принц в изгнании. Который крал лекарства и раздавал их сиротам. – Беллами смотрел на нее непонимающе. – У него еще был волшебный лук со стрелами. Я сейчас подумала, что ты чем-то на него похож, – с улыбкой добавила девушка.

Беллами провел рукой по увитой виноградной лозой ветке.

– У нас на Уолдене было мало времени для историй, – натянуто проговорил он. – И книжек почти не было, поэтому я сам придумывал сказки для Октавии, когда она была маленькой. Больше всего она любила про волшебный мусоро сборник. – Он хохотнул. – Самая клевая из моих историй, лучше я придумать не смог.

Кларк улыбнулась.

– То, что ты из-за нее сделал, было очень смело, – сказала она.

– Ну, наверно, я должен бы сказать то же самое о тебе, но у меня такое чувство, что ты тут не по своей воле.

Она вскинула к его глазам запястье. На нем у нее, как и у остальных ребят, по-прежнему был надет следящий браслет.

– И что же меня выдало?

– Я уверен, он это заслужил, – усмехнувшись, сказал Беллами, но, вместо того чтобы рассмеяться, Кларк отвернулась. Беллами всего лишь хотел пошутить, но ему следовало бы знать, что с ней нельзя расслабляться. Да и ни с кем тут нельзя, раз уж на то пошло. Все они что-то скрывают, и он сам – в первую очередь. – Эй, прости, – сказал он. Беллами так редко извинялся, что ему странно было ощутить, как его губы произносят это слово. – Мы найдем эту твою аптечку. Кстати, а что в ней?

– Да все. Стерильные бинты, болеутоляющее, антибиотики... препараты. Которые могут все изменить для... – она на миг замолчала, – ...для наших раненых.

Беллами знал, что Кларк сейчас думает о своей подруге, о девушке, с которой обычно не сводит глаз.

– Ты же хочешь ее вылечить, правда? – Он протянул руку, чтобы помочь Кларк перебраться через лежащее у нее на пути замшелое бревно.

– Она моя лучшая подруга, – ответила Кларк, принимая руку, – и единственный человек на Земле, который знает, кто я есть на самом деле.

Она смущенно улыбнулась Беллами, но он кивнул:

– Я знаю, о чем ты.

Октавия была единственным человеком на всем свете, который на самом деле знал его. И на всем свете не было больше никого, с кем ему хотелось бы проводить время. Но тут он взглянул на Кларк, которая наклонилась понюхать ярко-розовый цветок. Пряди ее волос отливали на солнце золотом, и Беллами внезапно подумал, что не так уж уверен в том, что Октавия – единственная, кого он хочет видеть снова и снова.

Глава 15. Кларк

Беллами вел Кларк вниз по крутому склону. По обе стороны от них высились стройные деревья, их ветви тянулись друг к другу, образуя подобие сводчатого прохода. В этом месте царила какая-то древняя тишина, не нарушаемая даже ветром, который, казалось, не осмеливался потревожить многовековое уединение этих исполинов.

– Не уверен, поблагодарил ли я тебя за то, что ты сделала для Октавии, – разрушая чары, проговорил Беллами.

– Ты говоришь это сейчас вместо «спасибо»? – усмехнулась Кларк.

– Типа того. Это все, на что я способен. – Он бросил на нее косой взгляд. – Я в такой фигне несилен.

Кларк открыла было рот, но, споткнувшись о камень, подавилась вертевшейся на языке остроумной репликой.

– Ого, – со смешком сказал Беллами, подхватывая Кларк под руку и не давая ей упасть, – а ты, кажется, не сильна в такой фигне, как ходьба.

– Это не ходьба, а турпоход какой-то. Никто из людей не ходил в походы уже несколько сотен лет, так что дай мне передохнуть.

– О'кей, введем разделение труда. Ты будешь отвечать за то, чтобы все были живы-здоровы, а я – за то, чтоб ты не переломала себе ноги.

Беллами игриво стиснул ее ладонь, и Кларк вспыхнула. Она даже не подозревала, что до сих пор держит его за руку.

– Спасибо, – сказала она, выпуская ладонь Беллами.

Беллами молчал, пока они вновь не оказались на ровной земле.

– Теперь сюда, – сказал он, махнув рукой влево. – А как ты решила стать врачом?

Кларк сконфуженно нахмурилась.

– Ну мне хотелось. Разве ты не хотел стать... – Она остановилась, к своему смущению обнаружив, что понятия не имеет, чем Беллами занимался в Колонии. Охранником-то он точно не был.

Он уставился на нее, не понимая, шутит она или говорит всерьез.

– На Уолдене все устроено иначе, – медленно проговорил он, все глубже погружаясь в зеленый полумрак. – Если у тебя отличное досье и тебе повезет, ты можешь стать охранником. А в остальных случаях ты просто делаешь ту же работу, что и твои родители.

Кларк постаралась, чтобы удивление не слишком откровенно проступило на ее лице. Она, конечно, знала, что уолденцам доступны далеко не все профессии, но понятия не имела, что у них вообще нет выбора.

– И кем же ты был?

– Я был... – Беллами вдруг сжал губы. – Знаешь что? Вообще-то тебя это не касается.

– Извини, – быстро сказала Кларк, – я не хотела...

– Нормально все, – оборвал Беллами, обгоняя ее на пару шагов.

Некоторое время они шли в напряженном молчании.

– погоди, – вдруг одними губами прошептал Беллами, рукой преграждая ей путь.

Одним плавным движением он вытащил из перевязи стрелу и навел лук. Его глаза были прикованы к тому месту, где деревья росли так близко друг к другу, что было почти невозможно разобрать, где кончается подлесок и начинаются тени. А потом Кларк тоже заметила – мгновенное быстрое движение, промельк света, отраженный в глазах... Она затаила дыхание, глядя на маленького коричневого зверька с длинными, шевелящимися взад-вперед ушами. Это был кролик.

Кларк смотрела, как зверек скакнул вперед, как забавно задрожал его длинный, почти в два раза длиннее тела, хвостик. Разве ее не учили, что у кроликов куцый пушистый хвост? Но, прежде чем Кларк успела припомнить свои старые записи, сделанные на уроках биологии Земли, локоть Беллами плавно скользнул назад, и из головы девушки пропали все мысли.

Испуганный крик застрял у нее в горле, когда стрела Беллами устремилась к цели и с кошмарным чавкающим звуком вонзилась в тело зверька. На миг Кларк подумалось, что кролика еще можно спасти – если сейчас броситься к нему, вытащить стрелу и аккуратно зашить входное отверстие.

Беллами схватил Кларк за руку и довольно сильно ее сжал самоуверенным и предупреждающим жестом. Кларк понимала, что этот кролик поможет им выжить. Он придаст Талии немного сил. Девушка попыталась закрыть глаза, но они по-прежнему оставались направленными прямо на зверька.

– Все о'кей, – тихо сказал Беллами, – я попал ему прямо в сердце. Он больше не будет страдать.

Он был прав. Кролик перестал дергаться, обмяк и замер.

Беллами повернулся к Кларк:

– Извини. Я знаю, как тяжело смотреть, когда кто-то страдает.

Холодок, пробежавший по ее телу, не имел ничего общего с убитым кроликом.

– Кто-то?

– Какое-то животное, – уточнил он, пожав плечами. – Любое.

Кларк смотрела, как он подошел к кролику, вытащил стрелу и забросил тушку на плечо.

– Идем туда, – Беллами кивком головы указал направление.

Напряжение вроде бы ослабло. Убив кролика, Беллами заметно приободрился.

– Так что там у тебя за история с Уэллсом? – спросил он, поудобнее пристраивая на плече свою добычу.

Кларк, наверное, должна была бы возмутиться от такого бестактного вопроса, но почему-то этого не произошло.

– Мы встречались некоторое время, но ничего не вышло.

Беллами хмыкнул:

– Ну, эта часть и так очевидна. – Он немного подождал, не скажет ли Кларк что-нибудь еще, и спросил: – И что же случилось?

– Он совершил непростительную вещь.

Вместо того, чтобы отпустить шуточку или сказать какую-нибудь гадость в адрес Уэллса, Беллами посерьезнел.

– Не думаю, что бывают непростительные поступки, – тихо сказал он. – Особенно если они совершаются из хороших побуждений.

Кларк ничего не ответила, она лишь гадала, что он имеет в виду. Может, он говорил о поступке, который привел в Тюрьму Октавию, а может, о чем-то совсем другом.

Беллами посмотрел вверх, словно среди верхушек деревьев происходило что-то интересное, а потом перевел взгляд обратно на Кларк.

– Если что, я не говорю, что он не сделал чего-то ужасного. Я просто имею в виду, что, типа, понимаю, как это могло случиться. – Он потянулся и провел пальцем по ярко-желтому мху, карабкающемуся по стволу дерева. – Из всех, кто прилетел на Землю, только Уэллс и я сделали это по собственному выбору. Потому что у нас были на это причины.

Кларк попробовала ответить, но поняла, что не знает точно, что ей сказать. Вроде бы они были такими разными – Уэллс, чья вера в полномочные органы привела к казни ее родителей, и Беллами, импульсивный уолденец, державший на мушке самого Канцлера. Но они оба были готовы на все, чтобы добиться своего. Чтобы защитить тех, за кого они в ответе.

– Может, ты и прав, – тихо сказала она, удивляясь его проницательности.

Беллами промолчал и зашагал быстрее, явно взволнованный тем, что увидел.

– Это было тут, – сказал он.

Перед ними открылась плавно идущая под уклон поляна. Она вся поросла травой и мелкими белыми цветами, лишь в одном месте, примерно посередине, чернела выгоревшая проплешина. Кругом валялись обломки челнока, похожие на кости. Кларк бросилась бежать.

Она услышала, как Беллами выкрикнул ее имя, но даже не обернулась. Ноги сами несли ее вперед, а в груди расцветала надежда.

– Ну же, ну же, *ну*, – твердила она себе, с маниакальным исступлением роясь среди обломков.

А потом она увидела. Закрытые металлические контейнеры, которые некогда были белыми, но теперь потемнели от грязи и копоти. Когда Кларк схватила один из них в руки, ее сердце билось так быстро, что было трудно дышать. Она попыталась открыть контейнер, но фиксаторы деформировались, а петли расплавились от жара. Кларк в отчаянии потрясла контейнер, молясь, чтобы его содержимое уцелело.

Из контейнера послышалось бряканье пузырьков. Лучший звук, который она слышала в своей жизни.

– Что там? – спросил Беллами. Он уже подрос и теперь, затаив дыхание, стоял рядом с ней.

– Можешь открыть? – Кларк сунула ему контейнер.

Беллами взял его, косясь на фиксатор.

– Дай посмотрю. – Вытащив из кармана нож, он одним быстрым движением вскрыл ящик.

Кларк просто трясло от возбуждения. Не успев толком понять, что она, собственно, делает, девушка обняла Беллами. Он рассмеялся вместе с ней, качнулся назад, обхватил ее за талию, поднял в воздух и закружил. Все поплыло у Кларк перед глазами: зелень, золото и голубизна поляны смешались, превратились в размытое пятно, и в мире не осталось ничего, кроме улыбки Беллами и его сияющих глаз.

В конце концов Беллами бережно поставил Кларк на землю, но не выпустил из объятий. Вместо этого он еще крепче прижал ее к себе и, прежде чем девушка успела отдышаться, приник губами к ее губам.

Какой-то голос на периферии сознания уговаривал Кларк остановиться, но запах кожи Беллами и его прикосновения заставили этот голос замолчать.

Кларк почувствовала, как тает в объятиях Беллами, растворяется в его поцелуе.

У него был вкус радости. Лучший на всей Земле вкус.

Глава 16. Гласс

– Даже не знаю, – протянула Соня, щурясь на дочь в полумраке спальни, – если мы возьмем юбку от этого костюма и скомбинируем, например, с этим зелененьким корсажем?

Девушка заставила себя сделать глубокий-преглубокий вдох, чтобы успокоиться. Она уже два часа примеряла всевозможные наряды для Праздника наблюдения за кометой, но была так же далека от цели, как и в самом начале.

– На твое усмотрение, мам, – сказала она, надеясь, что ее натянутая улыбка все-таки не выдаст, насколько она напряжена.

– Я не уверена, – вздохнула мать. – Трудно собраться за такое короткое время, но мы должны сделать все наилучшим образом.

Гласс напонила себе, что мама просто старается помочь. Мама понимает, что Праздник наблюдения дает Гласс превосходный повод вернуться в общество Феникса, а для этого нужно вооружиться как официальным помилованием, так и идеальным нарядом. Гласс помнила, что на празднике будет Вице-канцлер, поэтому ей жизненно важно сыграть свою роль без сучка и задоринки: он подарил ей жизнь, а она взамен должна помочь ему улучшить его имидж – сделка более чем справедливая. Но Гласс предстояло оказаться в центре всеобщего внимания, и подобная перспектива ее очень тревожила.

– Или, может быть, все-таки следует вернуться к тюлю? – Мама махнула рукой на стопку забракованных платьев. – Положи-ка их на место, и мы сможем...

Ее прервал донесшийся из кухни сигнал, информирующий о получении сообщения.

– Я посмотрю, – выпалила Гласс и быстро, пока мать не успела возразить, вышла из комнаты. Конечно же, сообщение предназначалось не ей. Ее друзья связывались друг с другом только посредством чипов, а мониторы сообщений использовались для сообщений Совета, по большей части беспредметных, иногда касающихся санитарных норм, а иногда оповещающих об опасной обстановке. Во всяком случае, можно будет хоть немного передохнуть от обсуждения нарядов. Гласс спроецировала сообщение на воздух перед собой, и у нее перехватило дыхание, когда она увидела имя, мигающее в верхней его части. Письмо было от Люка.

«Уважаемая мисс Соренсон, охрана обнаружила утерянные Вами у солярных плантаций вещи. Вы можете получить их на контрольно-пропускном пункте сегодня до 16.00».

Ей пришлось несколько раз прочесть сообщение, прежде чем до нее дошло, о чем идет речь. Когда-то, еще до того, как у нее появился собственный чип, они с Люком разработали этот шифр на случай, если мать Гласс станет читать сообщения дочери. Он назначил ей встречу во второй половине дня у солярных плантаций.

– Гласс! – позвала ее из комнаты Соня. – Ну что там?

Девушка быстро удалила сообщение.

– Да просто напоминание о наблюдении за кометой. Как будто мы могли забыть!

Она посмотрела на часы и вздохнула: они показывали только 10.15. Следующие несколько часов наверняка будут тянуться даже дольше, чем в Тюрме.

– О, – воскликнула мать, когда Гласс вернулась в спальню, – пожалуй, мы нашли то, что нужно. Ты в нем сейчас выглядишь просто прекрасно.

Гласс неохотно повернулась к зеркалу и поняла, что имеет в виду мама. Она действительно отлично выглядела, но дело было не в платье. Ее щеки заливал румянец, а глаза сияли от радости.

Она выглядела как влюбленная девушка.

В 15.40 Гласс поднялась по бесконечной лестнице к солярным плантациям, которые занимали всю верхнюю часть Уолдена. Сами плантации были закрыты от всех, кроме ученых

и сельскохозяйственных рабочих, но на вершине лестницы была маленькая огороженная терраса, с которой открывался вид на поля. Должно быть, когда-то ее спроектировали для наблюдения за рабочими, но она ни разу не использовалась по назначению и почти всегда пустовала.

Добравшись до самого верха, Гласс подошла к краю платформы и уселась у ограды, свесив ножки вниз. Все ее тело расслабилось, а взгляд рассеянно бродил по рядам растений, которые тянули свои листья к солнечным коллекторам. Поле заканчивалось огромным панорамным окном, и казалось, будто зерновые колосятся прямо среди звезд. Раньше они с Люком постоянно тут встречались. Это было безопаснее всего: Люку не приходилось прокрадываться на Феникс, а Гласс – бродить по жилому блоку Люка.

– Привет.

Гласс повернулась и увидела, что Люк стоит прямо у нее за спиной. Она попыталась было встать на ноги, но Люк отрицательно помотал головой.

– Могу я к тебе присоединиться?

Она кивнула, подвинулась, чтобы освободить для него место, и Люк опустился рядом.

– Спасибо, что пришла, – стесненно сказал он. – Твоя мама ничего не заподозрила?

– Все нормально, ей было не до того. Она слишком занята попытками разрешить одежный кризис.

Люк удивил Гласс, улыбнувшись. Потом он откашлялся:

– Гласс, я... Я не могу перестать думать о том, что произошло, – сказал он, и все тело Гласс напряглось. Она очень старательно продолжала смотреть на расстилавшиеся внизу грядки. – Я имею в виду, за что могли арестовать человека вроде тебя. Но я же помню... через несколько месяцев после того, как мы расстались, ходили слухи... ну про девушку с Феникса, которую арестовали за... – Он замолчал, потому что его голос сорвался. Гласс наконец-то повернулась, чтобы поглядеть ему в лицо, и увидела, что его глаза блестят. – По срокам вроде совпадало. Но я никогда не верил, что это могла быть ты, – Люк смотрел вдаль, словно увидел там что-то чрезвычайно интересное. – Я говорил себе, что ты никогда не стала бы утаивать от меня такие вещи. Мне нужно было надеяться, что ты гораздо больше мне доверяешь.

Гласс прикусила губу, чтоб сдержать поток слов, который грозил вырваться наружу. Ей отчаянно хотелось рассказать ему всю правду, вот только ничего хорошего из этого не выйдет. Лучше уж пусть он думает, что она просто глупая, балованная девчонка с Феникса, которая играючи разбила его сердце. Теперь он счастлив с Камиллой – и заслуживает этого счастья.

Но потом Люк потянулся, взял ее за подбородок, и все мысли как ветром сдуло.

Гласс проснулась с улыбкой. Хотя с той ночи, что они с Люком провели вместе, прошло уже несколько недель. Девушка постоянно мысленно возвращалась в те счастливые мгновения. Но сегодня, стоило начать вспоминать, ее накрыла волна тошноты.

Гласс вскочила с постели и побежала по коридору в ванную, благодарная мирозданию за то, что везде горел свет. Впрочем, возможно, благодарить стоило не мироздание, а нового «друга» матери, главу Департамента ресурсов.

Закрыв за собой дверь ванной комнаты, Кларк осела на холодный пол, а ее мозг тем временем боролся с желудком. Стараясь сохранять спокойствие, она заставляла себя глубоко дышать. Последнее, что ей нужно, – это чтобы мама потащила ее в медицинский центр.

Желудок одержал верх, и Гласс едва-едва успела склониться над унитазом. Она рыгнула (глаза жгли слезы) и снова откинулась к стенке. Встречаться в таком состоянии с Уэллсом было совершенно невозможно, но и снова отменить встречу она не могла. Гласс проводила все свободное время с Люком, и на дружбу с Уэллсом его попросту не оставалось. Она скучала по Уэллсу. А он никогда не обижался на нее за необязательность, и от этого ей загадочным образом становилось еще хуже. А если учесть, что случилось с его матерью... и вдобавок Кларк в

последнее время ведет себя как-то странно... В общем, им на самом деле надо было наверстать упущенное.

– Гласс? – раздался с той стороны двери голос матери. – Что ты там делаешь?

– Ничего, – отозвалась Гласс, стараясь, чтоб ее голос звучал уверенно.

– Ты заболела?

Гласс тихонько застонала. В их новом жилище совершенно невозможно было уединиться, и она скучала по старой просторной квартире с окном, полным звезд. Гласс никак не могла понять, почему им понизили разряд после того, как отец принял необычное, оскорбительное решение разорвать брачный договор и съехать.

– Я вхожу, – снова раздался с той стороны двери мамин голос.

Гласс поспешно утерла губы и попыталась встать, но тут новая волна тошноты скрутила ее бунтующий желудок. Гласс сползла обратно на пол. Дверь отворилась, и Гласс увидела мать, одетую в вечерний туалет, несмотря на то что еще не наступило даже время обеда. Но раньше, чем девушка успела спросить, куда это мама собирается (или, может быть, откуда пришла), глаза у той расширились, а лицо под щедро нанесенными румянами побледнело.

– Что происходит?

– Ничего, – сказала Гласс, пытаясь хотя бы ненадолго разогнать туман в голове и как-то объяснить матери свое поведение, чтоб та оставила ее в покое. Кишечные инфекции на Фениксе были редки, и всех, у кого появлялись похожие симптомы, отправляли до полного выздоровления на карантин. – Со мной все в порядке.

– Тебя что, – Соня оглянулась и понизила голос: это было нелепо, потому что в квартире, кроме них, никого не было, – вырвало?

– Да, но я в порядке. Я думаю, это просто...

– О, боже мой, – проговорила мать, закрывая глаза.

– Но я не больна, это точно. Я не нуждаюсь в карантине. Меня просто последние несколько дней тошнит по утрам, но к обеду это проходит.

Глаза матери открылись. Она казалась ничуть не менее озабоченной. Вдруг все вокруг завертелось, и голос Сони стал слабым-слабым, словно доносился откуда-то издалека. Гласс едва смогла разобрать ее вопрос, вроде бы что-то насчет того, когда у нее в последний раз были...

Внезапно в замутненное сознание Гласс ворвался ужас. Она подняла глаза на Соню и увидела в глазах матери отражение этого ужаса.

– Гласс, – Сонин голос звучал хрипло, – ты беременна.

Глядя в лицо Люка, такое сочувствующее и понимающее, Гласс ощутила, как рухнул последний бастион ее самообладания.

– Прости, – Гласс попыталась сдержать всхлип, и у нее перехватило дыхание, – я должна была рассказать тебе, я просто... ну зачем нам обоим было умирать?

– Ох, Гласс... – Люк потянулся к ней и обнял. Гласс благодарно прильнула к нему, тая в таких знакомых объятиях, и слезы закапали на форменную гимнастерку. – Не могу поверить, – твердил он, – поверить не могу, что ты сама... Я знал, что ты отважная, но никогда не думал... Что с ним? – спросил он в конце концов, и Гласс прекрасно поняла, о чем он спрашивает. Вернее, *о ком*.

– Он... – Тяжело дыша, она сглотнула. Ей казалось, что ее сердце вот-вот разорвется, не в силах больше вмещать разом заполнившие его горе и облегчение. В конце концов она просто покачала головой. Слов не нашлось.

– О, господи, – прошептал Люк, сплетая свои пальцы с ее и крепко сжимая, – как жаль. – Он вздохнул. – Почему ты мне не рассказала обо всем в ночь своего побега? Я не понимаю. – Он закрыл глаза, словно стараясь изгнать что-то из своей памяти.

– Ты был с Камиллой. Я знаю, вы с детства хорошие друзья, ну и подумала... подумала, что ты наконец нашел девушку, которая сделала тебя счастливым. – Гласс улыбнулась и утерла слезы, все еще струившиеся по щекам. – Ты же заслужил это. После всего, что тебе пришлось со мной пережить...

Люк потянулся и заправил ей за ухо выбившуюся прядку волос.

– Во всей Вселенной лишь один человек может подарить мне счастье, и этот человек сидит сейчас рядом со мной. – Он смотрел на Гласс так, словно упивался ее видом. – В тот самый миг, когда я вновь увидел тебя, я понял, что Камилла... она всегда была настоящим другом, она и сейчас им остается, но не более того. Я должен ей это сказать, и скажу. А люблю я тебя, Гласс. Я никогда не переставал тебя любить. И никогда не перестану.

Подавшись вперед, он коснулся губами ее губ, вначале легко, чтобы она могла вспомнить и узнать эти губы. Гласс показалось, что время устремилось вспять, и она снова переживает миг своего первого поцелуя. Но этот миг пришел – и ушел. Люк прижался к Гласс, ее рот приоткрылся, и Люк впился в него поцелуем. В истоме она ощущала, как его рука скользит по ее волосам, опускается ниже и обвивает талию... Наконец Гласс отстранилась, и ее губы неохотно расстались с его губами.

– Я люблю тебя, – прошептала она те самые слова, которые давно отчаянно рвались с ее уст. «Я люблю тебя, люблю, люблю, люблю, люблю», пело все ее тело, когда Люк улыбнулся и снова прижал Гласс к себе.

Глава 17. Уэллс

Полдень давно миновал, а Кларк все не было. Она отсутствовала уже несколько часов. Одна из аркадийских девушек видела ее рано утром в лесу, и Уэллсу потребовалось все его самообладание, чтобы тотчас не броситься следом. От мысли о том, что она рискует собой, живот будто превращался в боксерскую грушу, по которой изо всех сил лупило его разыгравшееся воображение. При этом Уэллс не мог не признать, что Кларк, пожалуй, может позаботиться о себе лучше любого другого в их лагере, и прекрасно понимал, как важно отыскать пропавшие медикаменты. Не далее как вчера им пришлось вырыть еще одну могилу.

Он побрел к дальнему концу поляны, туда, где у них стихийно образовалось кладбище. Несколько дней назад Уэллс соорудил деревянные надгробия и установил их на каждом могильном холмике, как на старых фотографиях. Он хотел было вырезать на надгробиях имена, но не знал, как звали двух из пятерых ребят, что спали тут вечным сном, и отказался от этой затеи. Оставить некоторые могилы безымянными показалось ему нечестным.

Он вздрогнул и снова повернулся к могилам. Идея закапывать умерших поначалу казалась ему отталкивающей, но альтернативы все равно не было. Сжигать тела еще хуже. В Колонии принято хоронить умерших в открытом космосе, и это, конечно, гораздо опрятнее, но в мысли о том, чтобы собрать мертвых вместе на одном участке земли, было что-то утешительное. Даже в смерти никто из этих ребят не будет одинок.

И странно согревала мысль, что есть на свете место, куда можно прийти и сказать то, что не было сказано, пока человек был жив. Кто-то, может быть девушка с Уолдена, которую он видел среди деревьев, собрал упавшие ветви и разложил их у деревянных надгробий. По вечерам кладбище заливал мягкий свет, и оно казалось почти невероятно красивым. Наверное, было бы здорово, если бы на корабле тоже существовало такое место, где можно было бы поговорить с мамой, и это не казалось бы странным.

Уэллс взглянул в потемневшее небо. Он понятия не имел, сохранилась ли после аварии связь между ними и Колонией, но надеялся, что браслеты все еще транслируют данные о составе их крови и сердечной деятельности. Тогда те, кто отправил их в путь, смогут убедиться, что человек без опаски может жить на Земле, и вскоре начнут присылать сюда новые группы поселенцев. На какой-то миг он даже дерзнул надеяться, что среди них будут его отец и Гласс.

– Что ты тут делаешь?

Обернувшись, Уэллс увидел медленно приближающуюся к нему Октавию. Ее лодыжка быстро заживала, и девушка уже почти не хромала, хотя пока и не могла быстро ходить.

– Не знаю. Наверное, прощаюсь, – указал он на могилы. – Но я уже ухожу, – быстро добавил он, глядя, как она отбрасывает назад длинные темные волосы. – Сейчас моя очередь идти за водой.

– Я пойду с тобой, – Октавия улыбнулась, и Уэллсу стало неловко.

Длинные ресницы, придававшие ей столь невинный вид, когда она спала в палатке-лазарете, теперь добавляли ее огромным голубым глазам какого-то дикого первозданного блеска.

– Ты уверена, что это хорошая идея? Идти далеко, а твоя нога...

– Со мной *все в порядке*, – она дурашливо изобразила в голосе раздраженные нотки и зашагала рядом с Уэллсом. – Хотя ты очень милый, когда беспокоишься. Слушай, – она пошла быстрее, чтобы нагнать юношу, который, сам того не замечая, прибавил шагу, – просто смешно, что все так тащатся с того, что говорит Грэхем. Ты знаешь гораздо больше, чем он.

Уэллс подобрал у палатки-склада одну из пустых канистр и направился в сторону леса, туда, где недалеко от лагеря отыскался ручеек. Теперь все, кто был достаточно силен, чтобы

унести полную канистру, по очереди ходили за водой. По крайней мере, так было задумано. Хотя лично он много дней не видел за этим занятием, например, Грэхема.

Уэллс дошел до линии деревьев, а вот Октавия вдруг замешкалась.

– Ты идешь? – спросил он, оглядываясь через плечо.

Широко раскрыв глаза и запрокинув голову, Октавия разглядывала в наступающих сумерках смутные очертания деревьев.

– Иду. – Она поравнялась с Уэллсом, и ее голос стал тише: – Я еще ни разу не была в лесу.

Уэллс смягчился. Даже он порой испытывал страх неизвестности, хоть и мечтал большую часть своей жизни оказаться на Земле. Эти просторы, эти непривычные звуки, это чувство, что за пределами освещенного костром круга может прятаться что-то страшное... А ведь у него было время, чтобы подготовиться. Можно только догадываться, каково приходилось остальным, тем, кого прямо из камер погрузили на челнок, не дав им даже возможности толком понять, что происходит, и отправили на чужую планету, название которой было для них всего лишь пустым звуком.

– Осторожно, – сказал Уэллс, указывая на клубок корней, скрытый ковром пурпурных листьев, – земля тут очень неровная.

Он взял маленькую ладошку Октавии и помог девушке перелезть через поваленное дерево. Странно было думать, что нечто, лишённое пульса и крови, способно умереть, но влажная, отслаивающаяся кора наводила на мысли о мертвом теле.

– Так это правда? – спросила Октавия, когда они спускались по склону к ручью. – Ты действительно подставился под арест, чтобы попасть сюда вместе с Кларк?

– Полагаю, да.

Она с легкой завистью вздохнула:

– Я никогда в жизни не слышала ничего романтичнее.

Уэллс одарил ее кривой улыбкой:

– Поверь мне, это не так.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Октавия, склонив голову к плечу. Сейчас, среди лесных теней, она опять выглядела по-детски невинно.

Уэллс смотрел куда-то в сторону. Он внезапно понял, что совершенно не может поглядеть ей в глаза. Интересно, мрачно подумал он, что сказала бы Октавия, если бы знала правду. Ведь он вовсе не отважный рыцарь, который явился спасти принцессу. Он – причина, по которой она оказалась в заточении.

Уэллс снова глянул на свой нашейный чип. Он сидел тут всего две минуты, но за это время посмотрел на чип уже в четырнадцатый раз. Сообщение, которое некоторое время назад прислала ему Кларк, встревожило его, да и вообще последние несколько недель она вела себя как-то странно. Уэллс почти не видел ее, а во время тех нескольких встреч, которые у них все же были, девушку прямо-таки потряхивало от непонятного волнения.

Уэллс ничего не мог с собой поделать: он боялся, что она собралась с ним порвать, и если еще не сошел с ума от тревоги, то только потому, что знал – Кларк не станет давать ему отставку в библиотеке. Было бы слишком жестоко так ранить его тут, в том самом месте, которое они оба больше всего любили. Кларк не сможет так с ним поступить.

Услышав шаги, он поднялся на ноги, и над его головой снова зажегся свет. Он так долго сидел неподвижно, что библиотека забыла о его присутствии, и лампы потухли – все, кроме одной, аварийной, которая тускло светила на потолке. Вошла Кларк, все еще одетая в медицинский костюм. Обычно это вызывало у Уэллса улыбку. Ему нравилось, что Кларк не крутится часами перед зеркалом, занимаясь своей внешностью, как это принято у большинства девчонок Феникса, – но сегодня синяя куртка и штаны болтались на ней, как на вешалке, а под глазами залегли темные тени.

– Привет, – сказал Уэллс, шагнув вперед и легонько поцеловав Кларк в знак приветствия. Она не отстранилась, но и не ответила на поцелуй. – С тобой все в порядке? – спросил он, уже понимая, что это не так.

– Уэллс, – сказала она дрогнувшим голосом и заморгала, чтобы сдержать слезы. Его глаза тревожно округлились – обычно Кларк никогда не плакала.

– Эй, – пробормотал он, обнимая девушку и увлекая ее на диван. Ноги Кларк, казалось, подгибаются под тяжестью какого-то горя. – Все будет нормально, клянусь. Только расскажи мне, что случилось.

Кларк пристально смотрела на него, и он увидел, как желание довериться ему борется в ней со страхом.

– Ты должен пообещать, что никому ничего не расскажешь.

Он кивнул головой:

– Конечно же, обещаю.

– Я серьезно. Это не болтовня, а на самом деле вопрос жизни и смерти.

Уэллс сжал ее руку.

– Кларк, ты же знаешь, что мне можно рассказать абсолютно все.

– Я обнаружила... – Она вздохнула, закрыв на мгновение глаза, и начала снова: – Ты ведь знаешь, что мои родители исследуют радиацию?

Он опять кивнул. Ее родители отвечали за масштабное исследование, целью которого было выяснить, когда человечество сможет вернуться на Землю – если, конечно, это вообще будет возможно. Когда отец Уэллса заговаривал об экспедиции на Землю, юноша считал, что речь идет о каких-то отдаленных временах. Ему казалось, что такая затея – скорее мечта, чем реальный план. Но он знал и о том, как важна работа Гриффинов для Канцлера и для всей Колонии.

– Они ставят опыты на людях, – тихо сказала Кларк. По спине Уэллса пробежала волна озноба, но он ничего не сказал, лишь крепче сжал руку любимой. – Они экспериментируют на детях, – сказала – нет, почти прошептала Кларк. Ее голос звучал опустошенно, словно ее мысли так долго бегали по одному и тому же кругу, что утратили всякий смысл.

– На каких детях? – спросил он, пытаясь осмыслить сказанное.

– На незарегистрированных, – сказала Кларк, и ее полные слез глаза вдруг вспыхнули злобой. – На детях из детских центров, родителей которых казнили за нарушение демографического закона. – И Уэллс словно услышал произнесенные ею слова: «Этих людей убил твой отец». – Они такие юные... некоторые совсем маленькие... – Голос Кларк затих.

Она откинулась назад и, казалось, уменьшилась в размерах, будто эта страшная правда поглотила какой-то кусок ее тела.

Уэллс обнял ее за талию, и она не отстранилась, как обычно в последние несколько недель, а наоборот, прижалась к нему, склонив голову ему на грудь.

– Они все очень больны. – Уэллс чувствовал, что его рубашка стала влажной от ее слез. – А некоторые уже умерли.

– Мне так жаль, Кларк, – пробормотал он, пытаясь найти слова, которые прогнали бы ее боль. – Но я уверен, твои родители делают все, чтобы убедиться...

Он умолк. Тут все равно не помогут никакие слова. Нужно что-то делать, нужно положить этому конец, пока ее не сломили окончательно ужас и чувство вины.

– Что я могу сделать? – твердо спросил он.

Кларк отпрянула и уставилась на него. В ее глазах появился новый страх.

– Ничего, – сказала она с заставшей его врасплох решимостью. – Ты должен пообещать, что ничего не станешь делать. Родители взяли с меня клятву, что я никому не скажу. Они не хотят этого делать, Уэллс, и занимаются этим не по своей воле. Их угрозами заставил Вице-канцлер Родос. – Она взяла Уэллса за руку. – Обещай, что никому ничего не скажешь. Я про-

сто... – Она прикусила губу. – Я просто не могла это больше от тебя скрывать. Мне нужно было с кем-то поделиться.

– Обещаю, – сказал Уэллс, хотя сам уже пылал от ярости.

Этот скользкий гад не имел права делать такие вещи за спиной Канцлера. Уэллс подумал об отце, о человеке, который имеет четкие критерии добра и зла. Отец никогда не разрешил бы ставить опыты на людях. Он может немедленно положить этому конец.

Кларк снова опустила голову на грудь Уэллса, он обнял девушку и прошептал:

– Я люблю тебя.

Через час, проводив Кларк до дому, Уэллс в одиночестве пришел на обзорную площадку. Он ощущал острую потребность что-то *сделать*. Если в ближайшее время ситуация не изменится, угрызения совести уничтожат Кларк. Уэллс отказывается молча наблюдать гибель любимой.

Уэллс никогда раньше не нарушал обещаний. С самого нежного возраста отец внушал ему, что руководитель всегда держит свое слово. Но Уэллс вспоминал слезы Кларк и понимал – выбора у него нет.

Он развернулся и зашагал к кабинету отца.

Они наполнили канистру водой из ручья и двинулись в обратный путь к лагерю. Уэллс довольно долго односложно отвечал на вопросы Октавии о Кларк, а потом попросил ее прекратить этот разговор. Октавия сделалась угрюмой, и теперь Уэллса терзало чувство вины. Октавия была милой девушкой и явно хотела как лучше. Интересно, а как она тут оказалась?

– Ну, – сказал, нарушая молчание, Уэллс, – а из-за чего тебя арестовали?

Октавия изумленно уставилась на него.

– Неужели ты не слышал версию моего брата? – Она одарила Уэллса натянутой улыбкой. – Он так любит рассказывать, как я попала, когда воровала еду для малышни в моем детском центре – для бедных малюток, над которыми вечно все издеваются, отбирая их пайки? И как монстры из Совета, не моргнув глазом, засадили меня за это в Тюрьму.

Что-то в голосе Октавии заставило его выдержать паузу.

– Все так и было на самом деле?

– А какая разница? – спросила она так неожиданно устало, словно была гораздо старше своих четырнадцати лет. – Мы можем что угодно думать друг о друге. Если Беллами хочет верить в свою историю, я не могу ему этого запретить.

Уэллс остановился, чтобы поудобнее перехватить тяжелую канистру. Почему-то они оказались в незнакомой части леса. Деревья тут росли гуще, и Уэллс совершенно не узнавал местности.

– Мы заблудились? – заозиралась по сторонам Октавия, и в тусклом предвечернем свете Уэллс заметил панику на ее лице.

– Все будет нормально. Нужно только... – Он замолчал, потому что до его ушей внезапно донесся какой-то звук.

– Что это? – спросила Октавия. – Мы что...

Уэллс шикнул на нее и шагнул вперед, туда, откуда доносился треск ветвей. За деревьями что-то шевелилось, и он отругал себя за то, что вышел без оружия. Было бы здорово заявиться в лагерь с добычей: пусть знают, что не только Беллами способен охотиться. Звук повторился, и разочарование Уэллса превратилось в страх. Не добыть обеда еще полбеда, как бы им самим не превратиться в чей-нибудь обед.

Он уже подумывал схватить Октавию за руку и умчаться, но тут его взгляд зацепился за какой-то красновато-золотистый отблеск. Уэллс поставил на землю канистру и сделал несколько шагов вперед, шепнув Октавии:

– Стой тут.

Его взгляду открылась небольшая прогалинка между деревьев. С губ Уэллса уже почти сорвался оклик, но вдруг юноша застыл на месте.

Он увидел Кларк, которую обнимал не кто иной, как *Беллами*. То, как Кларк тянулась губами к этому парню с Уолдена, наполнило сердце Уэллса яростью. Оно пропустило удар, а потом яростно забилося в его груди.

Каким-то невероятным усилием Уэллс смог оторвать глаза от этой парочки и отпрянуть обратно под деревья, прежде чем приступ морской болезни заставил мир закружиться перед его глазами. Чтобы сохранить равновесие, ему пришлось ухватиться за ветку. Уэллс хватал ртом воздух, но легкие были пусты. Девушка, ради спасения которой он рискнул жизнью, целовала другого. Она целовала того самого отморозка, из-за которого его отец, возможно, уже мертв.

– Ух ты! – прозвучал совсем рядом голос Октавии. – Их прогулочка повеселее нашей.

Но Уэллс уже отвернулся и побрел в противоположном направлении. Он смутно осознавал, что за ним спешит Октавия, задавая какие-то вопросы про аптечку, но голос девушки был почти не слышен из-за пульсации крови в его голове. Ему не было никакого дела, отыскиались ли наконец медикаменты. В природе не существовало лекарства, которое могло бы вылечить его разбитое сердце.

Глава 18. Кларк

К тому времени, как Кларк и Беллами с найденной аптечкой добрались до лагеря, уже стемнело. Кларк провела в лесу всего несколько часов, но, когда она вернулась на поляну, ей показалось, что прошло несколько жизней.

Большую часть пути они молчали, но каждый раз, когда рука Кларк случайно задевала Беллами, по ее коже будто пробежал электрический разряд. Первые несколько минут после их поцелуя она была смущена, подавлена и, заикаясь, бормотала извинения, пока Беллами усмехался. В конце концов он со смехом оборвал ее невнятное бормотание, сказав, чтобы она ни о чем не беспокоилась.

– Я знаю, что ты не из тех девушек, которые бросаются в лесу на всех парней без разбора, – с озорной усмешкой сказал он, – хотя, может, лучше бы ты была как раз такой.

Но, когда они дошли до поляны, все мысли о поцелуе были вытеснены из ее головы неясными очертаниями палатки-лазарета. Кларк поспешила вперед, поправляя под мышкой контейнер с медикаментами.

Палатка была почти пуста, в ней оставались лишь метавшаяся в бреду Талия и, к изумлению Кларк, Октавия, которая как раз устраивалась на своей старой койке.

– Остальные палатки такие *маленькие*, – сказала Октавия, но Кларк лишь кивнула в ответ.

Она швырнула на пол аптечку, наполнила шприц и вонзила иглу в руку Талии, а потом снова повернулась к аптечке в поисках болеутоляющего. Быстро вколов Талии дозу анальгетика, она улыбнулась, глядя, как расслабилось во сне лицо подруги.

Постояв несколько минут на коленях у постели Талии, Кларк с облегчением вздохнула, когда поняла, что пульс больной выровнялся. Бросив мимолетный взгляд на браслет на запястье, она подумала: а что, если где-то там, в небесах, кто-то сейчас мониторит ее собственный сердечный ритм? Доктор Лахири, к примеру, или какой-нибудь другой высокопоставленный врач, который каждый день, словно сводку новостей, читает жизненные показатели каждого из них. Конечно, в Колонии уже знают, что пятеро поселенцев умерли... Интересно, подумала Кларк, эти смерти списаны на радиационный фон или небесные врачи догадались, что виной всему – неудачная посадка? Она даже не знала, какой из этих вариантов кажется ей более предпочтительным. С одной стороны, ей совершенно не хотелось, чтобы Земля оказалась под юрисдикцией Совета. Но ее мать и отец посвятили свои жизни тому, чтобы человечество могло вернуться домой. Колонизация Земли означала бы, что ее родители добились успеха. Что их смерть не была напрасной.

Наконец Кларк убрала медикаменты обратно в аптечку и пристроила ее в угол палатки. Завтра она определит для лекарств постоянное место, но сейчас можно наконец отдохнуть. Если кто-то на самом деле следит из космоса за состоянием ее организма, то он, наверное, чертовски удивлен тому, как она устала. На подкашивающихся ногах Кларк добрела до койки и рухнула в постель, не потрудившись даже разуться.

– С ней все будет в порядке? – спросила Октавия.

Ее голос доносился словно откуда-то издалека. Кларк еле-еле смогла приоткрыть глаза и пробормотать «да».

– А что еще есть в аптечке? – не унималась Октавия.

– Все, – сказала Кларк.

Ну или попыталась сказать. К тому времени, как слова слетели с ее губ, мозг уже отключился. Она еще отследила, как Октавия поднялась со своей койки, а потом провалилась в глубокий сон без сновидений.

Проснувшись на следующее утро, Кларк обнаружила, что Октавия ушла, а в дверной проем палатки льется яркий свет.

Талия лежала на боку, она все еще спала. Кларк со стоном поднялась на ноги. После вчерашнего похода все мышцы словно одеревенели и болели. Но это была хорошая боль. К тому же Кларк побывала в таких местах, куда уже три столетия не ступала нога человека. Но она тут же вспыхнула от мысли о еще одном собственном «достижении» – теперь она первая после Катаклизма девушка, поцеловавшая парня на планете Земля.

Улыбнувшись, Кларк поспешила к Талии. Она не могла дождаться, когда подруга достаточно поправится, чтобы узнать все новости. Дотронувшись тыльной стороной ладони до лба Талии, Кларк с облегчением отметила, что он уже не такой горячий, как прошлой ночью, и осторожно сдвинула одеяло, чтобы осмотреть рану. Кожа на животе по-прежнему была воспалена, но сепсис, похоже, удалось остановить. После курса антибиотиков Талия наверняка полностью поправится.

Трудно было определить точно, но, ориентируясь на солнечный свет, Кларк предположила, что, с тех пор как она ввела Талии дозу антибиотика, прошло около восьми часов. Кларк направилась к оставленной в углу аптечке, слегка хмурясь от того, что та оказалась открыта. Девушка присела на корточки, резко вздохнула и поморгала в надежде, что собственные глаза сыграли с ней злую шутку.

Контейнер был пуст. Антибиотики, обезболивающие препараты, даже шприцы – все исчезло.

– Нет, – прошептала Кларк.

В аптечке ничего не было.

– Нет, – снова сказала она, вскакивая на ноги и перерывая постельные принадлежности на ближайшей койке и на своей собственной. Все было тщетно.

Взгляд Кларк остановился на койке Октавии, и паника мгновенно сменилась жгучим подозрением. «Ну же!» – бормотала она, копаясь в грудe одеял на постели сестры Беллами, но содержимого аптечки там не было.

«Нет». Она топнула ногой. Медикаментов в палатке нет, это ясно как день. Но тот, кто их забрал, не мог уйти далеко. На этой планете было менее ста человек, и Кларк не успокоится, пока не найдет вора, из-за которого жизнь Талии снова оказалась под угрозой. Скорее всего, долго искать не придется.

Быстро осмотрев квартиру и убедившись, что отца с матерью нет дома, Кларк поспешила к дверям лаборатории и ввела код. Она постоянно ждала, что родители поменяют пароль, но они то ли не догадывались, как часто дочь навещает лабораторию, то ли не хотели ей мешать. Возможно, им нравилось, что Кларк проводит время с несчастными детьми.

По пути к кровати Лилли Кларк улыбалась остальным «пациентам», хотя ее сердце сжималось от того, что большинство из них были без сознания. Почти все дети выглядели очень плохо, и с ее последнего визита многие койки опустели.

Подходя к Лилли, она постаралась выбросить из головы все эти мысли, но вот ее взгляд остановился на подруге, и руки немедленно задрожали.

Лилли умирала. Она едва приподняла веки, когда Кларк шепотом окликнула ее по имени, и слабо пошевелила губами, но с них не слетело ни звука.

На ее коже прибавилось красных пятен, хотя большинство из них теперь не кровоточило – видимо, у Лилли просто не было сил их расчесывать. Кларк села рядом и, борясь с тошнотой, смотрела, как неровно вздымается и опускается грудь подруги. Она знала, что самое худшее только начинается. Другие дети пребывали в этой стадии неделями, и с каждым днем страшных симптомов прибавлялось – это радиация пожирала их тела.

На миг Кларк представилось, как она тащит подругу в медицинский центр: даже если уже слишком поздно, чтобы спасти Лилли жизнь, сильные болеутоляющие препараты могли бы облегчить ее страдания. Только это было равносильно тому, чтобы попросить Вице-канцлера казнить ее родителей. А потом он просто найдет кого-то еще, чтобы завершить исследования, которые начали ее папа с мамой. Кларк могла надеяться только на то, что их исследования принесут неоспоримые результаты. Тогда эксперимент можно будет остановить, и подопытным детям не придется больше страдать напрасно.

Полупрозрачные веки Лилли поднялись.

– Привет, Кларк, – шепнула она, и на ее лице начала было расцветать улыбка, которую тут же смел новый приступ боли.

Кларк взяла руку Лилли и нежно сжала ее пальцы.

– Привет, – прошептала она. – Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, – солгала Лилли. Она попыталась сесть и поморщилась от боли.

– Тебе необязательно садиться, – коснувшись ее плеча, сказала Кларк, – лежи.

– Но я хочу сесть, – натужно произнесла Лилли.

Кларк осторожно помогла подруге усесться и поправила у нее за спиной подушки. Когда пальцы Кларк нечаянно коснулись спины Лилли, она с трудом подавила дрожь, потому что под землистой кожей прощупывался каждый позвонок.

– Как тебе понравилась антология Диккенса? – спросила Кларк, заглянув под кровать – там хранилась книга, которую она стащила из библиотеки.

– Я прочла только первую историю. Про Оливера Твиста, – Лилли слабо улыбнулась Кларк. – Мое зрение... – Она умолкла.

Они обе знали, что проблемы со зрением у подопытных означали близкий конец.

– Но мне все равно не понравилось. Напоминает детский центр.

Кларк никогда не спрашивала, как жила Лилли до того, как попала в лабораторию, – ей почему-то казалось, что подруге будет неприятно об этом говорить.

– Все было так плохо? – осторожно спросила она.

Лилли пожала плечами.

– Мы все заботились друг о друге, ведь больше у нас никого не было. Ну, кроме одной девочки, у нее был *брат*. Представляешь, настоящий старший брат. – Внезапно покраснев, она опустила глаза. – Он был такой славный... приносил ей всякие хорошие вещи – еду, ленточки...

– Правда? – спросила Кларк, делая вид, что верит рассказу о мифическом старшем брате, и убирая с влажного лба Лилли прядь волос. Даже сейчас, когда болезнь зашла так далеко, в Лилли жила склонность к мелодраме. – Кажется, он действительно хороший, – неопределенно пробормотала она, а ее взгляд тем временем метнулся к залысинам на голове Лилли. Не заметить их было уже невозможно.

– Ладно, – напряженным голосом сказала Лилли, – расскажи про твой день рождения. Что ты собираешься надеть?

Кларк почти забыла о том, что через неделю ее день рождения. У нее не было настроения праздновать.

– Ну, знаешь, наверное, я надену свой лучший хирургический костюм, – с показной беспечностью сказала она. – Я уж лучше потусуюсь тут с тобой, чем пойду на какую-то глупую вечеринку.

– Нет, Кларк, – с притворным раздражением сказала Лилли, – ты должна что-нибудь устроить, а то окончательно превратишься в зануду. К тому же я хочу, чтоб ты рассказала о своем праздничном платье. – Внезапно она застонала и согнулась пополам от боли.

– Что с тобой? – спросила Кларк, касаясь худенького предплечья Лилли.

– Больно, – простонала та.

– Я могу чем-то тебе помочь? Может, хочешь воды?

Лилли открыла глаза, в них была мольба:

– Ты можешь прекратить это, Кларк. – Она снова застонала. – Пожалуйста, прекрати это. Ведь это только вопрос времени...

Кларк отвернулась, чтобы Лилли не увидела ее слез.

– Все будет в порядке, – прошептала она, выдавливая фальшивую улыбку, – я обещаю тебе.

Лилли всхлипнула, замолчала, откинулась назад и закрыла глаза.

Кларк получше прикрыла ее одеялом, стараясь игнорировать возникающие в мозгу дьявольские мысли. Она знала, о чем просит Лилли. И выполнить ее просьбу будет нетрудно. Сейчас больная была так слаба, что, подобрав сочетание обезболивающих, можно легко прекратить ее муки. И тогда она уйдет без страданий.

«О чем только я думаю?!» – ужаснувшись, спросила себя Кларк. Как будто ей мало крови на руках ее родителей и непременно нужно обагрить собственные руки. Она заражена всем этим кошмаром, он превращает ее в чудовище. А может быть, это вина ее родителей. Может быть, внутри нее всегда жила тьма, жила и ждала своего часа.

Она уже собралась уходить, когда Лилли снова подала голос.

– Пожалуйста, – взмолилась она. – Если ты любишь меня, пожалуйста. – В ее тихом голосе было столько отчаяния, что Кларк испугалась. – Просто прекрати все это.

На дальнем краю поляны Беллами колот дрова. Хотя утро выдалось прохладным, его футболка уже насквозь промокла от пота. Кларк постаралась не обращать внимания на то, как она обтягивает его мускулистую грудь. Увидев, что Кларк спешит в его сторону, он отложил топор и улыбнулся. Когда Кларк подбежала к нему и остановилась перевести дыхание, Беллами сказал:

– Ну привет! Не можешь держаться от меня подальше, верно?

Шагнув к Кларк, он приобнял было ее за талию, но она шлепнула его по руке и спросила:

– Где твоя сестра? Я не могу ее найти.

– Зачем она тебе? – Игривость мигом исчезла из его голоса. – Что стряслось?

– Пропали медикаменты, которые мы с тобой нашли. – Собираясь с силами, чтобы продолжить, Кларк глубоко вздохнула. – Я думаю, их взяла Октавия.

– *Что?* – Его глаза превратились в щелки.

– Кроме нее, в лазарете ночью посторонних не было, а она, кажется, просто заиклилась на препаратах...

– Нет, – грубо оборвал ее Беллами. – Из всех хреновых преступников на этой хреновой планете ты решила обвинить в воровстве именно мою сестру? – Он смотрел на Кларк, и глаза его пылали гневом. Но когда он заговорил снова, его голос был спокоен: – Я думал, ты другая. Но я ошибался. Ты просто еще одна тупая сучка с Феникса, которая воображает, что все знает лучше остальных.

Он пнул топором и молча ушел.

На мгновение ноги Кларк словно вросли в землю, и она застыла, слишком ошарашенная словами Беллами, чтобы уйти. Но потом девушка почувствовала, как где-то внутри нее закипают слезы, и, сорвавшись с места, она помчалась к лесу. Пошатываясь, влетела она под сень деревьев; горло перехватило, и Кларк рухнула на землю, обхватив руками колени и прижав их к груди, чтобы унять тоску в сердце.

Оставшись в одиночестве в тени ветвей, она сделала кое-что еще, чего никто не делал на Земле в последние триста лет. Она заплакала.

Глава 19. Беллами

Беллами приостановился, чтобы поправить на плече убитую им птицу. Противостояние с Кларк так взбаламутило его, что он схватил свой лук и, ни секунды не раздумывая, бросился в лес. Только подстрелив у ручья птицу, он начал успокаиваться. Это был хороший трофей – подстрелить того, кто летает, труднее, чем того, кто передвигается по земле, и ему впервые удалось это сделать, – а птичьи перья прекрасно подойдут для новых стрел. Когда они с Октавией уйдут из лагеря, он возьмет их с собой.

Только вернувшись на поляну, Беллами вдруг осознал, что не видел Октавию с раннего утра, и почувствовал укол беспокойства: перед уходом ему следовало убедиться, что с сестрой все в порядке.

Костер уже горел, и, когда Беллами вышел на поляну, к нему повернулась дюжина лиц. Но никто не улыбнулся. Он поправил на плече птичью тушку, чтобы дать им полюбоваться своей добычей. Но почему, черт их дери, они так на него пялятся?

Чей-то сердитый крик привлек его внимание к кучке ребят на дальнем краю поляны, у обломков челнока. Они сгруппировались вокруг чего-то, лежащего на земле. Он резко выдохнул, заметив, как это «что-то» шевелится.

Беллами пригляделся, и его замешательство утонуло в ярости, подобной которой он не испытывал никогда в жизни.

На земле лежала *Октавия*.

Швырнув тушку птицы на землю, Беллами бросился бежать.

– С дороги, – крикнул он, прорываясь в центр круга.

Октавия лежала на траве, и по ее щекам текли слезы.

Над ней с безумным блеском в глазах стоял Грэхем и несколько аркадийцев.

– *А ну прочь от нее!* – завопил Беллами, прорываясь к сестре.

Но, прежде чем он успел добраться до Октавии, чья-то рука обвилась вокруг его шеи, почти вдавив кадык в дыхательное горло, и Беллами, захрипев, начал, как безумный, озираться по сторонам. Прямо перед ним стоял Уэллс с холодным и жестким выражением лица.

– Что за черт?! – прошипел Беллами. – Убирайся!

Уэллс не двинулся с места, и Беллами, стиснув зубы, бросился на сына Канцлера, но кто-то сзади схватил его за ворот и дернул назад.

– Да отвяжитесь! – выпалил Беллами, и его локоть ударил стоящего сзади так сильно, что тот крякнул и выпустил ворот.

Октавия все еще лежала на земле. Когда она посмотрела вверх, на стоящих над ней Беллами и Грэхема, переводя взгляд с одного на другого, ее глаза округлились от ужаса.

– Лучше скажите, что здесь происходит, и *поскорее*, – процедил сквозь зубы Беллами.

– Я слышал, как вы с Кларк говорили о пропавших медикаментах, – раздражающе спокойно произнес Уэллс. – Никто, кроме Октавии, о них не знал. Значит, она их и забрала.

– Ничего я не брала, – Октавия всхлипнула, вытерла лицо тыльной стороной ладони и хлопнула носом. – Они все с ума посходили. – Неуверенно поднявшись на ноги, она шагнула к Беллами.

– Никуда ты не пойдешь. – Грэхем схватил Октавию за запястье и вывернул ей руку.

– Пусти ее! – заорал Беллами, бросаясь на Грэхема, но путь ему заступил Уэллс, а кто-то еще завернул ему руку за спину. – Не трогайте меня! – Беллами яростно отбивался, но в него вцепилось слишком много рук, и он не мог освободиться от их хватки. – Подумайте сами, – Беллами изо всех сил старался, чтоб его голос звучал уверенно, – она получила травму во время посадки. Вы что, правда считаете, что у нее хватило сил стырить лекарства и утащить их подальше от лагеря?

– Сил на то, чтоб гулять со мной по лесу, у нее вчера хватило, – холодно ответил Уэллс. – Мы вместе с ней ушли довольно далеко.

Беллами снова рванулся, пытаясь освободиться от хватки множества рук. Слова Уэллса привели его в бешенство. Если этот урод хоть пальцем посмел коснуться его сестры...

– Давай полегче, – сказал Уэллс.

Он кивнул парню с Уолдена, и тот шагнул вперед, держа в руках моток веревки.

– Тогда скажи этой сволочи, чтобы убрал руки от моей сестры, – злобно произнес Беллами.

Неожиданно откуда-то появилась Кларк.

– Что тут творится? – пробираясь через толпу, спросила она. Ее глаза расширились, когда она увидела Октавию. – С тобой все нормально? – Октавия покачала головой, и слезы снова покатались по ее лицу.

– Пусть Октавия просто скажет, куда она дела лекарства, – спокойно проговорил Уэллс, – и будем считать, что мы во всем разобрались.

– Нету у меня их! – нервно крикнула Октавия.

– Мы знаем, что ты врешь, – зашипел Грэхем. – От твоего вранья тебе же хуже будет.

Октавия взвизгнула от боли, когда он сильнее сжал ее запястье, а Беллами опять забился, пытаясь вырваться.

– Что вы собираетесь делать? – спросил Беллами, обращаясь к Уэллсу. – Вы хотите нас связать?

– Верно, – разжал челюсти Уэллс. – Октавия будет под арестом, пока не скажет, куда дела медикаменты, или пока мы не найдем улики, указывающих на кого-то еще.

– Ах, под арестом? – Беллами демонстративно оглядел поляну. – И как же вы собираетесь это сделать?

Кларк с напряженным лицом шагнула вперед.

– Я все равно провожу большую часть дня в лазарете, – отрывисто заговорила она. – Можно держать Октавию там. Я не спущу с нее глаз. Улизнуть она точно не сможет.

– Ты это серьезно? – хохотнул Грэхем. – Она увела лекарства у тебя из-под носа, а теперь ты намерена не спускать с нее глаз?

Кларк угрюмо повернулась к нему:

– Грэхем, если тебе этого мало, можешь поставить под дверь охрану.

– Это же нелепо, – Беллами трясло от изнеможения, которое пришло вслед за приступом гнева. – Посмотрите на нее, – сказал он, – для кого она может быть опасна? Развяжите ее, и я прослежу, чтобы она никуда не делась.

В поисках сочувствия он окинул взглядом лица стоявших вокруг ребят. Наверняка кто-то из них понимает, какая фигня тут происходит. Но никто не захотел встретиться с ним взглядом.

– Вы все тут чокнулись. – Беллами повернулся к Грэхему, и его рот скривился. – Это ты ее подставил. Ты украл эти лекарства.

Грэхем, хмыкнув, бросил взгляд на Ашера:

– Я же говорил тебе, что он так скажет.

Небо становилось все темнее, облака укутывали его серым одеялом. Беллами глубоко вдохнул:

– Ладно. Верьте, во что хотите, только отпустите Октавию, и мы уйдем из лагеря. Насо всем. Мы даже не возьмем ничего из ваших драгоценных припасов. – Он посмотрел на сестру, но ее мордашку исказил шок. Она явно была не в восторге от подобной перспективы. – И вы сможете забыть о нас навсегда.

Лицо Кларк на мгновение исказила гримаска боли, вновь сменившаяся застывшим выражением стальной решимости. Она это переживет, горько подумал Беллами. Станет таскаться по лесам с кем-нибудь другим.

– Не думаю, что это возможно, – насмешливо сказал Грэхем. – Не раньше, чем мы получим назад лекарства. Мы не можем допустить, чтобы еще кто-то умер только потому, что твоя маленькая сестричка – наркоманка.

Обвинение, словно плеткой, ожгло нервы Беллами. Он готов был придушить Грэхема за такие слова.

– Хватит, – сказала Кларк, протестуя поднимая руку и трясая головой. – Я хочу вернуть лекарства больше, чем любой из вас, но препирательства тут не помогут.

– Ладно, – сдался Беллами, – только я сам отведу ее в палатку. И никто ее больше пальцем не тронет, ясно? – Наконец освободившись, он подошел к Октавии, взял ее за руку и поймал взгляд Грэхема. – Ты об этом пожалеешь, – сказал Беллами низким, опасным, голосом.

Обняв дрожащую сестру, он с мрачной решимостью повлек ее к медицинской палатке. Он сделает все, что понадобится, чтобы ее защитить. Так было всегда.

За последние несколько месяцев это был уже третий визит охранников. Они стали приходить чаще, чем год назад, а Октавия росла. Беллами, хоть и старался не думать о будущем, ясно понимал: они не смогут прятать сестру бесконечно.

– Не могу поверить, что они не посмотрели в шкаф, – хрипло сказала мать, глядя на Октавию. Беллами на руках нес ее на диван. – Слава богу, она не заплакала.

Беллами осмотрел сестренку с ног до головы. Она вся была такая маленькая, начиная от крошечных, одетых в носочки ступней и кончая невозможно миниатюрными пальчиками. Исключением были только ее пухлые щеки да огромные глаза, всегда блестящие от слез. Однако она никогда не плакала. Нормально ли для двухлетки быть такой тихой? Неужели она каким-то образом понимает, что случится, если ее найдут?

Беллами уселся рядом с Октавией, которая повернула головенку и уставилась на него своими сине-голубыми глазами. Он потянулся и потрогал ее блестящий темный локон. Мордашка сестры выглядела точь-в-точь как лицо кукольной головы, которую он нашел среди всякого старья в заброшенном складском помещении. Он хотел взять голову домой, чтоб Октавия могла с ней поиграть, но решил, что правильнее будет выручить за нее в Обменнике несколько рационных баллов. К тому же он сомневался, полезно ли ребенку играть с кукольной головой без тела, как бы хороша эта голова ни была.

Октавия схватила его палец своей малюсенькой ручкой, и Беллами усмехнулся.

– Эй, отдай, – сказал он, изображая испуг.

Октавия заулыбалась, но не хихикнула. Он не мог припомнить, чтобы хоть когда-то слышал ее смех.

– Это было так близко... – забормотала себе под нос мать, расхаживая взад-вперед по комнате. – Так близко... так близко... так близко...

– Мама, что с тобой? – спросил Беллами, чувствуя подступающую панику.

Мать подошла к раковине. Несмотря на то что сего дня утром давали воду, там все еще громоздилась посуда. Он не успел все перемыть до прихода охранников, и теперь, чтобы это сделать, придется ждать пять долгих дней.

Из коридора послышался далекий грохот и взрыв смеха. Мать ахнула и осмотрелась по сторонам.

– Посади ее обратно в шкаф.

Беллами загородил Октавию рукой.

– Все нормально, – сказал он. – Охранники только-только ушли. Теперь их некоторое время не будет.

Мама шагнула вперед, в ее округлившихся глазах плескался ужас.

– Убери ее отсюда!

– Нет, – сказал Беллами, соскальзывая с дивана и становясь между матерью и Октавией. – Это не охранники, просто кто-то тусуется в коридоре. Незачем ее прятать.

Октавия захныкала, но сразу замолчала, когда мать задержала на ней дикий взгляд и забормотала: «О нет, о нет, о нет-нет-нет», запустив руки в растрепанную шевелюру. Она прислонилась к стене и со стуком сползла на пол.

Оглянувшись на Октавию, Беллами медленно подошел к матери и осторожно опустился перед ней на колени.

– Мам?

В нем опять рос страх, новый, совсем не такой, как тот, что терзал его во время инспекции охранников. Где-то в желудке возник холодный, парализующий ужас, от которого стыла в жилах кровь.

– Ты не понимаешь, – слабо сказала мать, глядя в пространство над головой Беллами, – они собираются убить меня. Забрать тебя и убить меня.

– Куда забрать? – дрожащим голосом спросил Беллами.

– Не обе сразу, – прошептала мама, ее глаза смотрели в никуда, – не обе сразу. – Она моргнула, сфокусировав, наконец, взгляд на Беллами. – У тебя может быть либо мать, либо сестра.

Глава 20. Гласс

Гласс преодолела последний лестничный марш и свернула в свой коридор, не опасаясь, что охрана задержит ее за нарушение комендантского часа. Ей казалось, будто она летит, и ее легкие шаги едва ли нарушали покой тихого коридора. Она поднесла руку к губам, еще хранящим память о поцелуях Люка, и улыбнулась.

В четвертом часу ночи корабль был пуст, коридорные лампы светили тускло. Расставание с Люком вызвало у нее почти физическую боль, но лучше уж перетерпеть это, чем попасться матери. Если достаточно быстро лечь спать, возможно, удастся убедить собственный разум, что Люк, теплый и сонный, свернулся калачиком рядом с ней.

Она поднесла большой палец к сенсорной панели и скользнула в дверь.

– Здравствуй, Гласс, – прозвучал с дивана голос матери.

Гласс сбилась с дыхания.

– Привет, я... я была... – промямлила она, подбирая слова.

Ее разум лихорадочно выискивал убедительный повод для ночной отлучки. Но она не могла больше лгать. Не могла. Особенно о Люке.

Бесконечно долгий миг прошел в молчании. В темноте Гласс не могла разглядеть выражение маминого лица, но чувствовала, что та сбита с толку и рассержена.

– Ты ведь была *с ним*, не так ли? – наконец спросила Соня.

– Да, – с облегчением сказала Гласс; наконец-то ей незачем больше врать. – Мам, я люблю его.

Соня шагнула вперед, и Гласс поняла, что на матери до сих пор черное вечернее платье, а ее губы подведены помадой. В воздухе витал почти неуловимый, исчезающий, аромат ее духов.

– А где ты была сегодня вечером? – устало спросила Гласс.

Все было точь-в-точь как год назад. С тех пор как ушел ее отец, мама редко обреталась где-то поблизости, постоянно отлучалась по ночам и частенько отсыпалась днем. Но сейчас у Гласс не было сил стыдить мать или сердиться на ее поведение. Все, что она почувствовала, – это легкая грусть.

Сонины губы искривились в изуверской пародии на улыбку.

– Ты понятия не имеешь, на что мне пришлось пойти, чтобы защитить тебя, – вот все, что она сказала. – Ты должна держаться от этого парня подальше.

– От этого *парня*? – переспросила Гласс. – Я знаю, ты думаешь, он просто...

– Хватит, – отрезала мать. – Неужели ты не понимаешь, как тебе повезло, что ты до сих пор здесь? Я не допущу, чтоб ты погибла из-за какого-то уолденского засранца, который вначале совращает девушек с Феникса, а потом бросает их.

– Он не такой! – пронзительно выкрикнула Гласс. – Ты же его даже не знаешь!

– Он тебя не поберег. Ты была готова пойти на смерть, чтобы его защитить. Да он, наверно, забыл тебя, пока ты сидела в Тюрьме.

Гласс передернуло. А ведь правда, когда она оказалась в Тюрьме, Люк начал встречаться с Камиллой. Но Гласс не могла осуждать его за это, ведь, отчаянно стараясь обезопасить любимого, она сама порвала с ним, наговорив при этом ужасных гадостей.

– Гласс, – Соня так старалась говорить спокойно, что ее голос дрожал, – прости, что я была так резка. Но пока Канцлер все еще в палате интенсивной терапии, ты должна быть очень осторожна. Если, придя в себя, он найдет хоть один повод отменить твое помилование, он это сделает. – Она вздохнула. – Я не могу позволить тебе снова рисковать собой. Неужели ты уже забыла, что недавно произошло?

Конечно же, Гласс ничего не забыла. Воспоминания, как шрамы от браслета на ее коже, останутся с ней на всю оставшуюся жизнь.

А мама даже не знает всей правды.

Когда Гласс миновала контрольно-пропускной пункт и пошла по крытому мосту на Уолден, охранники проводили ее странными взглядами, но она не обратила на это никакого внимания. Пусть, если им хочется, думают, что она намерена купить наркоты. Они все равно не придумают ей более страшного наказания, чем та мука, на которую она сейчас идет.

Время шло к вечеру, и коридоры, к счастью, были почти пусты. Люк вот-вот вернется с утреннего дежурства, а Картер еще будет сортировать пищевые брикеты в распределительном центре. Гласс знала, что это глупо, – Картер ненавидел ее, и вряд ли его ненависть усилится, когда она разобьет сердце Люка, – но все равно не могла решиться на разговор, зная, что в соседней комнате кто-то есть.

Перед дверью она помедлила, рассеянно коснувшись рукой живота. Она должна это сделать именно сейчас. Слишком много раз у нее не хватало сил начать этот разговор. Слишком много раз она набиралась отваги, чтобы порвать с ним, но ужасные слова не шли с губ. «В следующий раз, – снова и снова обещала она себе. – Мне просто необходимо еще раз увидеть его».

Но теперь ее живот заметно округлился. Даже на половинном рационе Гласс все труднее было прятать отяжелевшую фигуру под бесформенными платьями – Кора вечно хихикала в рукав от одного их вида. Скоро беременность станет заметна, и тогда не избежать вопросов. Совет будет требовать, чтобы она назвала отца. Если к тому времени она не расстанется с Люком, он непременно во всем признается в надежде спасти ее, и тогда они оба погибнут.

«Ты спасаешь его жизнь», – сказала себе Гласс и постучала в дверь, понимая, что последний раз стоит перед этой дверью. В последний раз сейчас увидит она улыбку Люка – он всегда улыбается ей так, словно она единственная девушка во всей Вселенной... И слова, которые она только что произнесла, показались ей пустым звуком.

Но, когда дверь открылась, в дверном проеме стоял вовсе не Люк. Это был Картер, одетый лишь в простые рабочие штаны.

– А его нет, – рявкнул Картер.

Глаза его сузились, и Гласс покраснела.

– Ой, прости, – сказала она, отступая. – Я зайду попозже.

Но Картер вдруг шагнул вперед и схватил ее за руку, больно сжав запястье.

– Что за спешка? – спросил он с усмешкой, от которой Гласс замутило. – Зайди и подожди. Я уверен, он скоро будет.

Заходя следом за Картером в комнату, Гласс морщилась и потирала запястье. Она и забыла, какой Картер высокий.

– Ты сегодня не на работе? – вежливо спросила она, присаживаясь на краешек дивана, где они обычно устраивались вместе с Люком.

Сердце сжалось, когда она подумала, что ей больше не придется сидеть положив голову ему на плечо. И что он никогда снова не положит голову ей на колени, а она не зароется пальцами в его волосы...

– Настроения не было, – беззаботно отмахнулся Картер.

– О, – протянула Гласс, воздерживаясь от комментариев. Если Картер не возьмется за ум, его опять понизят, а ниже работы в распределительном центре только сантехническая служба. – Очень жаль, – добавила она, потому что совершенно не понимала, что тут можно еще сказать.

– Ничего тебе не жаль, – сказал Картер, делая глоток из бутылки без этикетки. Гласс потянула носом и уловила запах виски с черного рынка. – Ты такая же жопа с глазками, как все остальные девки с Феникса. Всем вам есть дело только до себя.

– Знаешь, мне пора, – сказала Гласс, поспешно вставая и направляясь к выходу. – Передай Люку, что я зайду попозже...

– А ну подожди, – окликнул Картер.

Гласс, не обращая на это внимания и не оглядываясь, дернула дверную ручку, но, прежде чем она успела выйти, Картер протянул руку над ее плечом и захлопнул дверь.

– Выпусти меня! – велела Гласс, поворачиваясь к нему лицом.

Картер осклабился, и по хребту Гласс пробежали мурашки.

– Почему же? – спросил он, хватая ее за руки своими ручищами. – Мы оба знаем, как тебе нравится оттягиваться на Уолдене. Не надо прикидываться привередливой.

– Что ты несешь? – выпалила Гласс, морщась от боли и пытаясь вырваться из его хватки.

Он нахмурился и сильнее сжал ее руки.

– Думаешь, ты такая бунтарка, раз спуталась с Люком? Но я знавал кучу девчонок с Феникса вроде тебя. Все вы одинаковые. – Крепко держа ее одной рукой, он потянулся другой к поясу ее брюк.

– Прекрати, – сказала Гласс, пытаясь оттолкнуть его, в то время как по ее жилам расплывался ужас. Она добавила громче: – Перестань! Пусти меня!

– Все нормально, – пробормотал Картер и дернул ее на себя, одновременно выворачивая руку.

Гласс попыталась освободиться, но он был больше чем вдвое тяжелее, и у нее ничего не вышло, как она ни старалась. Тогда, отчаянно дернувшись, она постаралась ударить его коленом в живот. Тоже безуспешно.

– Не бойся, – пыхтел ей в ухо Картер, – Люк возражать не станет. Он у меня в долгу, после того что я для него сделал. К тому же у нас *все* общее.

Гласс открыла рот, чтобы закричать, но Картер всем телом навалился на нее, и в легких совсем не осталось воздуха. Перед глазами заплескали черные пятна, и она почувствовала, что падает в обморок.

В этот миг дверь отворилась; Картер так быстро отпрянул в сторону, что Гласс потеряла равновесие и рухнула на пол.

– Гласс, – сказал, заходя в квартиру, Люк, – что с тобой? Что тут происходит?

Пока Гласс пыталась отдышаться, чтобы ответить, подал голос Картер. Он успел уже улечься на диван и принять нарочито непринужденную позу:

– Твоя девчонка показывала мне, как модно сейчас танцевать на Фениксе. – Он хмыкнул. – Думаю, ей бы надо еще чуток потренироваться.

Люк попытался поймать взгляд Гласс, но она смотрела в сторону. Ее сердце бешено стучало от страха и ярости, кровь бурлила от адреналина.

– Прости, я задержался. Встретил Беку и Али, ну и заболтались, – Это были друзья Люка из инженерного корпуса, которые всегда хорошо относились к Гласс. Люк протянул руку, чтоб помочь ей подняться. – Эй, да что с тобой? – быстро спросил Люк, когда Гласс не приняла его руки.

После всего произошедшего Гласс больше всего на свете хотелось броситься в объятия Люка, прижаться к нему, ощутить тепло его тела и убедиться, что теперь все будет хорошо. Но она пришла сюда сегодня не за этим. Она не может позволить Люку ее успокаивать.

– С тобой все хорошо? Может, поговорим в моей комнате?

Гласс бросила взгляд на Картера, собрала всю накопившуюся злобу и ненависть и позволила им хлынуть в кровь. Потом она встала.

– Я не пойду в твою комнату, – сказала она, и в ее голосе зазвучал непривычный надрыв. – Никогда больше не пойду.

– Почему? Что не так? – спросил Люк. Он мягко потянул Гласс за руку, но та вырвалась. – Гласс? – В его голосе звучала такая растерянность, что сердце Гласс заколотилось, как сумасшедшее.

– Все кончено, – сказала она, поражаясь холодности собственного голоса. Гласс охватило какое-то странное оцепенение: наверное, это нервы временно отказались ей служить, уберегая от горя, которое иначе, несомненно, раздавило бы ее. – Ты что, правда думал, что это надолго?

– Гласс, – низким напряженным голосом сказал Люк, – я не очень понимаю, что ты такое говоришь, но не могли бы мы продолжить этот разговор в моей комнате?

– Нет. – Пряча глаза, чтоб Люк не увидел ее слез, Гласс изобразила дрожь отвращения. – Я вообще не могу поверить, что тебе когда-то удалось меня туда затащить.

Люк замолчал, Гласс не выдержала и глянула на него.

Люк смотрел на нее полными боли глазами. Он всегда боялся, что недостаточно хорош для Гласс, что лишает ее шансов на безбедную, комфортную жизнь на Фениксе. И вот теперь эти страхи становятся реальностью, и Гласс подтверждает то, что всегда отрицала.

– Это правда? – наконец спросил Люк. – Я думал, мы... Гласс, я люблю тебя, – беспомощно закончил он.

– А я никогда тебя не любила, – она заставила себя сказать это с такой силой, что слова словно бы вырвались из самых глубин ее души. – Не видно разве? Я просто развлекалась, мне было интересно, сколько я смогу с тобой продержаться. Все, наигралась. Скучно стало.

Люк взял Гласс за подбородок и повернул лицом к себе: их глаза встретились. Она чувствовала, как его пытливый взгляд ищет настоящую Гласс, которая пряталась сейчас где-то в самых потаенных уголках ее сердца.

– Ты говоришь неправду, – надломленным голосом сказал он. – Я не знаю, что случилось, но это не твои слова. Гласс, расскажи все как есть. Пожалуйста.

На миг Глас дрогнула. Она может сказать ему правду. Конечно, он все поймет, он простит, что она наговорила ему таких кошмарных вещей. Она положит голову ему на плечо, и они сделают вид, что все будет хорошо. Вместе они смогут встретиться с будущим лицом к лицу.

Но потом она подумала, что тогда Люка, возможно, казнят. Смертельная инъекция – и холодная бесконечная пустота открытого космоса.

Спасти Люка можно, только порвав с ним.

– А ты вообще меня не знаешь, – сказала она, уворачиваясь. Боль, горячая и острая, рвала на куски грудь, и только колоссальным усилием воли Глас удерживалась от слез. – Вот, – Гласс растегнула цепочку на шее и вложила в ладонь Люка медальон, – он мне больше не нужен.

Люк молча смотрел на нее. Каждая черточка его лица исказилась от потрясения и боли.

Будто в тумане, Гласс, хлопнув дверью, выскочила из квартиры Люка и помчалась по коридору к крытому мосту, сосредоточившись на звуках собственных шагов. Левой, правой, левой, правой... «Просто потерпи до дома, – сказала она себе, – дома ты сможешь поплакать».

Но, свернув за угол, она пошатнулась и сползла на пол, обеими руками прикрывая живот. «Прости», – тихонько шепнула она, обращаясь то ли к нерожденному ребенку, то ли к Люку, то ли к собственному несчастному, разбитому сердцу.

Глава 21. Кларк

В палатке-лазарете сгустилось такое напряжение, что Кларк почти физически ощущала, как оно давит ей на грудь, затрудняя дыхание.

Кларк тихо сидела возле Талии, которая тщетно боролась с инфекцией. Воспаление уже проникло в почки больной и подбиралось к печени, и Кларк молча кипела от ярости, проклинавшая эгоизм Октавии. Как она может так спокойно наблюдать страдания то и дело ныряющей в забытые Талии и не вернуть украденные лекарства?

Но, покосившись в тот угол, где скорчилась Октавия, Кларк заколебалась. Сестренка Беллами с ее круглыми глазками, пухлыми щечками и густыми ресничками казалась такой до нелепости юной, что злость Кларк уступила место сомнениям и терзаниям. Может быть, Октавия и правда ни при чем? Но кто же тогда это сделал?

Взгляд Кларк упал на браслет на запястье. Если Талия сможет продержаться до следующей волны колонистов, то поправится. Но никто понятия не имел, когда она будет, эта волна. Что бы ни происходило на Земле, Совет наверняка не отправит новую экспедицию, пока не удостоверится, что радиация на планете понизилась до безопасного уровня.

Она знала, что смерть Талии, так же как и смерть Лилли, ничего не значит для Совета. Сироты и преступники в расчет не идут, они всего лишь подопытные кролики.

Кларк смотрела, как тяжело дышит Талия, и в ней снова поднималась добела раскаленная ярость. Девушка не могла просто сидеть и смотреть, как умирает ее подруга. Ведь люди как-то жили до того, как был открыт пенициллин, и как-то лечили болезни! Она попыталась припомнить то небольшое, что узнала о растениях Земли из школьного курса биологии. Правда, неизвестно, как теперь эти растения выглядят – после Катаклизма все так странно изменилось, – но стоило хотя бы попытаться.

– Я скоро вернусь, – шепнула она спящей подруге.

Не сказав ни слова стоявшему на страже парню с Аркадии, Кларк вышла из лазарета и направилась в сторону леса. Чтобы не привлекать ненужного внимания, девушка не стала ничего брать из складской палатки. Она не прошла еще и десятка метров, как услышала знакомый голос:

– Куда ты? – Это Уэллс поравнялся с ней и зашагал рядом.

– Поискать лекарственные растения.

Она слишком устала, чтобы врать ему сейчас, к тому же это все равно не имело смысла: он всегда чувствовал, когда она лжет. Почему-то самодовольство, которое делало Уэллса слепым, когда дело касалось очевидных истин, не мешало ему читать в душе Кларк.

– Я пойду с тобой.

– Спасибо, я лучше сама, – сказала Кларк, ускоряя шаг, словно это могло помочь отделаться от парня, который преследовал ее по всей Солнечной системе. – Тебе лучше остаться тут на случай, если какой-нибудь разъяренной толпе вдруг понадобится вожак.

– Ты права, вчера вечером все слегка вышло из-под контроля, – нахмурившись, отозвался Уэллс. – Я не собирался навредить Октавии, просто хотел помочь. Я же знаю, что тебе нужны лекарства для Талии.

– Ты *просто* хотел помочь. Я как-то раз уже это слышала. – Кларк резко повернулась и очутилась лицом к лицу с Уэллсом. Сейчас у нее не было ни сил, ни времени, чтобы сдержаться и не резануть правду-матку. – Отгадай когда. Тогда тоже кое-кто оказался по твоей милости в заключении.

Уэллс встал как вкопанный, и Кларк сразу отвернулась, не в силах смотреть, как наполнились болью его глаза. Она не даст ему разбудить в ней чувство вины. Никакие ее слова не причинят ему и сотой части той боли, которую он причинил ей.

Глядя прямо перед собой, Кларк вошла в лес. Она была почти уверена, что сейчас за ее спиной раздастся звук шагов, но все было тихо.

К тому времени, когда Кларк добрела до ручья, ярость, с которой она входила в лес, сменилась отчаянием. Ученый в ней был уязвлен ее же наивностью. Было невероятной глупостью полагать, что ей удастся распознать растения, которые она шесть лет назад видела на школьных занятиях. Не говоря уже о том, что за последние три столетия их внешний вид мог радикально измениться. Но она не повернула назад, отчасти из упрямства и гордости, а отчасти – из желания как можно дольше не видеть Уэллса.

Было слишком холодно, чтобы идти вброд, поэтому Кларк поднялась на высокий берег и пошла по краю обрыва в поисках какой-нибудь переправы. Она впервые так далеко одна ушла от лагеря. Тут все было иначе, даже воздух, казалось, был не таким, как возле их поляны: он обладал каким-то *вкусом*. Кларк закрыла глаза в надежде, что это поможет ей идентифицировать каждый аромат в отдельности из того странного букета запахов, что окружал ее со всех сторон. У нее не было слов, чтобы описать эти запахи. Это было сродни попытке вспомнить нечто, чего никогда не знал.

Земля тут была ровнее, чем в тех частях леса, где она побывала раньше, а деревья словно выстроились в прямые линии по обе стороны от Кларк. Они как будто чувствовали ее присутствие и расступались, образуя широкий проход, чтобы дать ей дорогу.

Кларк потянулась к дереву за листком, похожим на звезду, но вдруг замерла, потому что ее глаза ослепил внезапный отблеск света. Что-то между двумя огромными деревьями отразило лучи уже угасавшего солнца.

Она сделала еще шаг, и ее сердце учащенно забилось.

Это было окно.

Кларк потихоньку пошла вперед. Ее не оставляло чувство, что точно так же она двигалась в собственных сновидениях. Окно обрамляли два дерева, выросшие на руинах... чего? Она не знала, чем некогда было это здание. Само стекло не было абсолютно прозрачным. Подойдя ближе, Кларк увидела, что окно состояло из отдельных разно цветных стеклышек, которые некогда составляли какое-то изображение. Разобрать, какое именно, было невозможно из-за множества больших и маленьких трещинок, пересекавших его поверхность.

Кларк протянула руку и осторожно провела рукой по стеклу, вздрогнув от холода, который ощутили ее пальцы. Это было все равно, что дотронуться до трупа. На мгновение ей захотелось, чтобы рядом был Уэллс. Не важно, насколько она на него сердита, – ей ни за что не хотелось лишить его возможности увидеть руины. Ведь он мечтал об этом всю жизнь.

Она повернулась и обошла вокруг одного из исполинских деревьев. За ним было еще одно окно, на этот раз – разбитое: на земле сверкало множество острых осколков. Кларк шагнула вперед и присела на корточки, чтобы заглянуть внутрь. Окаймленное зазубренными краями отверстие было достаточным, чтобы в него мог пролезть человек. Солнце только-только начало садиться, и его оранжевые лучи, казалось, светили прямо в оконный проем, освещая нечто, выглядевшее как деревянный настил. Каждая клеточка мозга Кларк, все ее инстинкты вопили, чтобы она уносила ноги, но девушка не могла заставить себя уйти.

Стараясь не порезаться об острые осколки, Кларк протянула руку в дыру и провела рукой по дереву. Ничего не случилось. Тогда она постучала по настилу кулаком и закашлялась от поднимающейся в воздух пыли. Деревянный пол казался прочным. Кларк подождала, раздумывая. Это здание простояло очень долго, наверняка пол сможет выдержать ее вес.

Очень осторожно Кларк перенесла внутрь одну ногу, потом – вторую и замерла, стараясь не дышать, но ничего не случилось. Потом она посмотрела вверх, огляделась по сторонам, и ее дыхание снова перехватило.

Стены здания вздымались ввысь, сходясь воедино высоко-высоко над головой: даже крыша над соляными плантациями не была такой высокой. Тут оказалось не так темно, как ей вначале померещилось, – оказывается, в стенах были окна, множество окон из прозрачного стекла, и эти окна не разбились. Через них в помещение проникали солнечные лучи, освещая миллионы танцующих в воздухе пылинок.

Кларк медленно поднялась на ноги. Впереди были невысокие перила, они тянулись параллельно настилу примерно на уровне ее талии. Девушка сделала несколько неуверенных шагов вперед, ахнула и вздрогнула от разбуженного ее голосом эха, отозвавшегося откуда-то сверху.

Она стояла на нависающем над огромным помещением балконе. Внизу было почти совсем темно, возможно, потому, что большая часть здания находилась в подzemелье, однако Кларк смогла разглядеть ряды скамей. Она не посмела подойти ближе к краю балкона, но, когда ее глаза привыкли к темноте, она смогла рассмотреть кое-что еще.

Человеческие останки.

Сперва она подумала, что ей просто мерещится, что ее подсознание и темные тени сыграли с ней злую шутку. Она закрыла глаза и приказала себе не быть такой дурушкой. Но, когда она снова посмотрела вниз, картина осталась прежней.

Два скелета прислонились друг к другу на одной из скамей, а третий, поменьше, лежал у их ног. Если никакая внешняя сила не сдвинула с места их кости, значит, эти люди умерли, прижимаясь друг к другу. Может быть, они пытались согреться, когда небеса потемнели, и настала ядерная зима? Сколько же людей осталось умирать в этом месте?

Кларк сделала еще шаг вперед, и тут дерево опасно закрипело. Девушка на миг замерла, а потом начала медленно и осторожно отступать назад. Но тут тишину разорвал громкий треск, пол внезапно накренился и ушел у нее из-под ног.

Она отчаянно взмахнула руками и вцепилась в край балкона. Перила вместе с остатками настила полетели вниз. Кларк повисла над пропастью, а обломки со стуком падали на каменный пол где-то далеко под ее болтающимися в пустоте ногами.

Кларк закричала, ее громкий бессловесный вопль взлетел под крышу и растворился в вышине, присоединившись к призракам других, некогда звучавших здесь, криков, которые, казалось, до сих пор витали под этими пыльными сводами. Ее пальцы начали разжиматься.

«Помогите!» Кларк собрала все свои силы, ее руки тряслись от напряжения, но она неуклонно соскальзывала вниз. Она снова начала было кричать, но в легких уже не оставалось воздуха, и с ее губ так и не слетело одно-единственное слово – имя Уэлса.

Глава 22. Уэллс

Крик словно плетью ожег каждый нерв его тела, и Уэллс сорвался с места. Идти за Кларк по лесу было непросто, приходилось держаться на почтительном расстоянии – заметив слежку, она пришла бы в ярость. Но теперь он словно летел над травой, не чуя под собой ног, и в считанные мгновения очутился возле разбитого окна. Тут воздух рассек новый пронзительный крик.

– Кларк! – заорал он, заглядывая в разбитое окно.

Внутри развалин было темно, но времени, чтобы вытащить фонарик, у него просто не оставалось. Прямо перед собой он различил вцепившиеся в выступ пальцы. Уэллс нырнул внутрь, с грохотом приземлившись на деревянную платформу, и скользнул вперед на животе. Перегнувшись через край, он одной рукой схватил Кларк за запястье, а другой зацепился за каменную стену.

– Я держу тебя, – крикнул он.

Оказалось, он поспешил с выводами. Одна рука Кларк разжалась, и удержать девушку сразу стало почти непосильно тяжело. Он почувствовал, что сам скользит к краю.

– Кларк, – снова крикнул он, – держись!

С огромным трудом ему удалось сесть и упереться одной ногой в стену. Рука вспотела, и он почувствовал, что его хватка слабеет.

– Уэллс, – закричала Кларк.

Ее голос эхом отразился от стен, словно в опасности была не одна Кларк, а сто.

Юноша стиснул зубы и потянул Кларк на себя, вздохнув от облегчения и изнеможения, когда ее вторая рука снова зацепилась за выступ.

– Я почти вытащил тебя. Давай!

Локти Кларк уже были на деревянной платформе, и Уэллс смог, нагнувшись, подхватить ее под мышки и втащить на настил. Оба они рухнули без сил у каменной стены.

Кларк всхлипывала, пытаясь отдышаться.

– Все в порядке, – сказал, обнимая ее, Уэллс, – ты цела.

Он ожидал, что Кларк высвободится, но вместо этого она прижалась к его груди. Уэллс крепче обнял девушку.

– Как ты тут оказался? – послышался из кольца его рук приглушенный голос. – Я думала... я надеялась...

– Я шел за тобой, потому что беспокоился, – сказал ей в волосы Уэллс. – Не могу допустить, чтоб с тобой что-нибудь стряслось. Не важно что.

Он произнес эти слова, ни на секунду не задумавшись, и понял их абсолютную искренность, лишь когда они сорвались с его губ. Даже если она целовалась с другим парнем, даже если она хотела связать жизнь с кем-то другим – он всегда будет рядом, чтобы прийти на помощь, когда это понадобится.

Кларк ничего не ответила, по-прежнему прижимаясь к нему. Уэллс обнимал ее и боялся сказать еще хоть слово, чтоб не спугнуть очарование момента, и чувствовал, как в душе растет тихая радость. Может быть, у него есть шанс вернуть любимую. Возможно, тут, на развалинах старого мира, они смогут начать что-то новое.

Глава 23. Беллами

Пусть для начала эти сволочи поголодают. Потом, когда они ослабеют от недоедания и приползут молить о прощении, он, так и быть, возможно, снова отправится на охоту. Но им все равно придется довольствоваться белками или еще какой-нибудь мелочью – пусть не ждут, что он станет убивать для них оленей.

Беллами провел бессонную ночь, не спуская глаз с палатки-лазарета: ему нужна была абсолютная долбаная уверенность, что никто даже близко не подойдет к сестре. Утро застало его вышагивающим по периметру лагеря. Энергия слишком распирала Беллами, чтобы он мог спокойно усидеть на одном месте.

Потом ноги понесли его в лес, и он ощутил, как в тени деревьев все тело облегченно расслабилось. За последние несколько недель он привык ценить общество деревьев больше, чем человеческую компанию. Его волосы шевельнул холодный ветерок. Беллами вздрогнул и поднял глаза. Кусочки неба, что виднелись среди ветвей, стали серыми, да и воздух вдруг изменился, стал каким-то влажным. Беллами опустил голову и пошел дальше. Может, Земля уже устала от бардака, который они тут устроили, и теперь готовит им новую ядерную зиму.

Он повернул по направлению к ручью, где обычно встречались следы животных. Но вдруг в нескольких метрах сбоку, среди деревьев, что-то мелькнуло, привлекая его внимание, и он остановился.

Что-то ярко-красное колыхалось на ветру. Возможно, это просто листок дерева, вот только поблизости других таких листьев видно не было. Беллами прищурился, сделал несколько шагов вперед, и в затылке у него странно закололо. Это была ленточка Октавии, та, которой она любила украшать прическу. Это было совершенно невозможно, ведь сестренка несколько дней не была в этой части леса. Но Беллами не мог ошибиться. Он где угодно узнал бы эту ленту. Есть вещи, которые невозможно забыть.

Коридоры были темны, когда Беллами стрелой мчался вверх по лестнице. Находиться вне дома после начала комендантского часа было чревато серьезными неприятностями, поэтому он спешил. Сегодня он пробрался по воздуховоду, слишком узкому для взрослого человека, в заброшенное складское помещение на палубе С, полное всевозможных сокровищ. Он нашел там шляпу, увенчанную забавной птичкой, коробку с надписью «восемь минут для пресса», что бы это ни значило, и красную ленточку. Она была обернута вокруг ручки странной сумки на колесиках. Свои находки Беллами обменял на рационные баллы – все, кроме ленты. Он не расстался бы с ней даже в обмен на месячный запас продовольственных брикетов. Беллами хотел подарить ее Октавии.

Приложив большой палец к сканеру, он осторожно отворил дверь и замер: внутри что-то двигалось. Это было ненормально, потому что в такое время мама обычно спала. Он тихонько шагнул вперед, просто чтобы лучше слышать, и слегка расслабился, когда его слух уловил знакомые звуки. Мама пела Октавии ее любимую колыбельную. Она обычно садилась на пол у дверцы шкафа и напевала, пока сестренка не уснет. Беллами вздохнул с облегчением. Вроде бы она в нормальном настроении и не станет на него орать или, того хуже, не начнет плакать. Когда у нее начинался приступ рыданий, Беллами всякий раз мечтал забраться в шкаф и сидеть там вместе с Октавией, пока мать не успокоится.

Пройдя в большую комнату, Беллами улыбнулся, увидев, что мама стоит на коленях возле шкафа.

Спи, дочурка, ай-лю-лю,
Тебе звездочку куплю.

Куплю звездочку одну,
А еще куплю луну...

В темноте раздался какой-то странный звук – это был сдавленный хрип. Вентиляция, что ли, снова шалит? Он сделал еще шаг вперед.

А когда луна зайдет,
Твоя очередь...

Беллами снова услышал сдавленный звук, который на этот раз был скорее похож на всхлип.

– Мам? – Он сделал еще шаг.

Мать склонилась над чем-то, лежащим на полу.

– Мам! – взвыл Беллами и бросился вперед.

Руки матери обхватили шейку Октавии, и даже в темноте Беллами разглядел, что лицо сестренки посинело.

Он оттолкнул мать и схватил Октавию на руки. Один жуткий, леденящий сердце миг он был уверен, что сестра мертва, но потом она вздрогнула и закашлялась. Беллами вздохнул, и его сердце пустилось в галоп.

– Мы просто играли, – слабым голосом сказала мама. – Она не могла заснуть. Поэтому мы стали играть.

Беллами крепче прижал к себе Октавию. Успокаивая ее, он тупо смотрел в стенку, и его охватило странное чувство. Он не совсем понимал, чего хотела мама, но точно знал – она непременно попробует сделать это снова.

Беллами встал на цыпочки и потянулся к ленте. Его пальцы нащупали знакомый сатин, и он понял, что ленточка не зацепилась за ветку, нет – она к чему-то привязана. Может, кто-то нашел ленту в лесу и привязал ее к дереву, чтобы она не пропала? Но что помешало просто принести свою находку в лагерь? Он рассеянно провел рукой по ветке, ощущая, как кора царапает кожу, и вдруг замер. Там, где должен был начинаться ствол, его пальцы наткнулись на что-то непонятное. Может быть, это птичье гнездо?

Беллами ухватился за край находки, потянул – и в ужасе понял, что на него сыплется содержимое аптечки, которую они с Кларк недавно принесли в лагерь. Таблетки, шприцы, пузырьки – все это в беспорядке валялось на траве у его ног. Мысли Беллами замесались, ища объяснений – каких угодно, лишь бы остановить растущую в душе панику.

Беллами со стоном опустился на траву. Значит, все правда. Октавия действительно украла медикаменты и спрятала их на дереве, а свою ленточку для волос использовала как ориентир. Он только не мог понять, зачем ей это понадобилось. Может быть, сестра хотела обезопасить их обоих на случай болезни и собиралась взять аптечку с собой, когда они отправятся в путь?

Но тут в его ушах снова зазвучали слова Грэхема: «Мы не можем допустить, чтобы еще кто-то умер только потому, что твоя маленькая сестричка – наркоманка».

Парнишка, который стоял на страже у палатки-лазарета, спал. Он едва успел вскочить на ноги и пробормотать: «Эй, туда нельзя!» – когда Беллами откинул полог и вошел внутрь. Быстро осмотревшись, он убедился, что в палатке нет никого, кроме раненой подруги Кларк, и направился к койке Октавии. Сестра сидела на постели, скрестив по-турецки ноги, и заплетала косу.

– Что за хрень ты вытворяешь, а? – прошипел он.

– Ты о чем? – В ее голосе звучала смесь скуки и раздражения.

Словно они снова были в детском центре, и он, как обычно, спрашивал, сделала ли она уроки.

Беллами швырнул в сестру лентой и поморщился, увидев ужас на ее лице.

– Я не... – забормотала она, – это не...

– Завязывай с этим дерьмом, – рявкнул Беллами. – Пока ты тут плетешь свои хреновы косички, эта девчонка умирает прямо у тебя перед носом.

Взгляд Октавии метнулся к Талии и переместился на пол.

– Я же не знала, что ей на самом деле так плохо, – тихо проговорила она. – Кларк ведь уже дала ей лекарство. Я потом поняла, что ей еще нужно, но было уже поздно. Я не могла признаться, ты же видел, какие они были злующие. Они что угодно могли со мной сделать. – Октавия снова подняла взгляд: ее темно-голубые глаза наполнились слезами. – Даже ты меня теперь ненавидишь, хоть ты и мой брат.

Беллами, вздохнув, уселся рядом с сестрой.

– Я не ненавижу тебя. – Он взял ее руку в свои и тихонько сжал. – Я просто не понимаю. Зачем ты это сделала? Пожалуйста, скажи правду.

Октавия молчала. Беллами почувствовал, как ее ладошка увлажнилась и начала дрожать.

– О? – Он выпустил ее руку.

– Мне нужно было, – тоненьким голоском отозвалась сестра. – Я без них спать не могу. – Она помолчала, закрыв глаза. – Вначале это было только по ночам. Мне снились эти ужасные сны, и нянечка в детском центре давала мне лекарство, чтоб я могла уснуть. Но потом стало еще хуже. Иногда я даже дышать не могла, мне казалось, что весь мир на меня наваливается, и давит, и плющит... А нянечка больше не давала таблеток, даже когда я просила, и тогда я стала красть их. Только от них мне становилось легче.

Беллами уставился на нее:

– Так вот что ты украла? – спросил он, прозревая. – Вовсе не еду для малышей в детском центре, а *колеса*?

Октавия молча кивнула, в ее глазах стояли слезы.

– О, – вздохнул Беллами, – почему ты мне ничего не сказала?

– Я же знаю, как сильно ты за меня переживаешь. – Она набрала в грудь побольше воздуха. – Я знаю, как ты все время стараешься, чтобы со мной не случилось ничего плохого. Я не хотела, чтоб ты почувствовал себя неудачником.

Где-то в сердце Беллами зародилась боль. Он не знал, что ранило его сильнее: то, что сестра стала наркоманкой, или то, что она побоялась сказать ему правду из-за его маниакального ослепляющего желания присматривать за ней. Когда он в конце концов заговорил, голос его был хриплым:

– И что нам теперь делать? – спросил он. Впервые в жизни он не знал, как поступить, чтобы помочь сестре. – Что будет, если мы вернем лекарства?

– Я справлюсь. Мне только нужно научиться обходиться без них. Тут мне уже стало легче. – Октавия взяла брата за руку и посмотрела на него странным, почти умоляющим взглядом. – Ты жалеешь, что пришел?

– Нет, – качая головой, твердо сказал Беллами, – мне просто нужно время, чтобы это переварить. Он встал и еще раз посмотрел на сестру: – Но ты должна сделать так, чтоб Кларк получила лекарства назад. Ты сама должна обо всем ей рассказать, понятно? Я серьезно говорю, О.

– Я знаю, – Октавия кивнула и перевела взгляд на Талию. – Скажу ей сегодня вечером.

– О'кей, – и Беллами, вздохнув, вышел из палатки и зашагал по полю.

Добравшись до деревьев, он глубоко вдохнул, и влажный воздух наполнил легкие, исцеляя боль в груди. Он запрокинул лицо, и его пылающей кожи коснулся ветер. Небо в просветах между кронами деревьев было теперь темным, почти черным. Внезапно там, наверху, сверк-

нула зазубренная вспышка, и вслед за ней раздался ужасный грохот, от которого содрогнулась земля. Беллами подпрыгнул от неожиданности. С поляны послышались испуганные крики, но их тут же заглушил еще один рокочущий раскат, еще громче предыдущего, будто само небо рухнуло на землю.

А потом сверху стало что-то падать. Капли жидкости быстро покрыли кожу, волосы, просочились под одежду... Это дождь, понял Беллами, настоящий дождь. Он опять поднял лицо, и на миг его благоговение заглушило все остальное – злость на Грэхема, Уэллса и Кларк, беспокойство за сестру, крики придурков, которым невдомек, что дождь безвреден... Беллами закрыл глаза, позволяя воде смыть с его лица грязь и пот, и разрешил себе представить, что она унесет и кровь, и слезы, и то, что они с Октавией так друг друга подвели... Можно будет сделать новую попытку, начать все с чистого лица.

Беллами открыл глаза. Он знал, что его надежды нелепы. Дождь – это всего лишь вода, и в природе не существует никаких «чистых листов». А тайны надо хранить всю жизнь, и не важно, чего это будет стоить.

Глава 24. Гласс

Гласс шла по крытому мосту, и на ее сердце тяжелым камнем лежало страшное осознание того, что мама права. Она не может рисковать, не может позволить себе ни единого опрометчивого шага: не ради себя – ради Люка. Что, если Канцлер очнется, отменит ее помилование, а Люк сгруппит и расскажет всю правду о ее беременности? История снова повторялась, и она знала, что сделает тот же выбор. Ее выбор всегда останется неизменным – она будет защищать парня, которого любит.

Она избегала Люка несколько дней, но не была уверена, заметил ли он это, – в последнее время его постоянно вызывали из-за каких-то чрезвычайных происшествий. Наконец они договорились о встрече у него на квартире. Мысль о том, что Люк встретит ее с улыбкой, заставляла сердце Гласс сжиматься. В конце концов, на этот раз не будет ни лжи, ни мистификаций – она просто скажет ему всю правду, как бы трудно это ни было. Может быть, он снова сумеет утешиться с Камиллой, и все вернется на круги своя. Эта мысль поразила ее, как нож в сердце, но Гласс продолжала идти, не обращая внимания на боль.

Она приблизились к дальнему концу крытого перехода, и ее взгляд остановился на кучке людей у контрольно-пропускного пункта. Несколько охранников беседовали, стоя тесным кружком; рядом перешептывались люди в штатском, указывая на что-то в длинном панорамном окне, ограничивающем коридор с одной стороны. Гласс вдруг узнала кое-кого из охраны – это были ребята из команды Люка, члены элитарного инженерного корпуса. Бека, женщина с седеющими волосами, шевелила пальцами в воздухе перед лицом, манипулируя голодиаграммой. Рядом с ней стоял Али, темнокожий парень с ярко-зелеными глазами, устремленными на изображение, с которым работала Бека.

– Гласс! – тепло окликнул ее Али, когда она приблизилась. Он сделал несколько шагов ей навстречу и взял ее руку в свои. – Как здорово с тобой встретиться! Как ты?

– Я... все хорошо, – в замешательстве пробормотала она.

Что они о ней знают? Они приветствуют ее как бывшую подружку Люка? Или считают, что она – чванливая соплюха с Феникса, разбившая сердце их товарищу? Или думают, что встретили беглянку из Тюрьмы? В любом случае, Али был к ней добрее, чем она того заслуживала.

Бека коротко улыбнулась Гласс и вернулась к своим диаграммам, хмурясь на какой-то сложный трехмерный чертеж.

– А где Люк? – спросила, оглядевшись по сторонам, Гласс.

Если они все еще на дежурстве, Люка тоже дома нет.

Али с усмешкой указал на окно:

– Люк снаружи.

Гласс медленно повернулась: каждая клеточка ее тела, казалось, превратилась в лед. Она уже знала, что сейчас увидит. Два человека в скафандрах парили за окном, и к ним от корабля тянулся тонкий трос. За спиной у каждого был инструментальный ящик, а на руках – специальные перчатки, при помощи которых они перемещались снаружи вдоль крытого моста.

Словно в трансе, Гласс медленно двинулась вперед и прижалась лицом к окну. Она с ужасом наблюдала, как люди в скафандрах кивнули друг другу и ушли ниже уровня окна. Подразделение Люка отвечало за ремонтные работы, но, когда они начали встречаться, Люк был всего лишь младшим членом команды. Гласс знала, что его повысили, но понятия не имела, что он теперь участвует в работах за пределами Колонии.

У нее закружилась голова при мысли о том, что Люк находится снаружи, а между ним и космосом – лишь до смешного тонкий трос да герметичный скафандр. Чтобы не упасть, она ухватилась за перила и вознесла к звездам беззвучную мольбу сохранить его невредимым.

Она две недели не выходила из дому. Бесформенная широкая одежда уже не могла замаскировать ее, с пугающей скоростью меняющуюся, фигуру и выпирающий живот. Гласс не знала, как долго еще мать сможет ее выгораживать. Она перестала отвечать на сообщения друзей, и те в конце концов прекратили их слать. Все, кроме Уэллса, – он связывался с ней каждый день.

Гласс достала свой мессенджер, чтобы перечитать записочку, которую он прислал сегодня утром.

«Я понимаю, у тебя что-то случилось, и надеюсь, что ты знаешь – я всегда готов помочь, если надо. Даже если ты не хочешь (или не можешь) отвечать мне, я буду писать тебе бредовые письма, ведь что бы там у тебя ни стряслось, ты всегда останешься моим лучшим другом. И я никогда не перестану по тебе скучать».

Дальше шел рассказ о том, что Уэллс разочаровался в офицерских курсах, а в конце были какие-то загадочные намеки на таинственные неприятности с Кларк. Гласс надеялась, что там все не слишком плохо – Кларк должна понимать, как ей повезло, ведь на всем Фениксе не сыскать парня круче и милее Уэллса. Но самым крутым и милым парнем Колонии все равно оставался Люк. Люк, которого не было больше в ее жизни.

Гласс все еще оставалась в здравом уме только благодаря новой жизни, что росла внутри нее. Положив руку на живот, она снова и снова шептала ребенку – сыну, она была уверена, что это сын, – как сильно любит его.

В дверь внезапно постучали, и Гласс поспешно встала в надежде успеть запереться в спальне, но три охранника уже ворвались в дом.

– Гласс Соренсон, – рявкнул один из них, глядя на ее откровенно выпирающий живот, – вы арестованы за нарушение Доктрины Геи.

– Пожалуйста, позвольте мне объяснить, – волна паники накрыла ее, и она задохнулась.

Комната закружилась перед глазами, все слова перепутались, и Гласс уже не понимала, какие из них она произнесла вслух, а какие лишь кружились в ее воспаленном сознании.

Тем временем один из охранников с быстротой молнии скрутил ей руки за спиной, а второй надел наручники.

– Нет, – всхлипнула Гласс. – Пожалуйста. Это вышло случайно. – Она изо всех сил уперлась ногами в пол, но толку с этого не было, и охранники потащили ее к выходу.

Тогда в ней разыгрались какие-то дикие, архаичные инстинкты. В безумной попытке освободиться она врезала одному из охранников ногой по голени и добавила локтем в горло. Но тот лишь сильнее сжал ее плечо и потащил по коридору к лестничной площадке.

Осознание того, что она никогда больше не увидит Люка, вдруг ударило Гласс с силой кузнечного молота, и из ее груди вырвалось рыдание. Ноги внезапно подкосились, она попыталась сохранить равновесие, поскользнулась, и державший ее охранник шарахнулся в сторону.

«Я смогу», – подумала Гласс и, воспользовавшись его замешательством, отчаянно рванулась вперед. В этот короткий, безумный, яркий миг в ней, перекрывая панику, вспыхнула надежда.

Это ее шанс. Она должна сбежать.

Но тут охранник схватил ее сзади, она ударилась плечом, оступилась и покатилась вниз по узкой, тускло освещенной лестнице с твердыми ступенями.

А потом пришла темнота...

Когда Гласс вновь открыла глаза, все ее тело болело. Колени, плечи, живот...

Живот! Гласс попыталась дотронуться до него, но руки оказались связаны. Нет, не связаны – скованы наручниками, с растущим ужасом поняла она. Конечно, ведь она – преступница.

– О, лапушка, ты проснулась, – приветствовал ее чей-то ласковый голос.

Зрение плыло, и Гласс удалось рассмотреть лишь очертания приближающейся к кровати фигуры. Это сиделка, поняла она и прохрипела:

– Пожалуйста, скажите, с ним все нормально? Можно его поддержать?

Женщина помолчала; прежде чем она начала говорить, Гласс уже знала, каким будет ответ. Его подсказала ужасная, болезненная пустота внутри ее тела.

– Мне очень жаль, – тихо сказала сиделка. Гласс едва могла видеть ее рот, поэтому у нее создалось впечатление, будто голос исходит из какого-то другого места, – но мы не смогли его спасти.

Гласс отвернулась, и холодный металл наручников врезался в кожу, но ей было наплевать. Это не шло ни в какое сравнение с той душевной болью, которая теперь останется с ней до конца жизни.

Тем временем две фигуры в скафандрах наконец снова появились в панорамном окне. Гласс провела рукой по стеклу и шумно перевела дыхание. Сколько же времени она не дышала?

– Ты в порядке? – раздался чей-то голос, и на один ужасный миг ей показалось, что она снова в больничной палате, и сиделка спрашивает у нее о самочувствии. Но голос принадлежал Беке, сотруднице Люка, которая с беспокойством смотрела на нее.

У меня мокрое лицо, поняла Гласс. Оказывается, она плакала. Ее облегчение от того, что Люк вернулся невредимым, было так велико, что она совсем не стыдилась своих слез. Ей было все равно, что о ней подумают.

– Спасибо, – сказала Гласс, взяла протянутый Бекой носовой платок и вытерла лицо.

Снаружи Люк, перебирая руками в перчатках, все ближе подтягивался по тросу к шлюзовой камере.

Зрители вокруг аплодировали, кто-то кричал: «Дай пять», – лишь Гласс по-прежнему стояла у окна, а ее взгляд был прикован к тому месту, где она в последний раз видела Люка. Неужели она только что собиралась расстаться с ним навсегда? Теперь это намерение казалось далеким, словно полузабытый сон. Гласс не может разорвать нить, которая связывает их души, как неспособна перерезать трос, соединяющий Люка с кораблем. Жизнь без Люка пуста и холодна, как жизнь в безвоздушном пространстве.

– Эй, – раздался за спиной любимый голос, она развернулась и очутилась в объятиях Люка.

Его терморубашка промокла от пота, а волосы спутались, но Гласс было все равно.

– Я беспокоилась о тебе, – проговорила она в его рубашку.

Люк засмеялся, крепче прижал ее к себе и поцеловал в макушку:

– Какой приятный сюрприз.

Гласс подняла к нему лицо, не заботясь о том, что ее глаза опухли, а из носа течет.

– Со мной все в порядке, – сказал Люк, перемигнувшись с Али и снова переводя взгляд на Гласс. – Это просто часть моей работы.

Ее сердце колотилось так, что ей трудно было говорить, поэтому она просто кивнула и смущенно улыбнулась Беке, Али и остальным охранникам.

– Идем, – сказал Люк, взял Гласс за руку и повел по переходу.

Дыхание Гласс выровнялось, только когда они дошли до Уолдена.

– Не могу поверить, что ты этим занимаешься, – тихо сказала она. – Неужели ты не боишься?

– Конечно, там страшно... и в то же время здорово. Там, снаружи, все такое... грандиозное. Я знаю, что это звучит по-идиотски.

Люк замолчал, но Гласс только покачала головой. Они оба знали о том, что в закрытом помещении люди порой чувствуют себя пойманными в ловушку, пусть даже это помещение такое огромное, как космический корабль.

– Я просто рада, что все прошло нормально, – сказала Гласс.

– Да, это так. Ну в основном, – Люк выпустил ее руку, и в его голосе зазвучала некоторая напряженность. – Там было что-то странное со шлюзом. Наверное, какие-то клапаны ослабли и стали подтравливать.

– Но ведь вы, ребята, это исправили, правда же?

– Конечно. Не зря же нас этому учили.

Неожиданно Гласс резко затормозила, повернулась к Люку, встала на цыпочки и поцеловала его прямо посреди людного коридора. Ей не было дела до того, сколько человек это увидит, она просто отчаянно нуждалась в его поцелуе. Не важно, что уготовано им в будущем, думала Гласс, они никогда больше не разлучатся. Она этого не допустит.

Глава 25. Беллами

Беллами смотрел в мерцающее пламя костра. Гул голосов вокруг мешался с треском поленьев. С момента их разговора с Октавией прошло уже несколько часов, но сестра до сих пор никак не проявилась. Он надеялся, что она вот-вот вернет лекарства. Он не мог заставить ее это сделать, поскольку знал, что в таком случае их отношения уже никогда не восстановятся. Значит, нужно демонстрировать ей свое доверие и ждать. Она не может не поступить правильно.

Дождь перестал, но земля еще не просохла. Лежавшие вокруг костра камни неожиданно превратились в VIP-места, за которые приходилось драться. Впрочем, большинство ребят предпочло усесться поближе к жаркому огню, пусть даже и на мокрой траве. А некоторые девушки пошли по третьему пути и теперь сидели на коленях у раздувшихся от самодовольства парней.

Беллами оглядывал лица сидевших у огня молодых людей, выискивая Кларк. Сегодня костер дымил сильнее, чем обычно, возможно, потому, что дрова были сырыми, и Беллами потребовалось время, чтобы отыскать рыжевато-золотистую голову. Украдкой покосившись в ту сторону, он, к своему несказанному изумлению, обнаружил, что Кларк сидит подле Уэллса. Они не касались друг дружки и даже не разговаривали, но что-то между ними ощутимо изменилось. Напряженность, с которой обычно держалась Кларк, когда Уэллс появлялся где-то поблизости, исчезла без следа. Сам же Уэллс больше не бросал на Кларк исподтишка косых страдающих взглядов, дождавшись, пока она отвернется, а спокойно смотрел в огонь, и лицо его было безмятежно.

В сердце Беллами зашевелился червячок обиды. Ему следовало бы знать, что возвращение Кларк к Уэллсу – всего лишь вопрос времени. Беллами не следовало целовать ее тогда, в лесу. Раньше он заботился только об одной девчонке, и из этого тоже ничего хорошего не вышло.

Небо затянули такие плотные облака, что звезд почти не было видно, но Беллами все равно запрокинул голову и задумался: интересно, смогут ли они понять, что к Земле направляется следующий челнок? Может быть, их предупредят об этом какие-нибудь вспышки в небе?

Но тут его взгляд упал на миниатюрную девичью фигурку с высоко поднятой головой, которая шла из темноты к костру. Беллами поднялся на ноги, когда Октавия ступила в круг света, отбрасываемого танцующим пламенем. Сидящие в кругу зашептались.

– О, бога ради, – услышал Беллами недовольное ворчание Грэхема, – кто, черт возьми, должен ее сегодня караулить?

Уэллс переглянулся с Кларк и встал, повернувшись лицом к Грэхему.

– Да нормально все, – сказал он, – пусть она с нами посидит.

Октавия приостановилась, переводя глаза с Уэллса на Грэхема, в то время как эти парни сверлили друг друга недовольными взглядами. Прежде чем кто-то из них успел заговорить, она набрала полную грудь воздуха и шагнула вперед.

– Я должна кое-что сказать, – Октавия вся дрожала, но ее голос звучал твердо.

Невнятное бормотание и возбужденные шепотки стихли, и почти сотня голов повернулась в сторону Октавии. В неверном свете костра Беллами разглядел, как на лице сестры появилось паническое выражение, и ему внезапно захотелось подбежать к ней и взять ее за руку. Но он не двинулся с места. В его сознании Октавия слишком долго оставалась маленькой девочкой, и он до самого последнего времени опекал ее. Пора было познакомиться с человеком, в которого выросла эта девочка. И прямо сейчас она должна кое-что сделать без его помощи. Сама.

– Это я взяла лекарства, – начала Октавия.

Она подождала, пока до всех дойдут ее слова, потом глубоко вздохнула и стала говорить дальше, не обращая внимания на реплики вроде «Я так и знала» или «А я что тебе говорил». Октавия рассказала все, что уже знал Беллами: как туго ей приходилось в детском центре, как она начала принимать таблетки и как у нее развилась наркотическая зависимость.

Голос Октавии задрожал, и все разом замолчали.

– Дома, в Колонии, я никогда не думала, что могу кому-то навредить. Кража казалась мне просто способом заполучить то, что я хочу. Я считала, что у каждого есть право спать по ночам. И не просыпаться от кошмаров, которые как будто царапают голову изнутри.

Октавия опять глубоко вздохнула и закрыла глаза. Когда они распахнулись, Беллами заметил, что в них закипают слезы.

– Я думала только о себе, и мне было очень страшно. Но я никогда не хотела ничего плохого ни Талии... вообще никому, – Она повернулась к Кларк и проглотила всхлип, который, казалось, вот-вот должен был сорваться с ее губ. – Мне очень жаль. Я знаю, что не заслуживаю прощения, но прошу дать мне шанс начать все сначала. – Она вздернула подбородок, огляделась и, заметив Беллами, слегка улыбнулась ему. – Наверно, все здесь хотят начать сначала. Я знаю, многие из нас делали такое, чем нельзя гордиться, но у нас есть возможность измениться. Я понимаю, что многие из вас считают меня конченной, но я хочу попробовать стать другой. И постараться сделать Землю миром, где нам всем захочется жить.

Сердце Беллами преисполнилось гордости. Перед глазами все поплыло от навернувшихся слез, хотя, если бы кто-нибудь это заметил, он сослался бы на дым от костра. С самого начала жизнь его сестренки была полна страданий и невзгод. Да, она совершала ошибки – оба они совершали, – но смогла остаться отважной и сильной.

Некоторое время все молчали. Не трещали даже поленья в костре, и сама Земля, казалось, затаила дыхание. Но потом тишину нарушил голос Грэхема:

– Ну и дерьмо!

В сердце Беллами вспыхнул гнев, он ошетинился, но стиснул зубы. Ясно, что Грэхем ведет себя как последняя сволочь, но остальные наверняка тронуты речью Октавии. Однако его слова не вызвали ни издевательских реплик, ни возмущенного шепота, наоборот: согласное бормотание очень быстро переросло в крики одобрения. Грэхем оглядел ребят у костра и продолжил:

– Мы тут целыми днями рвем задницы, рубим дрова, таскаем воду, напрягаемся, чтоб все были живы-здоровы, и все для чего? Чтобы эта чокнутая наркоманка вертела нами, как хочет? Это все равно, что...

– Ладно, хватит уже, – обрывая его, сказал Беллами и посмотрел на Октавию. Ее нижняя губа подрагивала, а взгляд метался по лицам. – Ты свое мнение высказал. Но тут еще девяносто четыре человека со своими взглядами, они без тебя разберутся, что им думать.

– Я согласна с Грэхемом, – раздался девичий голос. Беллами повернулся на него и увидел короткостриженую девушку с Уолдена. Она смотрела прямо на Октавию. – У всех в Колонии была дерьмовая жизнь, но что-то больше никто не ворует. – Она прищурилась. – Кто знает, что она сопрет в следующий раз...

– Давайте все успокоимся, – Это поднялась на ноги Кларк. – Она попросила прощения. Мы должны дать ей шанс.

Беллами удивленно уставился на нее, ожидая всплеска негодования – ведь именно Кларк первой заподозрила Октавию, – но не почувствовал ничего, кроме благодарности.

– Нет. – Голос Грэхема звучал жестко. Когда он обвел взглядом собравшихся, в его глазах полыхало не только отраженное пламя костра. Он повернулся к Уэллсу, который уже стоял рядом с Кларк: – Помнишь, ты говорил, что нужен какой-то порядок? И мы должны навести этот долбаный порядок любым путем.

– И что ты предлагаешь? – спросил Уэллс.

Грэхем улыбнулся. Беллами показалось, что тот опрокинул ему на голову ведро ледяной воды. Держа Грэхема в поле зрения, он поспешно подошел к Октавии, обнял ее и шепнул: «Все будет нормально».

– Очень жаль, – сказал Грэхем, поворачиваясь к Беллами и Октавии, – но у нас нет выбора. Из-за нее жизнь Талии в опасности. Мы не можем дать ей шанса. Октавия должна умереть.

– Что? – поперхнулся Беллами. – Ты чокнулся, что ли?

Его взгляд заметался по лицам. Беллами ожидал, что ребята тоже будут возмущены, но лишь некоторые из них потрясенно смотрели на Грэхема. А многие даже кивали.

Октавия дрожала, как осиновый лист, и Беллами шагнул вперед. Он скорее испепелит эту планету, чем позволит кому-нибудь приблизиться к его сестре.

– Будем голосовать? – выставив вперед подбородок, кивнул в сторону Уэллса Грэхем. – Это ж ты ратовал за то, чтоб на Земле снова была демократия. Мне кажется, это правильно.

– Я вовсе не это имел в виду, – отрезал Уэллс, с лица которого ушла сдержанность, обычно свойственная политикам. Сейчас его черты были искажены гневом. – Мы не будем устраивать голосования по поводу убийств.

– Почему нет? – вздернул брови Грэхем. – Что хорошо для твоего папочки, подойдет и для нас.

Толпа одобрительно загудела, и Беллами, услышав это, вздрогнул и закрыл глаза. В подобной ситуации он сказал бы слово в слово то же самое, что говорил сейчас Грэхем, но только для того, чтоб поддеть Уэллса. Он, Беллами, вовсе не хочет кого-то на самом деле убивать.

– Совет не казнить людей для развлечения, – в голосе Уэллса звучала ярость. – Чтобы человечество не погибло, приходится прибегать к экстраординарным мерам. Иногда они бывают жестокими, – Уэллс сделал паузу. – На Земле мы можем сделать все иначе. Лучше.

– И что? – зарычал Грэхем. – Предлагаешь наплевать ее по попке, а потом взять со всех честное-пречестное слово не нарушать правила?

Послышалось несколько сдавленных смешков.

– Нет, – тряхнул головой Уэллс, – должны быть какие-то последствия, тут ты прав. – Он набрал в грудь побольше воздуха. – Изгоним их из лагеря.

Голос Уэллса звучал твердо, но, когда он повернулся к Беллами, в его глазах была написана странная смесь боли и облегчения.

– Изгоним? – переспросил Грэхем. – Чтобы они могли тишком пробираться сюда, когда им заблагорассудится, и тырить у нас что плохо лежит? В жизни большей хренотени не слышал.

Беллами открыл было рот, но его слова потонули во все усиливающимся гуле голосов. Наконец девушка (вроде бы она с Уолдена, подумал Беллами), поднялась и закричала, перекрывая общий шум:

– Кажется, Уэллс дело говорит. – Все замолчали и повернулись к ней. – Только пусть они пообещают никогда не возвращаться.

Беллами крепче обнял обмякшую Октавию, улыбнулся ей и кивнул:

– Мы уйдем на рассвете.

Странно, он же с самого начала собирался уйти. Почему же теперь испытывает не облегчение, а тревогу?

Огонь догорел, и ночь накрыла лагерь, словно плотным одеялом, приглушая шаги и голоса. Под этим покровом темные тени, держа в охапке одеяла, разбредались по поляне кто куда. Другие смутные фигуры пробирались к палаткам.

Беллами устроил для Октавии временное лежище на короткой стороне поляны, возле обломков челнока. По молчаливому согласию, они решили не проводить эту ночь в палатке.

Октавия свернулась калачиком на своем одеяле и закрыла глаза, хотя ясно было, что она не спит. Оба они недавно ходили с Кларк в лес за лекарствами, и эта экспедиция вышла очень уж напряженной. Никто не сказал ни слова, но Беллами все время чувствовал на своей спине пристальный, сверлящий взгляд Кларк.

А теперь он сидел возле Октавии, прислонившись спиной к дереву, смотрел в темноту и пытался осознать тот факт, что завтра они навсегда покинут лагерь. Это было непросто.

Из темноты возникла фигура и направилась к ним. Уэллс. На плече у него висел лук Беллами.

– Привет, – тихо сказал Уэллс, когда Беллами поднялся ему навстречу. – Мне жаль, что все так вышло. Я понимаю, что изгнание – это жесткая мера, но я просто не знал, как еще поступить. – Он вздохнул. – Я уверен, Грэхем на самом деле собирался убедить их в том, что... – Тут его взгляд упал на Октавию, и он замолчал. – Не то чтобы я не стал этому мешать, но нас только двое, а их много.

На ум Беллами моментально пришел резкий ответ, но он счел за лучшее оставить его при себе. В сложившейся ситуации Уэллс сделал все, что мог. Он нашел наилучший выход из положения, и Беллами сказал:

– Спасибо тебе.

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга, а потом Беллами откашлялся и начал:

– Слушай, я, наверно, должен... – Он помолчал. – Мне жаль, что так вышло с твоим отцом, – Беллами глубоко вздохнул и заставил себя посмотреть Уэллсу прямо в глаза. – Я надеюсь, что с ним все будет в порядке.

– Спасибо, – тихо сказал Уэллс. – Я тоже на это надеюсь. – На миг он замолчал, а когда заговорил снова, его голос был тверд: – Я знаю, что ты просто стараешься защитить сестру. И я чем-то таким же занимаюсь. – Он улыбнулся. – Ну мне так кажется. – Уэллс протянул руку. – Надеюсь, с вами обоими все будет хорошо.

Беллами принял его руку, встряхнул и кисло улыбнулся.

– Не могу даже вообразить, что на свете есть гады хуже Грэхема. Не своди с этого парня глаз.

– Будь уверен, – кивнул Уэллс, развернулся и растворился в темноте.

Беллами снова опустился на одеяло и стал смотреть на поляну. Отсюда он мог разглядеть контур палатки-лазарета. Наверно, Кларк обихаживает там сейчас Талию, используя те самые пресловутые медикаменты. Его замутило, когда он мысленно вернулся к сцене у костра, вернее, к той минуте, когда он увидел в свете пламени решительное лицо Кларк. Он никогда раньше не встречал девушки, которая была бы одновременно такой прекрасной и такой живой.

Он со вздохом откинулся на одеяло и закрыл глаза, гадая, сколько времени пройдет, прежде чем он перестанет, засыпая, думать о Кларк.

Глава 26. Кларк

Антибиотики помогали. Прошло лишь несколько часов с тех пор, как Кларк вошла в лазарет с лекарствами подмышкой, а Талию уже не лихорадило, и ее состояние стало гораздо стабильнее, чем в предыдущие дни.

Кларк опустилась на краешек постели Талии, и глаза подруги тут же раскрылись.

– Добро пожаловать обратно, – широко улыбаясь, сказала Кларк. – Как ты себя чувствуешь?

Глаза Талии бежали пустую палатку и остановились на Кларк. Взгляды девушек встретились.

– Это ведь не райские чертоги, верно?

Кларк покачала головой:

– О, боже, очень надеюсь, что нет.

– Хорошо. Потому что я всегда надеялась, что там будут парни. Парни, которые не используют ограничение в подаче воды как предлог, чтобы не мыться, – Талия улыбнулась. – Может быть, пока я пребывала в беспамятстве, кто-нибудь уже выстроил первый на Земле душ?

– Нет. Так что ты не много пропустила.

– Вообще-то в это трудно поверить, – Талия попыталась было сесть, повела плечами и со стоном откинулась обратно. Кларк бережно подсунула ей за спину свернутое одеяло. – Спасибо, – пробормотала Талия. Прежде чем заговорить снова, она несколько секунд внимательно смотрела на Кларк. – Ну что у нас плохого?

Поставленная в тупик Кларк ответила подруге смущенной улыбкой:

– Ничего! Я просто очень рада, что тебе наконец-то стало лучше.

– Пожалуйста, не надо. Ты все равно не умеешь что-то от меня скрывать. Ты же знаешь, я всегда сумею разузнать все твои тайны, – спокойно сказала Талия. – Можешь начать с рассказа о том, где вы нашли медикаменты.

– Их взяла Октавия, – объяснила Кларк и быстро ввела подругу в курс последних событий. – Они с Беллами завтра уйдут, – закончила она. – За это надо Уэллса благодарить. Я знаю, это звучит невероятно, но народ на самом деле мог вот-вот на них наброситься, – Кларк покачала головой. – Если бы Уэллс не вмешался, неизвестно, чем бы все закончилось.

Талия странно посмотрела на Кларк.

– Что? – спросила та.

– Ничего. Просто я впервые слышу, чтобы ты произносила его имя и не выглядела при этом так, словно собираешься кулаком пробить дыру в стене.

– Верно, – с улыбкой согласилась Кларк. Она полагала, что ее чувства изменились. Ну или, во всяком случае, начали меняться.

– И что?

Кларк принялась переставлять баночки с лекарствами. Ей не хотелось рассказывать Талии о происшествии на руинах. Подруга могла почувствовать себя виноватой – ведь это из-за нее Кларк отправилась в лес искать лекарственные растения и в результате чуть не погибла.

– Есть кое-что еще, о чем я тебе не рассказала. Раньше, когда тебе было плохо, это не казалось важным... – Тут она глубоко вздохнула и кратко поведала Талии, как Уэллс спас ее от падения.

– Так он что, шел за тобой всю дорогу?

Кларк кивнула.

– И знаешь, так странно, когда я висела на этом выступе и не сомневалась, что вот-вот погибну, я думала только о нем. Об Уэллсе. И когда он появился, я даже не разозлилась, что он

за мной следил. Я, наоборот, была очень рада, что он пошел за мной, несмотря на те ужасные вещи, которые я ему наговорила.

– Он тебя любит. Что бы ты ни сказала или ни сделала, это не изменится.

– Я знаю, – Кларк закрыла глаза, хоть и боялась тех образов, что должны были непременно явиться из тени под опущенными веками. – Даже когда мы с тобой сидели в Тюрьме и я говорила, что хотела бы посмотреть, как Уэллса разорвет на части в космосе, думаю, какая-то моя часть продолжала его любить. И от этого мне было еще больнее.

Талия смотрела на подругу со смесью жалости и понимания.

– Пора перестать себя наказывать, Кларк.

– Ты хочешь сказать, перестать наказывать *его*?

– Нет. Я хочу сказать, хватит себя казнить за то, что ты его любишь. Этим ты не предаешь своих родителей.

Кларк напряглась:

– Ты же их не знала. И понятия не имеешь, что они думали.

– Я знаю, что они хотели для тебя всего самого лучшего. Чтобы с тобой не случилось ничего плохого, они согласились пойти против своих принципов. Сделать то, чего делать было нельзя, – она помолчала. – Точно так же поступил и Уэллс.

Кларк вздохнула и подобрала под себя ноги. В такой же позе она сидела на койке Талии в их тюремной камере.

– Может, ты и права. Я, кажется, больше не могу с этим бороться. У меня просто нет сил его ненавидеть.

– Тебе нужно с ним поговорить.

Кларк кивнула:

– Я поговорю.

– Нет, я имею в виду, прямо сейчас. – Глаза Талии возбужденно заблестели. – Иди и поговори с ним.

– Что? Уже ведь поздно.

– Я уверена, он сейчас лежит без сна и думает о тебе.

Кларк проворно встала.

– Хорошо, – сказала она, – если после этого ты успокоишься и отдохнешь, я поговорю с ним.

Она прошла по палатке, уставилась на Талию, шаловливо округлила глаза, откинула полог и вышла. Ступив на поляну, остановилась и подумала, а не ошибка ли это. Но отступить было уже поздно. Ее сердце билось слишком быстро, казалось, оно совершенно самостоятельно шлет в темноту адресованное Уэллсу послание: «Я иду к тебе».

Глава 27. Уэллс

Уэллс смотрел в небо. Ему всегда было не по себе в переполненных палатках, а уж после того, что случилось сегодня вечером... Мысль о том, чтобы делить кров с людьми, которые были готовы разорвать Октавию на части, была просто невыносима. Ему нравилось засыпать, глядя на те же звезды, что смотрели в окно его дома на корабле: ради этого он готов был переносить холод. Уэллс любил, когда луна пряталась за облаками, и становилось так темно, что невозможно было разглядеть даже ближайшие деревья. Небо, казалось, протянулось до самой поляны, и Уэллсу чудилось, что он вовсе не лежит на земле, а парит среди звезд. По утрам, когда он открывал глаза и видел, что звезды исчезли, ему всегда становилось чуть-чуть грустно.

Но сегодня Уэллса не умиротворил даже вид звездного неба, и он резко сел, поморщившись, – его одеяло, оказывается, было постелено поверх мелких камешков и веток. Вдруг поблизости среди деревьев раздался какой-то шорох. Уэллс встал и даже вытянул шею, чтобы лучше видеть.

Дерево по соседству зацвело. Когда они только прилетели, оно не могло похвастаться красотой и ароматами, а теперь на нем появились цветы. Похожие на кончики пальцев, мерцающие розовые лепестки распустились из совершенно незаметных прежде бутонов. Они были прекрасны. Уэллс приподнялся на цыпочки, потянулся и дотронулся до соцветия.

– Уэллс?

Он оглянулся и увидел, что в нескольких метрах от него стоит Кларк.

– Что ты делаешь?

Он мог бы задать Кларк тот же вопрос, но вместо этого тихонько шагнул в ее сторону и вложил цветок ей в руку. На какой-то миг Уэллсу показалось, что сейчас она запустит в него этим цветком – таким странным был ее взгляд. Однако, к удивлению и облегчению Уэллса, она посмотрела на него и улыбнулась:

– Спасибо.

– Пожалуйста.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга.

– Все еще не можешь заснуть? – спросил Уэллс, и Кларк покачала в ответ головой.

Уэллс опустился на выпирающий из земли корень дерева, достаточно большой для того, чтобы на нем могли уместиться двое, и приглашающе похлопал рукой рядом с собой. Миг – и она присела рядом, оставив между ними немного пространства.

– Как дела у Талии? – спросил Уэллс.

– Гораздо лучше. Я так благодарна Октавии за то, что она одумалась! – Кларк опустила глаза и потерла цветок. – Не могу поверить, что они утром уйдут.

В ее голосе прозвучала нотка сожаления, и внутри Уэллса все сжалось.

– А я думал, после того что она устроила, ты будешь рада ее уходу.

Кларк немного помолчала.

– Хорошие люди тоже могут ошибаться, – медленно сказала она, поднимая глаза и устремляя взгляд прямо в глаза Уэллса. – Это не значит, что их надо вычеркивать из жизни.

Один бесконечно долгий миг они могли слышать, как играет листьями ветерок. Тишина словно наполнилась теми словами, что так и остались не сказаны, и извинениями, которые все равно не смогли бы выразить всю глубину их скорби.

Суд над двумя самыми знаменитыми учеными Феникса превратился в главное событие года. Столько людей в зал Совета набивалось разве что на Церемонию Поминовения, но ни одна лекция, ни один концерт никогда не собирали такого количества народу.

Однако Уэллс лишь смутно осознавал этот факт. Отвращение, которое он чувствовал к любопытствующей публике (точь-в-точь зрители, ожидающие кровопролития в древнем Колизее), испарилось, стоило ему найти глазами одинокую фигуру в первом ряду. Он не видел Кларк с того вечера, когда она по секрету рассказала ему о работе своих родителей. Юноша раскрыл эту тайну отцу, который очень серьезно отнесся к полученной информации. Уэллс был прав, считая, что Канцлеру ничего не известно об этом эксперименте. Его отец немедленно начал расследование, которое, однако, возымело ужасные последствия. Ничего подобного Уэллс и представить себе не мог: сегодня родители Кларк должны были предстать перед Советом по обвинению в страшном преступлении. Сам не свой от ужаса и чувства вины, Уэллс всю прошлую неделю отчаянно пытался увидеть Кларк, но его письма оставались без ответа, а когда он пришел к ней домой, то обнаружил, что у квартиры несут караул охранники.

Кларк с опустошенным выражением лица смотрела, как члены Совета занимали свои места. Но потом она обернулась и заметила Уэллса. Их глаза встретились, и рот Уэллса наполнился желчью – такая отчаянная ненависть светилась в ее взгляде.

Уэллс съезжился на своем месте в третьем ряду. Он всего лишь хотел, чтоб Кларк больше не страдала, хотел, чтоб его отец покончил с исследованиями, которые вели ее родители. Он и вообразить не мог, что дело дойдет до суда.

Два охранника ввели мать Кларк на скамью подсудимых. Она с высоко поднятой головой оглядела членов Совета, но переменилась в лице, когда ее взгляд упал на дочь.

Кларк вскочила на ноги и сказала что-то, чего Уэллс не расслышал. Впрочем, это не имело значения: на лице матери Кларк появилась такая печальная улыбка, что сердце Уэллса раскололось надвое.

Другие двое охранников ввели отца Кларк, и суд начался.

Женщина, член Совета, начала процесс с обзора дела. Она сообщила, что, по словам супругов Гриффинов, Вице-канцлер Родос приказал им исследовать влияние радиации на человеческий организм. Сам Вице-канцлер это категорически отрицает.

Уэллса охватило странное оцепенение, когда он слушал показания Вице-канцлера. Тот стоял с каменным лицом и заверял, что он, конечно, утвердил запрос Гриффинов, касающийся новой лаборатории, но не говорил ни слова об опытах на детях.

Казалось, голоса доносятся откуда-то издалека. Вопросы членов Совета и ответы подсудимых будто звучали где-то в далекой галактике. Уэллс слышал, как ахают люди вокруг, но что их так потрясло? Его мозг не успевал осознавать происходящее.

Потом – внезапно – началось голосование.

«Виновны». Когда это слово прозвучало в первый раз, Уэллс смог прорваться сквозь окутавшую его разум дымку. Он посмотрел на Кларк, которая неподвижно замерла на своем месте.

– Виновны.

«Нет, – думал Уэллс, – пожалуйста, нет».

– Виновны, – снова и снова эхом раздавалось над столом, пока очередь не дошла до его отца. Тот откашлялся, и Уэллс на краткий миг подумал, что вот он, шанс. Отец наверняка знает, как все исправить.

– Виновны.

– Нет!

Страдальческий крик Кларк перекрыл потрясенное бормотание и удовлетворенный шепот публики. Она вскочила на ноги.

– Вы не можете так поступить. Они не виноваты. – Ее лицо перекосило от ярости, когда она указала на Вице-канцлера: – Вы! Вы заставили их это сделать. Подлый, лживый ублюдок! – Кларк шагнула вперед, и ее тут же окружили охранники.

Вице-канцлер Родос смерил ее долгим взглядом:

– Боюсь, эксперименты над невинными детьми удаются вам лучше, чем клевета, мисс Гриффин. – Тут он повернулся к отцу Уэллса: – Из контрольного журнала защитной системы мы знаем, что она регулярно навещала лабораторию. Она *знала* о зверствах, которые совершали ее родители, и ничего не сделала, чтобы прекратить их. Возможно, она даже помогала ставить опыты.

Уэллс так резко выдохнул, что ему показалось, будто ребра царапнули желудок. Вот сейчас, ждал он, отец смерит Родоса одним из своих уничижительных взглядов, но, к его ужасу, Канцлер вместо этого сурово воззрился на Кларк. После долгой паузы он сжал челюсти и повернулся к остальным членам Совета:

– Настоящим вношу предложение привлечь Кларк Гриффин по обвинению в особо тяжком преступлении.

Нет. Слова отца пробрались под кожу, парализовали. Его сердце замерло.

Уэллс видел, как шевелятся губы членов Совета, но не мог разобрать ни слова. Он молился, молился изо всех сил, всей душой, в надежде, что, может быть, забытый Бог услышит его. «Пусть ее отпустят, – умолял он. – Я сделаю все что угодно, только пусть ее не тронут». И это было правдой. Он готов был предложить свою жизнь в обмен на ее.

«Возьмите меня вместо нее».

Вице-канцлер, наклонившись, шептал что-то отцу Уэллса.

«Даже если будет больно, мне наплевать».

Лицо Канцлера еще больше помрачнело.

«Пусть лучше мое тело выбросят в космос через внешний шлюз, пусть его разорвет на части».

Канцлер что-то сказал, и человек, сидевший рядом с Уэллсом, вздрогнул.

«Просто позвольте ей уйти».

Слух вернулся, когда все сидящие в зале разом выдохнули: это было неприятное ощущение. Двое охранников схватили Кларк и потащили ее к выходу.

Девушку, ради которой он был готов на все, скоро приговорят к смерти. И она имеет полное право проклинать его за это. Потому что именно он во всем виноват.

– Прости, – прошептал Уэллс, как будто эти слова могли что-то исправить.

– Ничего, – мягко ответила Кларк.

Уэллс замер. Несколько долгих мгновений он боялся даже посмотреть на нее, боялся увидеть всплеск боли, которая, он знал, никогда не исчезнет полностью. Но, в конце концов решившись повернуться к Кларк, он увидел, что, хотя ее глаза и блестят от слез, она улыбается.

– Я чувствую, что сейчас я ближе к ним, – сказала Кларк, переводя взгляд на верхушки деревьев. – Они ведь посвятили жизни тому, чтобы мы могли вернуться домой. На Землю.

Уэллс не знал, что сказать, чтобы не развеять чары, поэтому вместо слов он просто подался вперед и поцеловал ее. Он боялся дышать, пока ее трепещущие ресницы со слезами на кончиках не опустились, а глаза не закрылись.

Вначале поцелуй был легким, и губы Уэллса едва касались ее губ, но вот он почувствовал, что она отвечает, и каждая клеточка его тела воспламенилась. Эти знакомые прикосновения, этот вкус ее губ что-то разбудили в нем, и Уэллс сильнее прижал Кларк к себе.

А Кларк в ответ приникла к нему, ее губы льнули к его губам, их дыхание смешалось в одно. Весь мир вокруг них исчез, и сама Земля стала всего лишь вихрем острых запахов да влажного воздуха, который заставил их еще сильнее прижаться друг к другу. Они соскользнули с корня, и мягкая земля бережно приняла их в свои объятия. Уэллсу так много нужно было сказать Кларк, но все слова куда-то подевались, и теперь его губы совершали упоительное путешествие по ее коже.

В этот миг на всей Земле не было больше ни одной живой души – лишь они двое. Именно так, как он всегда себе представлял.

Глава 28. Гласс

В этом году на Фениксе дважды играла живая музыка. Совет одобрил это исключение, и впервые на памяти колонистов инструменты земной работы извлекли из консервационных ячеек и бережно доставили на обзорную площадку, где проходил Праздник наблюдения.

Эта ночь должна была стать одним из самых волшебных событий в жизни Гласс. На обзорную площадку со всех сторон стекались нарядные жители Феникса. Элегантно одетая толпа возбужденно гудела. Вдоль огромных окон прогуливались, беседуя, смеющиеся люди с бокалами игристого вина в руках.

Гласс стояла возле оживленно болтающих Хаксли и Кору. Она видела, как шевелятся губы подруг, но их слова не достигали ее слуха. Всем своим существом она была устремлена к музыкантам, которые уже рассаживались у дальнего края обзорной площадки. Но, когда они заиграли, Гласс начала неприкаянно переминаться с ноги на ногу, с растущим беспокойством думая о Люке. Его не было рядом, и музыка, которая обычно окутывала ее своими чарами, казалась странно пустой. Мелодии, будто выражавшие сокровеннейшие тайны ее души, звучали не менее прекрасно, но сердце Гласс сжималось при мысли о том, что единственный человек, с которым она хотела бы разделить этот восторг, сейчас не с ней.

Оглядевшись, Гласс быстро нашла мать. На ней было длинное серое платье и их семейная реликвия – пара лайковых перчаток. Чуть ли не единственные на всю Колонию, они потемнели от времени, но до сих пор оставались невообразимо дорогими. Мать разговаривала с одетым в канцлерский мундир человеком, который, однако, Канцлером не был, и Гласс с испугом поняла, что это Вице-канцлер Родос. Хотя девушка видела его всего пару раз, она узнала этот острый нос и насмешливую улыбку.

Гласс знала, что ей следует подойти, представиться, улыбнуться Вице-канцлеру и поднять тост за его здоровье. Под взглядами хорошо одетых, перешептывающихся жителей Феникса она должна с восторгом и признательностью поблагодарить Родоса за свое освобождение. Именно этого ждала от нее мать, и именно так нужно поступить, если ей дорога жизнь. Но, когда глаза девушки встретились со злобными темными глазками Вице-канцлера, она обнаружила, что не может заставить себя двинуться в его сторону.

– Вот. Подержи, пожалуйста. Мне надо на воздух, – сказала Гласс и сунула Коре свой нетронутый бокал.

Кора подняла брови, но не стала возражать: в этот вечер каждому полагалось всего по одному бокалу.

Бросив на мать беглый взгляд и убедившись, что та не смотрит в ее сторону, Гласс протиснулась сквозь толпу и выскользнула в коридор. Ей не встретилось на пути ни одной живой души, и она благополучно пробралась в квартиру, сняла свое нарядное платье, нацепила невзрачные штанцы и спрятала волосы под шапочку.

На Уолдене не было специальной обзорной площадки, но по правому борту тянулось множество коридоров с небольшими иллюминаторами. Именно с этой стороны должна была появиться комета, и тут с самого утра толпились свободные от работы уолденцы, чтобы занять местечко получше. К моменту появления Гласс все коридоры были запружены теснившимися у иллюминаторов людьми, которые возбужденно переговаривались громкими голосами. Дети уже прижимались личиками к кварцевым стеклам или сидели на плечах у родителей.

Гласс свернула за угол и увидела впереди расположившуюся у окна группу из трех женщин и четверых детей. Интересно, подумала Гласс, откуда взялся четвертый ребенок. Может быть, соседи попросили кого-то из женщин присмотреть за ним, пока они на работе? Или это сирота?

Самая младшая малышка подковыляла к Гласс и уставилась на нее, сияя улыбкой.

– Ну привет, – сказала Гласс, присев на корточки, чтобы ее лицо оказалось на одном уровне с лицом ребенка. – Ждешь, когда появится комета?

Малышка ничего не ответила. Ее большие темные глаза зачарованно смотрели на голову Гласс. Девушка поднесла руку к голове и слегка скривилась, когда поняла, что волосы выбились из-под шапочки и рассыпались по плечам. Она началаправлять их обратно, но девочка протянул ручонки и уцепилась за одну из оставшихся на свободе прядей.

– Пози, оставь даму в покое.

Гласс подняла глаза и увидела, что к ним идет одна из женщин.

– Простите, – со смешком сказала она Гласс, – ей понравились ваши волосы.

Гласс улыбнулась, но ничего не ответила. Она научилась скрывать свое произношение, которое сразу выдавала уроженку Феникса. Чем меньше она говорит, тем лучше.

– Идем, Пози, – женщина положила руку на плечо малышки и увела ее прочь.

Было уже больше девяти часов вечера, и комета вот-вот должна была появиться. На Фениксе сейчас, наверное, установилась благоговейная тишина, а тут прыгали и смеялись дети, да парочка подростков громко вела обратный отсчет.

Гласс окинула коридор взглядом, но Люка нигде не было.

– Смотрите! – громко закричала какая-то маленькая девочка.

Из-за Луны поднималась яркая белая полоса. Вместо того чтобы потускнеть, как большинство комет, она росла, хвост ее пламенел и раздувался, заполняя своим сиянием космос. Рядом с ней потускнели даже звезды.

Гласс полубессознательно шагнула вперед, и приникшая к ближайшему окну пара посторонилась, чтобы дать ей место. Это так прекрасно, восхищенно думала Гласс. Прекрасно и страшно. Комета все росла, росла и наконец заполнила весь иллюминатор, словно летя прямым курсом на них.

Может быть, ученые Колонии ошиблись, рассчитывая ее траекторию? Гласс так сильно прижала руки к раме иллюминатора, что та впилась ей в ладони. Люди вокруг начали пятиться назад, в воздухе зазвучали испуганные крики.

Гласс зажмурилась. Она больше не могла смотреть.

Чьи-то руки обвилились вокруг ее плеч. Ей даже не нужно было оборачиваться, чтобы понять – это подошел Люк. Ощущения от его прикосновений, его запах были привычны ей, словно собственная кожа.

– Я тебя искала, – сказала Гласс, оборачиваясь к нему.

Хотя на его глазах разыгрывалось главное астрономическое событие века, Люк смотрел только на нее.

– Я надеялся, что ты придешь, – шепнул он ей на ухо.

Тревожный ропот людского моря перерос в общий потрясенный возглас, когда комета, оставляя за собой огненный шлейф, пронеслась над кораблем. Руки Люка сильнее сжали Гласс, и она приникла к его груди.

– Я не могла даже представить себе, что увижу это без тебя, – сказала она.

– Трудно было уйти?

– Вовсе нет. – Но ее живот скрутило, когда она подумала о стоявшей рядом с Вице-канцлером матери. – Я только хотела бы, чтобы нам не нужно было прятаться.

Она провела пальцами по его щеке. Люк взял ее руку и поднес к губам.

– Может быть, удастся как-то уговорить твою маму, – убежденно начал он. – Может, если бы я с ней поговорил... ну знаешь, чтобы она увидела, что я не какой-нибудь дикарь. Что у меня серьезные намерения относительно будущего – нашего с тобой будущего. И относительно тебя.

Гласс мягко улыбнулась ему.

– Хотела бы я, чтобы это было так просто.

– Нет, я вот о чем, – Люк взял ее руку в свои. – Она думает, что я всего лишь подонок с Уолдена, который тебя использует. Надо, чтоб она поняла, что все не так. Потому что это действительно не так.

– Я знаю, – сказала Гласс, сжимая его руку. – Знаю.

– Нет, не думаю, – сказал Люк, вытягивая что-то из кармана. Он повернулся к Гласс и, не мигая, глядел на нее. – Гласс, – с горящими глазами начал он, – я не могу больше жить без тебя ни дня. Я хочу, чтоб мы спали в одной постели и каждое утро просыпались вместе. Мне никто, кроме тебя, не нужен, и так будет всю жизнь. – Он протянул ей ладонь, на которой лежал маленький золотой предмет. Это был ее медальон. – Я знаю, это не кольцо, но...

– Да, – просто ответила она, потому что больше сказать было нечего. Ей оставалось только надеть медальон и поцеловать парня, которого она так сильно, так отчаянно любила, поцеловать его, когда комета вызолотила безбрежный космический простор за ее спиной.

Глава 29. Беллами

Беллами не мог уснуть. Мысли беспорядочно роились в его мозгу, расталкивая друг друга, так что он не мог понять, где кончается одна и начинается другая.

Он смотрел на звезды и пытался представить, что происходит сейчас в Колонии. Было так странно думать о привычной, обыденной жизни, которая шла своим чередом в непредставимой дали от Земли. На Уолдене и Аркадии, конечно, по-прежнему вкалывали до седьмого пота, а на смотровой площадке Феникса похвалялись друг перед дружкой новыми нарядами, игнорируя звезды. Звезды... только о них он и тосковал. Перед самым запуском Беллами краем уха слышал что-то о комете, которая будет прекрасно видна с корабля. Это должно быть захватывающее зрелище.

Беллами шурился в темноту, пытаясь вычислить, сколько времени они провели на Земле. Если его расчеты верны, комета должна появиться сегодня. На Фениксе по этому поводу наверняка устроили грандиозную вечеринку, а уолденцы и аркадийцы, скорее всего, просто высыпали в коридоры и веселятся, как могут. Беллами сел и внимательно посмотрел в небо. С поляны оно просматривалось плохо, большую его часть заслоняли ветви деревьев, но с пригорка обзор наверняка гораздо лучше.

Октавия мирно спала рядышком, ее блестящие волосы веером рассыпались по одеялу, а красная ленточка была привязана к запястью.

– Я скоро вернусь, – прошептал Беллами и трусцой побежал с поляны.

Густые кроны деревьев почти не пропускали звездного света, но Беллами во время своих охотничьих экспедиций хорошо изучил эту часть леса. Он заранее знал, где его ждет уклон, где – поворот, а где поперек пути лежит бревно. Добравшись, наконец, до косогора, он помедлил, чтобы перевести дух. Прохладный ночной воздух остудил его голову, а боль в икрах от пробежки помогла отвлечься от дурных мыслей.

Усыпанное звездами небо выглядело так же, как и в любую другую ночь, которую он провел на Земле, но кое-что было иначе. Мерцающие звезды светили как-то насыщеннее, будто в ожидании чего-то грандиозного. А потом – внезапно – началось. На небо ворвалась комета. Золотая полоса на сияющем серебре озарила все вокруг, даже землю.

Его кожа тоже слабо отсвечивала, словно небесные искры просочились в его тело, заряжая каждую клеточку даже не энергией – надеждой. Завтра они с Октавией покинут эти места. Завтра, уже завтра они навсегда освободятся от Колонии, и никто никогда больше не посмеет указывать, как им жить и что делать.

Он закрыл глаза и попытался представить, каково это – быть свободным от всех и от всего, даже от собственного прошлого. И даже, возможно, от воспоминаний, которые преследовали его всю жизнь.

Беллами мчался по коридору, не обращая внимания на ворчание соседей и пустые угрозы охранников, которые, как он знал по опыту, слишком ленивы, чтобы гнаться за девятилетним пацаном только для того, чтобы сделать ему внушение. Но чем ближе он подбирался к своей квартире, тем гаже становилось у него на душе. С той кошмарной ночи, когда мама пыталась сделать с Октавией что-то ужасное, он каждый раз нервничал, возвращаясь домой.

Он отпер дверь и влетел в квартиру.

– Мама! – крикнул он и тщательно закрыл за собой дверь, прежде чем что-то добавить. – Октавия! – Беллами подождал, но лишь тишина была ему ответом. – Мам! – снова позвал он, проходя в большую комнату. Его глаза округлились, когда он увидел опрокинутую мебель. Наверное, на маму опять нашло одно из ее дурных настроений. Он метнулся к кухне, его внутренности скрутил такой спазм, словно они пытались выбраться наружу через пупок.

Послышался стон. Беллами распахнул дверь на кухню и увидел маму в луже липкой крови на полу. Рядом лежал нож.

Задохнувшись, он рванулся к матери и слегка потряс ее за плечо.

– Мама! – кричал он. – Очнись! Мама!

Но мать лишь снова издала слабый стон, да слегка затрепетали ее веки. Беллами вскочил на ноги и ахнул, когда понял, что его штанины пропитались кровью. Нужно было найти кого-то. Кого-нибудь, кто сможет помочь.

Беллами кинулся в большую комнату. Он собирался бежать за охранниками, когда какой-то звук заставил его замереть, а взгляд упал на слегка приоткрытый стенной шкаф. Между дверцей и стеной Беллами заметил какую-то тень. Он сделал несколько шагов вперед, и из-за дверцы выглянуло крошечное заплаканное личико.

– С тобой все нормально? – шепнул он сестренке, протягивая ей руку. – Иди ко мне.

Но она, дрожа, отпрянула в темноту. Беллами смотрел на маленькую девочку, которая панически боялась выйти на свет, и его страх за мать отошел на второй план.

– Давай, Октавия, – ласково сказал он, и маленькая головенка медленно и неуверенно опять высунулась наружу.

Наконец девочка неуклюже выбралась из шкафа и испуганными глазами осмотрела комнату.

– Вот, – сказал Беллами, подбирая с пола шкафа красную ленточку, которую он когда-то принес сестре, и подвязывая ее кудри подобием банта, – ты прекрасно выглядишь.

Взяв ее за руку, Беллами почувствовал, как заходится его сердце от ощущения маленьких пальчиков, обхвативших его ладонь. Он отвел сестру в материнскую спальню, уложил на кровать и свернулся калачиком рядом, молясь, чтобы сюда не долетело никаких звуков из кухни.

Они вместе лежали в постели и тихонько выжидали. В какой-то момент мама перестала стонать, и в квартире воцарилась тишина.

– Все нормально, О, – сказал Беллами, крепко прижимая сестренку к груди, – все нормально. Тебе больше не придется прятаться.

Наконец след кометы поглотила чернота, и Беллами поспешил вниз по склону, стараясь успеть до того момента, когда Октавия проснется и поймет, что его нет рядом. Но с излучины, откуда обычно открывался вид на скопление палаток, сейчас было видно лишь пламя.

Лагерь горел.

Беллами остановился, задохнувшись, когда его легкие хватанули задымленный воздух. Вначале он видел только огонь и тени, но потом взгляд стал различать очертания фигур. Они метались по поляне, выскакивали из палаток, мчались в сторону леса...

Терзаемый единственной мыслью, он бросился к одеялам, где, уходя, оставил спящую сестру. Его охватил леденящий ужас, когда глаза сказали ему то, что он уже и так знал: Октавии тут нет.

Озираясь по сторонам, он выкрикивал имя сестры, молясь, чтобы она отозвалась ему с дальнего, безопасного края поляны.

– Октавия! – кричал Беллами, вертя головой и щурясь, чтобы хоть что-то разглядеть в дыму.

«Прекрати паниковать!» – твердил он себе, но это не помогало. Тьму разрывали языки пламени, а Октавии нигде не было видно.

Беллами прервал созерцание небес только для того, чтобы оказаться в глубинах ада.

Глава 30. Кларк

Какое-то время – может, несколько минут, а может, часов, Кларк точно не знала, – она слышала только стук их сердец да шелест смешавшегося дыхания. А потом с поляны донесся вопль, и они шарахнулись в разные стороны и вскочили на ноги. Кларк схватила Уэллса за руку, потому что реальность снова грозила обернуться кошмаром, и они вместе бросились обратно на поляну. Снова раздались крики, но ужаснее всего были треск и гул, от которых каждый нерв ее тела натянулся до предела.

Пламя вырывалось из палаток, некоторые из которых уже обрушились и превратились в тлеющие бесформенные кучи, чем-то напоминающие трупы на поле боя какой-то древней войны. Темные фигуры пытались укрыться в безопасном лесу, а за ними устремлялись языки прожорливого пламени.

«Талия!» – ужаснувшись, подумала Кларк и устремилась к лазарету, понимая, что самой ей не справиться.

– Нет! – крикнул Уэллс, перекрывая голосом шум пожара. – Кларк, это опасно!

Но она словно не услышала этих слов и неслась напрямиком к палатке, вдыхая дым и моргая, чтоб хоть что-то разглядеть в этом чаду.

Руки Уэллса, будто стальная лента, обвили талию Кларк и потащили под деревья, в убежище.

– Пусти меня! – вскрикнула Кларк, отбиваясь изо всех сил.

Но Уэллс держал крепко, и девушка могла лишь беспомощно наблюдать, как всего в сотне метров от нее огонь пожирает палатку с ее подругой. Передняя сторона палатки была охвачена пламенем, пластиковая крыша плавилась, а из зазоров между клапанами валил дым.

– Уйди, – Кларк рыдала и извивалась, безуспешно пытаясь освободиться.

Уэллс лишь крепче прижал ее к себе и потащил назад.

– Нет, – кричала Кларк, надрывая звуком горло и беспомощно колотя Уэллса кулаками, – нужно ее вытащить! – Она изо всех сил упиралась пятками, но Уэллс был сильнее, и Кларк ничего не могла поделать. – Талия!

– Кларк, мне так жаль, – шептал ей на ухо Уэллс. Кажется, он плакал, но ей не было до этого дела. – Ты погибнешь, если пойдешь туда. Я не могу тебя отпустить.

Слово «погибнешь» пробудило в ней какие-то доселе дремавшие резервы. Кларк стиснула зубы и на миг вырвалась из хватки Уэллса, всем своим существом отчаянно стремясь лишь к одной цели – спасти единственную во Вселенной подругу.

Она вскрикнула, когда Уэллс завернул ей руку за спину.

– Отпусти меня! – Теперь это была скорее мольба, чем приказ. – Прошу тебя,пусти!

– Я не могу, – сказал он, снова обвивая Кларк руками. Его голос дрожал: – Не могу.

Поляна уже обезлюдела. Ребята скрылись в лесу, унося припасы и снаряжение – кто сколько смог поднять. Но никто из них не догадался прихватить с собой хрупкую, легкую девушку, которая сейчас заживо сгорала всего в нескольких метрах от Кларк.

– Помогите, – рыдала Кларк. – Кто-нибудь, *пожалуйста*, помогите!

Но ответом ей были лишь треск и гудение пламени.

Пламя над лазаретом взметнулось выше, стены сложились и обрушились внутрь; огонь словно всосал в себя палатку и все, что находилось внутри нее.

– Не-е-ет!

Послышался треск, и языки пламени взвились еще выше. Кларк закричала от ужаса, когда охваченная огненной бурей палатка вдруг медленно рассыпалась в пепел.

Все было кончено.

Кларк шла из медицинского центра и почти чувствовала, что флакон у нее в кармане пульсирует – словно в нем было сердце, как в старом рассказе, который на днях нашел в библиотеке Уэллс. Он предложил прочесть ей этот рассказ вслух, но Кларк наотрез отказалась. Только жутких историй, написанных до Катаклизма, ей сейчас и не хватало. Будто в ее собственной жизни не доставало кошмаров.

Кларк знала, что флакон в ее кармане не имел ничего общего с бьющимися сердцами. Как раз наоборот – ядовитый коктейль из лекарств и наркотиков внутри него нужен, чтоб навсегда остановить одно дорогое ей сердце.

Когда девушка пришла домой, родителей не было. Большую часть дня они проводили в лаборатории, но в последние несколько недель старались придумать повод, чтобы уйти куда-нибудь перед ее возвращением с учебы и вернуться, когда Кларк уже собиралась лечь. Пожалуй, так было лучше всего. Лилли становилось все хуже, и Кларк не могла спокойно видеть маму и папу – ее накрывали приступы ярости. Она знала, что это несправедливо, ведь, попытайся кто-нибудь из них возражать, родителей тут же казнили бы, а ее, Кларк, – арестовали. Все так. Но от этого ей не становилось легче встречаться с ними взглядом.

В лаборатории стояла тишина. Пробираясь через лабиринт пустых коек, Кларк слышала лишь гул кондиционеров. Мягкий шум голосов, когда-то висевший над помещением, прекратился после того, как отсюда тайно вынесли множество маленьких мертвых тел.

Лилли казалась еще более худой, чем накануне. Кларк тихонько прокралась к ее кровати и нежно погладила дрожащую руку подруги. Другой рукой она достала из кармана флакон. Это будет очень просто. Никто ничего не узнает.

Но тут белесые ресницы Лилли дрогнули, и Кларк застыла. Она смотрела в глаза подруги, и в ней поднималась ледяная волна ужаса и отвращения. Что она себе вообразила? Кларк почувствовала почти непреодолимый позыв разбить флакон. Ей пришлось сделать глубокий вдох, чтобы сдержаться и не швырнуть его об стенку.

Губы Лилли шевельнулись, но с них не слетело ни звука. Кларк подалась вперед и бледно улыбнулась подруге.

– Прости, не поняла. – Она поднесла ухо к самому рту Лилли. – Что ты говоришь?

Вначале Кларк чувствовала кожей лишь беззвучное движение воздуха, словно в легких Лилли не доставало воздуха, чтобы облечь дыхание в слова. Но потом ее потрескавшиеся губы прошелестели:

– Ты принесла?

Кларк подняла голову, чтоб заглянуть в тревожные карие глаза подруги и медленно кивнула.

– Дай, – еле слышно прозвучало в ответ.

– Нет, – дрожащим голосом возразила Кларк. – Не спеши. – Она сморгнула набежавшие слезы. – Тебе еще может стать лучше, – сказала Кларк, но эта ложь прозвучала жалко, как никогда.

Лицо Лилли исказилось от боли, и Кларк взяла ее за руку.

– Пожалуйста, – голос Лилли был еле слышен.

– Прости, – Кларк нежно сжала хрупкую руку подруги, по ее щекам заструились слезы. – Я не могу.

Глаза Лилли расширились, и Кларк резко выдохнула:

– Лил?

Но Лилли молчала, уставившись на что-то видимое только ей, и глаза ее наполнялись ужасом. Кларк знала, что физическая боль страшно терзает тело подруги, но галлюцинации, демоны, что донимали ее каждую секунду, вились вокруг, парили над тумбочкой, были еще хуже.

– Больше не могу.

Кларк закрыла глаза. Ее чувство вины и раскаяние не шли ни в какое сравнение со страданием Лилли. Было бы слишком эгоистично пойти на поводу у собственных страхов и отказать подруге в освобождении от боли. Лилли заслуживает покоя.

Кларк так затрясло, что она едва смогла достать из кармана флакон, не говоря уже о том, чтобы наполнить шприц. Стоя рядом с постелью подруги, Кларк взяла ее за руку и ввела в вену иглу.

– Спи спокойно, Лил, – прошептала она.

Лилли кивнула и улыбнулась. Кларк знала, что эта улыбка будет теперь преследовать ее всю оставшуюся жизнь.

– Спасибо.

Кларк держала руку Лилли несколько минут, пока та не уснула, а потом встала и пощупала пальцами еще теплое горло подруги. Пульса не было. Лилли не стало.

Кларк опустилась на влажную землю, отчаянно хватая ртом прохладный воздух, и перевернулась на бок.

Зрение застилала пелена слез, она видела лишь тихие, безмолвные силуэты стоящих вокруг людей.

Талия. Ее лучший друг, единственный человек, который действительно знал Кларк, знал, что она сделала с Лилли, и все равно не переставал ее любить. Только сегодня она помогла Кларк вновь наладить отношения с Уэллсом – а потом Уэллс держал Кларк, и они вместе смотрели, как Талия погибает.

– Мне так жаль, Кларк, – сказал Уэллс и потянулся к ней.

Кларк оттолкнула его руку.

– Я тебе не верю, – ровно и холодно сказала она.

Ярость хлопотала в ее груди, внутри полыхало адское пламя, топливом для которого служили ее гнев и горе.

– Ничего нельзя было сделать, – Уэллс запнулся. – Я просто... я не мог тебя отпустить. Ты бы погибла.

– И вместо этого ты дал погибнуть Талии. Это же ты решаешь, кому жить, а кому – умереть.

Он попытался было протестовать, но Кларк продолжала, дрожа от ярости:

– То, что произошло в лесу, было ошибкой. Ты разрушаешь все, к чему прикасаешься.

– Кларк, пожалуйста, я...

Но она просто встала, стряхнула с одежды гарь и, не оглядываясь, ушла в лес. У каждого из них в легких был пепел, а в глазах – слезы. Но у Уэллса вдобавок еще и руки были в крови.

Глава 31. Гласс

– А кольцо будет, как только я найду подходящее в Обменнике, – сказал Люк.

Обняв Гласс за талию, он вел ее по людным коридорам в сторону Феникса. Идти в толчее было трудно: народ, насладившись зрелищем кометы, расходился по домам. Гласс едва ли понимала, в какую сторону они идут. Сердце ее трепетало от радости, да и сама она дрожала, крепко уцепившись за руку Люка.

– Не надо мне никакого кольца.

Гласс коснулась висящего на груди медальона, который, казалось, испускал теплые лучи. Она знала, что в самое ближайшее время ничего не произойдет. Они не смогут пожениться немедленно. Хотя через несколько недель ей исполнится восемнадцать, рисковать нельзя, нужно дожидаться, чтобы Канцлер очнулся и подтвердил ее помилование. Или чтобы он умер. А мама обязательно все поймет, когда увидит, как сильно они с Люком друг друга любят. Придет день, когда они поженятся и подадут прошение о ребенке. Но сейчас ей достаточно было надежды на общее будущее.

– Этот медальон просто совершенство.

С лестничной клетки они свернули в коридор, который вел к крытому мосту. Люк приостановился и притянул к себе Гласс, чтобы пропустить охранников. Те прошли мимо них, слегка задев Гласс и глядя прямо перед собой. Гласс вздрогнула и прижалась к Люку, бросившему на охранников странный взгляд.

– Ты не знаешь, что происходит? – спросила она.

– Уверен, что ничего особенного, – слишком быстро ответил Люк, хотя его слова противоречили тому, как напряженно он сжал челюсти. Он поднес к губам их сцепленные пальцы и поцеловал руку Гласс. – Идем.

Гласс улыбнулась, и они продолжили путь. Топот ботинок охранников затих вдали, и теперь они были в коридоре совсем одни. Люк вдруг снова остановился и вскинул их руки вверх. Прежде чем Гласс успела спросить, в чем дело, он крутанул ее вокруг своей оси и запрокинул назад, словно в танце. Она засмеялась, а Люк обнял ее за талию и повлек по пустому коридору.

– Что это на тебя нашло? – спросила Гласс.

Люк приостановился, притянул ее ближе к себе и прошептал прямо в ухо:

– Когда ты со мной, я слышу музыку.

Гласс лишь улыбнулась в ответ, закрыла глаза, и их тела вновь поплыли по коридору в танце. Наконец Люк отстранился и сделал жест в направлении крытого перехода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.